ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ IV.

1828 — 1852 г.

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 л. 7.

1880.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ IV.

1828—1852 г.

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 л. 7.

1880.

(560)

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1828 — 1852 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
CCLII.	На новый 1828 годъ	3
CCLIII.	Быль	6
CCLIV.	Графинѣ ***	8
CCLV.	Эпиграмма	10
CCLVI.	Къ ***	11
CCLVII.	Катай-валяй	12
CCLVIII.	Море.	14
CCLIX.	Русскій романтикъ Русскому классику	18
CCLX.	Младость	19
CCLXI.	Пьянство	20
CCLXII.	Н. Н.	21
CCLXIII.	Эпитафья И. П. А.	22
CCLXIV.	Простоволосая головка	23
CCLXV.	Зимнія каррикатуры	25
CCLXVI.	Станція	32
CCLXVII.	Черныя очи.	42
CCLXVIII.	Листокъ.	45
CCLXIX.	Доброе желаніе	47
CCLXX.	Мнимому классику.	48
CCLXXI.	Посланіе къ А. А. Б.	49
CCLXXII.	Предостереженіе	52
CCLXXIII.	Стансы	53
CCLXXIV.	Эпиграммы	54
CCLXXV.	Ирландская мелодія	55
CCLXXVI.	Саловка	56
CCLXXVII.	Волненіе.	59
CCLXXVIII.	Къ *** въ Новый годъ	64
CCLXXIX.	Куплеты, пѣтые на семейномъ праздникѣ Окуловыхъ.	65

стран.

CCLXXX. Нравоучительныя четверостишія. (Изъ Вольтера) . . . 67
CCLXXXI. Эпиграммы 72
CCLXXXII. Дорожная Дума 73
CCLXXXIII. Къ нимъ. 74
CCLXXXIV. Къ... 76
CCLXXXV. Графинѣ Лудольфъ 78
CCLXXXVI. Лилія 79
CCLXXXVII. Къ А. О. Росетти 82
CCLXXXVIII. Логогрифъ 83
CCLXXXIX. Слезы 85
CCXC. Сельская пѣсня 86
CCXCI. Три вѣка поэтовъ 88
CCXCII. Въ Альбомъ Каролинѣ Карловнѣ Яниш 90
CCXCIII. Н. М. Д. 92
CCXCIV. Слеза 94
CCXCV. Цензоръ. 95
CCXCVI. Осень 1830 года 96
CCXCVII. Дружеская Бесѣда 99
CCXCVIII. Дарьѣ Александровнѣ Шиповой 103
CCXCIX. Прогулка въ степи 106
CCC. Эпиграмма 109
CCCI. Святочная шутка (Е. А. Тимашевой). 110
CCCII. Лѣса. 112
CCCIII. Родительскій Домъ 113
CCCIV. Къ журнальнымъ благопріятелямъ. 119
CCCV. Къ А. О. Смирновой 122
CCCVI. Дѣвичій сонъ 123
CCCVII. Пѣсня 125
CCCVIII. Два Ангела 126
CCCIX. Не для меня 128
CCCX. Оправданіе Тургенева 131
CCCXI. Хандра 135
CCCXII. Тоска 137
CCCXIII. Володенькѣ Карамзину 139
CCCXIV. До свиданія 140
CCCXV. Предопредѣленіе 142
CCCXVI. Къ Бухариной 143
CCCXVII. Вѣра и Софія. (Бухариной и Горсткиной) 144
CCCXVIII. Разговоръ 7 Апрѣля 1832 года 147
CCCXIX. Графинѣ Е. М. Завадовской. 149
CCCXX. Къ старому гусару 151
CCCXXI. Отрывки изъ Журнала Исповѣди 157
CCCXXII. Пѣсня (А. К. Карамзиной). 164

		стран.
CCCXXIII.	Прощаніе	166
CCCXXIV.	Поминаніе	167
CCCXXV.	Надпись на памятникѣ супруги П. П. Новосильцова	170
CCCXXVI.	Два разговора въ книжной лавкѣ.	171
CCCXXVII.	Жизнь и Смерть	172
CCCXXVIII.	Графинѣ Каролинѣ Потоцкой	173
CCCXXIX.	Дорожная Дума	175
CCCXXX.	Княжнѣ А. Д. Абамеликъ	176
CCCXXXI.	Порученіе въ Ревель.	177
CCCXXXII.	Къ Языкову	180
CCCXXXIII.	Балтійское видѣніе	185
CCCXXXIV.	Къ Графу В. А. Сологубу	186
CCCXXXV.	Тройка	188
CCCXXXVI.	Отвѣтъ	190
CCCXXXVII.	Флоренція	192
CCCXXXVIII.	Роза и Кипарисъ (графинѣ М. А. Потоцкой)	197
CCCXXXIX.	Kennst du das Land?	201
CCCXL.	М. И. Глинкѣ	203
CCCXLI.	На память	207
CCCXLII.	Пѣснь въ день юбилея И. А. Крылова	211
CCCXLIII.	Къ картинкѣ	214
CCCXLIV.	Я пережилъ.	215
CCCXLV.	Ты свѣтлая звѣзда	216
CCCXLVI.	Памяти живописца Орловскаго	217
CCCXLVII.	Брайтонъ	222
CCCXLVIII.	Самоваръ	225
CCCXLIX.	Эперне	229
CCCL.	Молись	240
CCCLI.	Любить. Молиться. Пѣть	247
CCCLII.	Надгробная надпись С. С. Кушникову	241
CCCLIII.	Молитва.	242
CCCLIV.	Старое поколѣніе	247
CCCLV.	Петербургская ночь	249
CCCLVI.	Шутка	252
CCCLVII.	Дорожная Дума	254
CCCLVIII.	Русскіе проселки	256
CCCLIX.	Нашъ вѣкъ	259
CCCLX.	Н. Н. Пушкиной	262
CCCLXI.	Сюда	265
CCCLXII.	Листу	266
CCCLXIII.	Князю В. И. Барятинскому	267
CCCLXIV.	Ночь.	271
CCCLXV.	Съ раздумiемъ смотрю	272

стран.

CCCLXVI. А. О. Смирновой. 273
CCCLXVII. Ночь въ Ревелѣ. 274
CCCLXVIII. Раздумье 281
CCCLXIX. П. Ѳ. Перфильевой 282
CCCLXX. Наши дачи хороши 284
CCCLXXI. Даромъ что изъ хладныхъ нѣдръ 286
CCCLXXII. Римъ 287
CCCLXXIII. Утѣшеніе 289
CCCLXXIV. Когда я былъ душою молодъ. 291
CCCLXXV. Къ усопшимъ льнетъ 292
CCCLXXVI. Крыловская Хавронья 293
CCCLXXVII. Важное открытіе 294
CCCLXXVIII. Комаръ и Клопъ. 296
CCCLXXIX. Всѣ скорби, всѣ язвы покорно. 297
CCCLXXX. Что мой свѣтикъ луна. 301
CCCLXXXI. Моя молитва. 305
CCCLXXXII. Святая Русь 311
CCCLXXXIII. Волшебная Обитель. 316
CCCLXXXIV. Тропинка 319
CCCLXXXV. Сумерки 323
CCCLXXXVI. Зима 325
CCCLXXXVII. Пѣснь на день рожденія В. А. Жуковскаго 329
CCCLXXXVIII. Привѣтствіе В. А. Жуковскому 331
CCCLXXXIX. Степь 335
CCCXC. Степью. 337
CCCXCI. Полтава 339
CCCXCII. Ночь на Босфорѣ 344
CCCXCIII. В. П. Титову 346
CCCXCIV. Босфоръ 347
CCCXCV. Очарованіе 350
CCCXCVI. Княгинѣ В. А. Голицыной 351
CCCXCVII. Въ походъ! (Княгинѣ В. А. Голицыной) 355
CCCXCVIII. Молитва. (Княгинѣ В. А. Голицыной) 356
CCCXCIX. Іерусалимъ 357
CCCC. В. П. Титову 358
CCCCI. Княгинѣ В. А. Голицыной 360
CCCCII. Молитва Ангелу Хранителю 362
CCCCIII. Пѣснь въ день юбилея Графа Д. Н. Блудова. . . . 365
CCCCIV. Посланіе къ Графу Д. Н. Блудову 368
CCCCV. Кто скажетъ мнѣ мою судьбу? 370
CCCCVI. Проѣздъ черезъ Францію 372
CCCCVII. Русской крылатой дружинѣ 377

1828 г.

CCLII.

НА НОВЫЙ 1828 ГОДЪ.

Друзья! вотъ вамъ изъ отдаленья
Въ стихахъ визитный мой билетъ,
И съ новымъ годомъ поздравленья
На много радостей и лѣтъ.
Раздайся весело будильникъ
На новой, годовой зарѣ,
И, всѣхъ благихъ надеждъ свѣтильникъ,
Зажгись на новомъ алтарѣ.
Друзья! по вздоху, полной чашѣ
За старый годъ! и по тройной
За новый! будущее наше
Спитъ въ колыбели роковой.
Годъ новый! Каждый, новой страстью
Волнуясь, молитъ новыхъ благъ:
Кто радъ испытанному счастью,
Кто отъ приволья ни на шагъ.
Судьба на алчное желанье
Въ насъ обрекла жрецовъ и жертвъ.
Желанье есть души дыханье:
Кто не желаетъ, тотъ ужъ мертвъ.
Оно въ лампадѣ жизни масло,
Какъ выгоритъ—хоть выкинь прочь!
Жаръ и сіянье—все погасло;
Зѣвнувъ, скажи: покойна ночь!

На все тогда гляди безстрастно
И чувство въ убылыхъ ищи:
Огнивой жизни бьешь напрасно
Въ кремень безпламенной души,
Не выбьешь искры вдохновенной,
Не бросишь звука въ мертвый слухъ,
Во тьмѣ святыни упраздненной
Безъ жизни—жертвенникъ потухъ.
Во мнѣ еще живаго много,
И сердце полно черезъ край;
Но опытность насъ учитъ строго—
Иного про себя желай!
И такъ въ признаньяхъ задушевныхъ
Я сердца не опорожню,
А изъ желаній ежедневныхъ
Коё-что бѣгло начерню.
Будь въ этотъ годъ бѣдамъ помѣха,
А на добро—попутный вѣтръ;
Будь меньше слезъ, а больше смѣха,
Будь все на *ясномъ* барометръ!
Будь счастье къ скорби сердобольно,
Будь скорбь въ смиреніи горда.
Будь торжество не своевольно,
А слабость совѣстью тверда.
Будь, какъ у насъ бывало древле
На православной сторонѣ:
Другъ и шампанское дешевле,
А совѣсть, умъ и рожь—въ цѣнѣ.
Будь искренность не горькимъ блюдомъ,
Въ храмъ счастья—чистое крыльцо,
Рубли и мысли не подъ спудомъ,
А соръ и вздоръ—не на лицо.
Будь въ этотъ годъ, другимъ неравный,
Всѣ наши умники умны,
Мольеры русскіе забавны,
А Кребильоны не смѣшны.

Будь наши истины не сказки,
Стихи не проза, свѣтъ не тьма,
И не тенета ближнихъ ласки
И чувства не игра ума..
На зло безграмотныхъ нахаловъ
И всѣхъ, кто только имъ сродни,
Дай Богъ намъ болѣе журналовъ:
Плодятъ читателей они.
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Въ чести тамъ грамота, перо;
Гдѣ грамота—тамъ просвѣщенье;
Гдѣ просвѣщенье—тамъ добро.
Козловъ и Пушкинъ съ Баратынскимъ!
Кого-жъ еще бы къ вамъ причесть?
Дай вамъ подрядомъ исполинскимъ,
Что день, стиховъ намъ ставить десть!
А вамъ, поставщикамъ всѣхъ бредней
На мельницахъ поэмъ и одъ,
Дай, муза, риѳмою послѣдней
Вамъ захлебнуться въ новый годъ!
Дай Богъ, за скрѣпой и печатью
Свершиться прочной мировой:
У пишущихъ—съ капризной *ятью*,
У сердца—съ гордой головой;
У отцвѣтающихъ красавицъ
Съ красавицами въ цвѣтѣ дней;
У юридическихъ піявицъ
Съ поживкой тяжебныхъ сѣтей.
Но какъ ни бѣгай риѳмой прытной,
Риѳмъ ко всему прибрать нельзя.
Къ новорожденному попыткой
Съ одной мольбой пойдемъ, друзья:
Пусть все худое въ вѣчность канетъ,
Съ послѣднимъ вздохомъ декабря,
И все прекрасное проглянетъ
Съ улыбкой первой января.

CCLIII.

БЫЛЬ.

Былъ древній храмъ готическаго зданья,
Обитель совъ, унынья и молчанья.
Узрѣлъ его художникъ молодой,
Постигъ умомъ обилье средствъ въ немъ скрытыхъ,
Сломалъ рядъ стѣнъ, ужъ временемъ подрытыхъ,
И, чародѣй, испытанной рукой
На грудѣ ихъ, изъ ихъ развалинъ, новый
Чертогъ воздвигъ. Величье, простота,
Искусство, вкусъ, красивость, чистота
Дивятъ глаза, и зодчій . . . Но суровый

Примѣчаніе автора. Сія быль написана лѣтъ за десять и лежала забытая въ моихъ бумагахъ; 19-й и 20-й № *Московскаго Вѣстника* привелъ мнѣ ее на память, и даетъ ей нынѣ цѣну новости и умѣстной случайности. Критика, подобная критикѣ г-на Арцыбашева; *Московскій Вѣстникъ*, который съ колѣнопреклоненіемъ принимаетъ ее и молитъ, какъ даянія достойнаго себя; торжественное извѣстіе, сообщенное „*Московскимъ Вѣстникомъ*“, что наконецъ и г-нъ Каченовскій собрался съ силами и готовится идти по слѣдамъ г-на Арцыбашева; г-нъ Арцыбашевъ, критикующій слогъ и языкъ Карамзина; „*Московскій Вѣстникъ*“, признающійся, что критика г-на Арцыбашева съ *выходками, лично относящимися къ Карамзину и писанными не съ хладнокровіемъ*, но, не смотря на то, или, можетъ быть, именно смотря на то, открывающій ей радушныя объятія; союзъ, смѣшеніе и заговоръ сихъ именъ въ виду имени, заслугъ и славы Карамзина, все это явленіе болѣе смѣшное, нежели прискорбное для нашей литтературной и народной чести. Тутъ нѣтъ повода къ разсужденіямъ, къ изслѣдованіямъ, къ отвѣтамъ систематическимъ—тутъ одинъ поводъ къ осмѣянію.

Законъ судьбы свершился и надъ нимъ.
Такъ рѣшено: на всѣхъ не угодимъ!
И зодчій нашъ, причастный вѣчной славы,
Не избѣжалъ хулителей трудовъ.
Враги нашлись, но гдѣ-жъ? въ семействѣ совъ.
Изъ теплыхъ гнѣздъ изгнанники, въ дубравы
Онѣ съ стыдомъ пустились, и въ дуплахъ
Въ досадѣ злой, въ остервенѣньи дикомъ,
Совиный ихъ ночной ареопагъ
Трудъ зодчаго позорилъ дерзкимъ крикомъ.

Языкъ отцовъ тотъ устарѣлый храмъ,
Карамзина сравнимъ съ отважнымъ зодчимъ;
Съ семьей же совъ, друзья! и съ прочимъ, прочимъ,
Кого и что́ сравнить, оставлю вамъ.

CCLIV.

ГРАФИНѢ ***.

Что поднесетъ новорожденной милой
Поэтъ, здоровіемъ и дарованьемъ хилой?
Онъ поднесетъ ли вамъ нескладные склады,
Стихи, горячки злой горячіе слѣды,
Стихи снотворные, безсонницы порука?
Но не безсовѣстно ль ему
Отъ скуки и на васъ нагнать смертельной скуки
Неотразимую чуму?
Нѣтъ, надъ собой я одержу побѣду;
Нѣтъ, въ день рожденья вашъ, я васъ не уморю,
И къ лихорадочному бреду
Въ добавокъ бредомъ риѳмъ съ оглядкой подарю.
Болѣзни голову—что-жъ дѣлать?—покорю,
Но сердце чистое недугу не подвластно;
Волненья чуждое, оно наединѣ,
Какъ въ магнетическомъ и дальновидномъ снѣ,
И вѣрно чувствуетъ, и съ истиной согласно.
Пусть за меня оно привѣтствовать спѣшитъ
Улыбку первую новорожденной милой
И, вдохновенное пророческою силой,
Въ избыткѣ чувствъ ей говоритъ:
„Ты будешь—(*ты* —не въ оскорбленье;
Вы—предразсудка дань условной суетѣ;
Но сердце вольное, въ природной простотѣ,

Избрало *ты* въ мѣстоименье
И божеству и красотѣ!)
„Ты будешь жить для радостей и счастья.
Какъ цвѣтъ, ласкаемый лобзаньемъ тишины,
Довѣрчиво цвѣтетъ на родинѣ весны,
Подъ небомъ радостнымъ, не знающимъ ненастья.
Такъ немерцающій разсвѣтъ
Свѣтлѣетъ и тебѣ на небѣ жизни ясной,
И тихая весна души твоей прекрасной
Тебѣ взлелѣетъ счастья цвѣтъ!“
Умѣнье нравиться безъ помощи искусства;
Умъ образованный подъ вдохновеньемъ чувства;
Ученость, но не та, что съ хартіей въ рукѣ
И въ шапкѣ докторской влачитъ педантства узы,
А свѣтлая подруга свѣтлой музы
Въ похищенномъ у граціи вѣнкѣ;
Даръ пѣсней, про себя, безъ жажды къ книжной славѣ;
Въ словахъ затѣйливость блестящей остроты,
И прелесть милой простоты
Въ открытомъ и веселомъ нравѣ:—
Все это вамъ судьбой дано.....
И только-ли? Нѣтъ, послѣ вѣрныхъ справокъ,
Еще припомнилъ я достоинство одно:
Глаза прелестные въ добавокъ!
А женщинѣ чета прелестныхъ глазъ,
Какъ умъ ни умничай, не лишнее для счастья;
Въ нихъ тайна женскаго надъ нами самовластья,
А кто не радъ господствовать изъ васъ?
Любуясь прелестью дитяти,
Какъ я ни обѣщалъ свой укротить языкъ,
Но заболтался я не кстати,
Хлыстова бодрый ученикъ.

CCLV.

ЭПИГРАММА.

Онъ въ разныхъ видахъ мной замѣченъ,
Противорѣчій много въ немъ:
Онъ скрытенъ сердцемъ, но умомъ
Ужъ какъ за то чистосердеченъ!

CCLVI.

КЪ * * *

Всѣ росказни мои вы назовете бредомъ;
Согласенъ, спора нѣтъ; и я за вами слѣдомъ
Ихъ сонным бредомъ назову:
Но тотъ, кто разъ былъ вмѣстѣ съ вами,
Признается легко, что бредилъ я стихами
О томъ, чтб каждый въ васъ увидитъ на яву.

CCLVII.

КАТАЙ-ВАЛЯЙ.

(Партизану-поэту.)

Какой-то умникъ наше тѣло
Съ повозкой сравнивать любилъ
И говорилъ всегда: въ томъ дѣло,
Чтобы вожатый добрый былъ.
Вожатымъ шалость мнѣ досталась,
Пускай несетъ изъ края въ край,
Пока повозка не сломалась,
Катай-валяй!

*
* *

Когда я приглашенъ къ обѣду,
Гдѣ съ чванствомъ голодъ за столомъ,
Или въ ученую бесѣду,
Пускай везутъ меня шажкомъ.
Но ѣду-ль въ кругъ, гдѣ умъ съ фафошкой,
Гдѣ съ дружбой ждетъ меня Токай,
Иль вдохновенье съ женской ножкой, —
Катай-валяй!

*
* *

По нивамъ, по коврамъ цвѣтистымъ
Не тороплюсь въ дальнѣйшій путь:

Въ тѣни древесъ, подъ небомъ чистымъ
Готовъ безпечно я заснуть,
Спѣшитъ отъ счастья безразсудной!
Меня, о время, не замай;
Но по ухабамъ жизни трудной
Катай-валяй!

*
* *

Издатели сухихъ изданій,
Творцы, на коихъ Сѣверъ спитъ,
Подъ вьюкомъ вашихъ дарованій
Пегасъ какъ вкопанный стоитъ.
Но ты, другъ Музамъ и Арею,
Пегаса на лету сѣдлай
И къ славѣ, какъ на батарею —
Катай-валяй!

*
* *

Удача! шалость! правьте ладно!
Но долго-ль будетъ править вамъ?
Заимодавецъ-время жадно
Бѣжитъ съ разсчетомъ по пятамъ!
Повозку схватитъ и съ поклажей
Онъ втащитъ въ мрачный свой сарай
Друзья! покамѣстъ пѣсня таже:
Катай-валяй!

CCLVIII.

МОРЕ.

Какъ стаи гордыхъ лебедей,
На синемъ морѣ волны блещутъ,
Лобзаются, ныряютъ, плещутъ
По стройной прихоти своей.
И упивается мой слухъ
Ихъ говоромъ необычайнымъ,
И сладко предается духъ
Мечтамъ плѣнительнымъ и тайнымъ.

Такъ! древности постигъ теперь
Я баснословную святыню:
О волны! красоты богиню
Я признаю за вашу дщерь!
Я вѣрю: родилась она
Изъ вашей колыбели зыбкой,
И пробудила міръ отъ сна
Своею свѣжею улыбкой.

Такъ, вѣрю: здѣсь явилась ты,
Очаровательница міра!
Въ прохладѣ влажнаго сапфира,
Въ стихіи свѣтлой чистоты.

Намъ чистымъ сердцемъ внушены
Прекрасныхъ таинствъ откровенья:
Изъ лона чистой глубины
Явилась ты, краса творенья.

И въ наши строгія лѣта,
Лѣта существенности лютой,
При васъ однѣхъ, хотя минутой
Вновь забывается мечта!
Не смѣли измѣнить вѣка
Вашъ образъ свѣтлый, вѣчно-юный,
Ни смертныхъ хищная рука,
Ни рока грознаго перуны!

Въ васъ нѣтъ слѣдовъ житейскихъ бурь,
Слѣдовъ безумства и гордыни,
И вашей дѣвственной святыни
Не опозорена лазурь.
Кровь ближнихъ не дымится въ ней;
На почвѣ, смертнымъ непослушной,
Нѣтъ мрачныхъ знаменій страстей
Свирѣпыхъ въ злобѣ малодушной.

И если смертный возмутитъ
Вашъ миръ преступною отвагой,
Вы очистительною влагой
Спѣшите смыть мгновенный стыдъ.
Отринутый изъ чуждыхъ нѣдръ,
Онъ поглощаемъ шумной бездной:
Такъ пятна облачныя вѣтръ
Сметаетъ гнѣвно съ сѣни звѣздной!

Людей и времени раба,
Земля состарѣлась въ неволѣ:
Шутя ея играютъ долей
Владыки, вѣки и судьба.

Но вы все тѣжь, что въ день чудесъ,
Какъ солнце первое въ васъ пало,
О вы, незыблемыхъ небесъ
Ненарушимое зерцало!

Такъ и теперь моей мечтѣ
Изъ лона зеркальной пустыни
Свѣтлѣетъ ликъ младой богини
Въ прозрачно-влажной красотѣ.
Вокругъ нея, какъ радугъ блескъ,
Вершины волнъ горятъ игривѣй,
И звучный ропотъ ихъ и плескъ
Еще душѣ краснорѣчивѣй!

Надъ ней, какъ звѣзды, свѣтятъ сны,
Давно померкшіе въ туманѣ,
Которые такъ ясно ранѣ
Горѣли въ небѣ старины.
Изъ волнъ, цѣлующихъ ее,
Мнѣ вѣютъ рѣчи дивной дѣвы:
Въ нихъ слышно прежнее бытье,
И лѣтъ младенческихъ напѣвы.

Онѣ чаруютъ и цѣлятъ
Тоску сердечнаго недуга,
Какъ мировое слово друга,
Всѣ чувства межъ собой мирятъ.
Въ невыразимости своей
Сколь выразителенъ сей лепетъ:
Онъ пробудилъ въ душѣ моей
Восторговъ тихихъ сладкій трепетъ.

Какъ звучно льнетъ зефиръ къ струнамъ,
Играя арфою воздушной,
Такъ и въ душѣ моей послушной
Есть отзывъ пѣснямъ и мечтамъ.

Волшебно забываетъ умъ
О настоящемъ, мысль гнетущемъ,
И въ сладострастьи стройныхъ думъ
Я весь въ протекшемъ, весь въ грядущемъ.

Сюда, поэзіи жрецы!
Сюда, существенности жертвы!
Кумиры ваши здѣсь не мертвы
И не померкли ихъ вѣнцы.
Про васъ поэзія хранитъ
Свои преданья и повѣрья;
И здѣсь, гдѣ море вамъ шумитъ,
Святыни свѣтлыя преддверья!

CCLIX.

РУССКІЙ РОМАНТИКЪ РУССКОМУ КЛАССИКУ.

Дрожащій подъ ферулой школьникъ!
Тебя ли я возьму въ примѣръ?
Ты говоришь, что я раскольникъ,
Я говорю: ты старовѣръ.

CCLX.

МЛАДОСТЬ.

Не долго насъ лелѣетъ младость,
Увы! измѣнитъ намъ она;
Сія обманчивая сладость,
Дней нашихъ пылкая весна,
Мелькнетъ летучею стрѣлою.
Мечты блеснутъ—исчезнутъ вдругъ:
Такъ птички съ осенью толпою
Поблекшій оставляютъ лугъ;
Судьба глядитъ на все спокойно,
И время, грозной чередой,
Все разрушаетъ своевольно
Неотразимою косой.

CCLXI.

ПЬЯНСТВО.

Всѣ пьютъ, и всѣ упоены:
Мужъ—лаской молодой жены,
Поэтъ—Кастальскою волной,
Герой — побѣдой и войной,
Астрономъ — музыкою сферъ,
Вельможа — отъ хвалы пьянѣетъ;
Я также пью—на свой манеръ,
И всякій пьянъ какъ кто умѣетъ.

CCLXII.

Н. Н.

Ты измѣнилъ, мой милый, намъ,
Бесѣды нашей сталъ бояться,
Ты промѣнялъ друзей на дамъ,
Скучнѣй дружиться чѣмъ влюбляться,
И это ясно:—гдѣ цвѣтки,
Тамъ и порхаютъ мотыльки.

CCLXIII.

ЭПИТАФІЯ И. П. А.

Покойникъ всѣми былъ любимъ,
И, свято чтя Германски нравы,
Не упивался дымомъ славы,
За то — глоталъ табачный дымъ.

CCLXIV.

ПРОСТОВОЛОСАЯ ГОЛОВКА.

(Посвящается Пелагеѣ Николаевнѣ Всеволожской, урожденной Клушиной).

Простоволосая головка,
Улыбчивость лазурныхъ глазъ,
И своенравная уловка,
И блажь затѣйливыхъ проказъ,

Все въ ней такъ молодо, такъ живо,
Такъ не похоже на другихъ,
Такъ поэтически игриво,
Какъ Пушкина веселый стихъ.

Пусть спѣсь губернской прозы трезвой,
Чинясь, косится на нее:
Поэзіей живой и рѣзвой
Она всегда возьметъ свое.

Она пылитъ, она чудеситъ,
Играетъ жизнью и, шутя,
Она влечетъ къ себѣ и бѣситъ,
Какъ своевольное дитя.

Она дитя, рѣзвушка, мальчикъ,
Но мальчикъ, всѣмъ знакомый намъ,

Котораго лукавый пальчикъ
Грозитъ и смертнымъ и богамъ.

У нихъ во всемъ одни пріемы,
Въ сердца играютъ заодно:
Кому глаза ея знакомы,
Того ужъ сглазилъ онъ давно.

Ея игрушка сердцеловка,
Поймаетъ сердце и швырнетъ:
Простоволосая головка
Всѣхъ поголовно заберетъ!

CCLXV.

ЗИМНІЯ КАРИКАТУРЫ.

Русская луна.

Русакъ, поистинѣ сказать,
Не полунощникъ, не лунатикъ:
Не любитъ ночью нашъ флегматикъ
На звѣзды и луну зѣвать.

И если въ лавкахъ Музы Русской
Луной торгуютъ на подхватъ,
То развѣ взятой на прокатъ
Луной Нѣмецкой, иль Французской.

Когда-жъ въ каникулы зимы
Горитъ у насъ морозъ трескучій,
И мѣсяцъ въ небесахъ безъ тучи
Навѣрно мерзнетъ, какъ и мы.

„Теперь-то быть въ дорогѣ славно!“
Подхватитъ тутъ прямой Русакъ.
Да, чорта съ два! какъ бы не такъ,
Куда пріятно и забавно!

Нѣтъ, воля ваша, господа!
Когда морозъ деретъ по кожѣ,

Мнѣ теплая постель дороже,
Чѣмъ ваша прытная ѣзда.

Кибитка.

Что за медвѣжіе набѣги
Самъ-другъ съ медвѣдемъ на спинѣ?
Нѣтъ, нѣтъ, путь зимній не по мнѣ:
Морозъ, ухабы, вьюги, снѣги.

А подвижной сей казематъ,
А подвижная эта пытка,
Которую зовутъ: кибитка,
А изобрѣлъ намъ зимній адъ.

Неволя, духота и холодъ:
Носъ зябнетъ, а въ ногахъ тоска,
То подтолкнетъ тебя въ бока,
То головой стучишь, какъ молотъ.

И все, что небо обрекло
На сонъ вещественныя смерти,
Движеньемъ облекаютъ черти
Страдальцу горькому на зло.

Подушки, отдыха пріюты,
Неугомонною возней
Скользятъ, вертятся подъ тобой,
Какъ будто въ нихъ бѣсенокъ лютый,

Иль шерстью съ звѣря царства тьмы
Набилъ ихъ адскій пересмѣшникъ,
И, разорвавъ свой саванъ, грѣшникъ
Далъ вѣдьмамъ наволки взаймы.

И въ шапкѣ дьяволъ колобродитъ:
То лобъ тѣснитъ, то съ лба ползетъ,

То голова въ нее уйдетъ,
То съ головы она уходитъ.

Что въ платьѣ шовъ, то ужъ рубецъ,
Въ оковахъ словно руки, ноги,
И снаряжая для дороги,
Твой камердинеръ былъ кузнецъ.

Дремота липнетъ ли къ рѣсницѣ,
Твой сонъ горячки бредъ шальной:
То обопрется домовой
На грудь желѣзной рукавицей;

То хочешь ты безъ крылъ летѣть,
То падаешь въ пучину съ моста,
То вдругъ невиданнаго роста
Идетъ здороваться медвѣдь;

То новый врагъ передъ страдальцемъ,
Съ тетрадью толстой риѳмодулъ
Стихами въ петлю затянулъ,
Схватя за петлю мощнымъ пальцемъ.

Мятель.

День свѣтитъ: вдругъ невидно зги,
Вдругъ вѣтеръ налетѣлъ размахомъ,
Степь поднялася мокрымъ прахомъ
И завивается въ круги.

Снѣгъ съ верху бьетъ, снѣгъ прыщетъ съ низу,
Нѣтъ воздуха, небесъ, земли,
На землю облака сошли,
На день насунувъ ночи ризу.

Штурмъ сухопутный: тьма и страхъ,
Компасъ не въ помощь, ни кормило:

Чутье заглохло и застыло
И въ ямщикѣ и въ лошадяхъ.

Тутъ выскочитъ проказникъ лѣшій,
Ему раздолье въ кутерьмѣ:
То огонекъ блеснетъ во тьмѣ,
То перейдетъ дорогу пѣшій.

Тамъ колокольчикъ гдѣ-то брякъ,
Тутъ добрый человѣкъ аукнетъ,
То кто-нибудь въ ворота стукнетъ,
То слышенъ лай дворныхъ собакъ.

Пойдешь впередъ, поищешь съ боку,
Все глушь, все снѣгъ, да *мерзлый паръ*.
И Божій міръ сталъ снѣжный шаръ,
Гдѣ какъ ни шаришь, все безъ проку.

Тутъ къ лошадямъ косматый врагъ
Кувыркнется съ поклономъ въ ноги,
И въ полночь самую съ дороги
Кибитка на бокъ и въ оврагъ.

Ночлегъ и тихій и съ просторомъ:
Тутъ тараканамъ не залѣзть,
И развѣ волкъ ночнымъ дозоромъ
Придетъ провѣдать, кто тутъ есть.

Ухабы. Обозы.

Какой враждебный духъ, духъ зла, духъ разрушенья,
Какой свирѣпый ураганъ,
Стоячей качкою, волнами безъ движенья
Изрылъ сей снѣжный океанъ?

Кибитка-ладія шатается, ныряетъ,
То вглубь ударится со скользкой крутизны,

То дыбомъ на хребетъ замерзнувшей волны
Ее насильственно кидаетъ.

Хозяйство, урожай, плоды земныхъ работъ,
Въ народномъ бюджетѣ вы свѣтлые итоги,
Вы капиталъ земли стремите въ оборотъ,
Но жаль, что портите вы зимнія дороги.

На креслахъ у огня, не хуже чѣмъ Дюпень,
Движенья силъ земныхъ я радуюсь избытку;
Но радъ я проклинать, какъ попаду въ кибитку,
Труды, промышленность и пользы деревень.

Обозы, на Руси быть *зимнимъ судоходствомъ* *)
Васъ Русскій Богъ обрекъ, — и милость велика:
Помѣщики отъ васъ и съ деньгой и съ дородствомъ,
Но въ проѣзжающихъ болятъ отъ васъ бока.

Покажется декабрь, и тысяча обозовъ
Изъ пристаней степныхъ пойдутъ за барышемъ,
И путь, уравненный отъ снѣга и морозовъ,
Начнутъ коверкать непутемъ.

Несутъ къ столицамъ ненасытнымъ
Что цѣлый годъ росло, а люди въ день съѣдятъ:
Богатства Русскія подъ видомъ первобытнымъ
Гречихи, ржи, овса и мерзлыхъ поросятъ,

И сельскихъ прихотей запасъ разнообразный,
Ко внукамъ бабушекъ гостинцы изъ села
И городскимъ властямъ невинные соблазны:
Соленые грибы, наливки, пастила.

Какъ муравьи они копышатся роями,
Какъ муравьямъ имъ счета не свести;
Какъ зміи длинные, во всю длину пути
Перегибаются лѣнивыми хребтами.

---

*) Въ подражаніе князю Потемкину, который называлъ жидовъ судоходствомъ Польши.

То разрываютъ снѣгъ пронзительнымъ ребромъ,
И застываетъ слѣдъ, прорѣзанный глубоко;
То разгребаютъ снѣгъ хвостомъ,
Который съ бока въ бокъ волочится широко.

Ужъ хлѣбосольная Москва
Ждетъ сухопутныя флотильи,
Въ гостепріимномъ изобильи
Ея повыбились права.

Всю душу передавъ заботливому взору,
Къ окну разъ десять въ день подходитъ бригадиръ,
Глядитъ и думаетъ: придетъ-ли помощь въ пору?
Задастъ-ли съ честью онъ свой имянинный пиръ?

Съ умильной радостью, съ слезой мягкосердечья,
Ужъ исчисляетъ онъ гостей почетныхъ съѣздъ,
И сколько блюдъ и сколько звѣздъ
Украсятъ пиръ его въ глазахъ Замоскворѣчья.

Ужъ предначертанъ планъ, какъ дастся сытный бой,
Чтобъ быть ему гостей и дня того достойнымъ;
Ужъ въ тѣсной залѣ столъ большой
Рисуется предъ нимъ покоемъ безпокойнымъ.

Просторъ локтямъ! изрекъ Французской кухни судъ,
Но намъ онъ не указъ: благодаримъ покорно!
Другъ друга поприжавъ, намъ будетъ всѣмъ просторно;
Вѣдь люди въ тѣснотѣ живутъ.

И хриплымъ голосомъ и брюхомъ на виду,
Рожденный быть вождемъ въ служительскихъ фалангахъ,
Дворецкій съ важностью въ лицѣ и на ходу
Разноситъ кушанья по табели о рангахъ.

Дверь настежь: съ торжествомъ, какъ витязь на щитахъ,
Толпой рабовъ осетръ выносится картинно,
За нимъ салфеткою спеленутую чинно
Несутъ вдову Клико, согрѣтую въ рукахъ.

Молю, въ желанный срокъ да не придетъ обозъ,
И за мои бока молю я мщенья! мщенья!
А если и придетъ, да волей Провидѣнья
День имянинъ твоихъ днемъ будетъ горькихъ слезъ.

Испорченный судьбой, кухмистромъ и дворецкимъ,
Будь пиръ твой въ стыдъ тебѣ, гостямъ твоимъ во вредъ!
Будь гость, краса и честь пирамъ Замосквор̀цкимъ,
Отозванъ на другой обѣдъ!

Но, если онъ тебя прибытьемъ удостоитъ,
Пусть не покажется ему твоя хлѣбъ-соль,
И что-нибудь нечаянно разстроитъ
Устроенный ему за мѣсяцъ рокамболь.

CCLXVI.

СТАНЦІЯ.

Досадно слышать: Sta viator!
Иль, изъясняяся простѣй:
Извольте ждать, нѣтъ лошадей, —
Когда губернскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ
(Ему типунъ бы на языкъ!),
Сей рѣчью ставитъ васъ въ тупикъ.
Отъ этого-то Русскимъ трактомъ
Ѣзда не слишкомъ веселитъ;
Какъ ѣдешь, дѣйствіе кипитъ,
Пріѣдешь: стынетъ за антрактомъ.
Да и скакать, дождись пути,
Замѣтить должно мнѣ въ прибавку,
Чтобы точнѣй въ журналъ ввести
Топографическую справку:
Дороги наши, садъ для глазъ,
Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль: проѣзда нѣтъ подъ-часъ.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша:
Дорога, скажешь, хороша —

И вспомнить стихъ: для проходящихъ!
Свободна Русская ѣзда
Въ двухъ только случаяхъ: когда
Нашъ Макъ-Адамъ, или Макъ-Ева
Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ
И запорошитъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ,
Или когда поля пройметъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
Пройти, глаза зажмуря, муха.
Что жь дѣлать? время есть всему:
Гражданству, роскоши, уму.
Рукой степенной ходъ размѣренъ:
Итогъ въ успѣхахъ нашихъ вѣренъ,
Пождемъ и возрастетъ итогъ.
Давно ль могущій Петръ природу,
Судьбу и смертныхъ перемогъ,
Прошелъ сквозь мракъ, сквозь огнь и воду
И слѣдомъ богатырскихъ ногъ
Давно ли вдоль и поперегъ
Протоптана его Россія?
Исполнятся судьбы благія
И мы не будемъ безъ дорогъ.
За то военную дорогу
Прокладывать умѣемъ мы:
Въ Парижѣ были, слава Богу,
И можетъ, не боясь чумы,
Ни Магомета стражи райской,
За славной тѣнью Задунайской,
За тѣнью Царственной Жены,
Мы доберемся до луны;
За Грековъ молвимъ рѣчь - въ Стамбулѣ
И межь собой, безъ дальнихъ ссоръ,

Миролюбиво кончимъ споръ,
Когда-то жаркій при Кагулѣ.

„Такъ лошадей мнѣ нѣтъ у васъ?“
— Смотрите въ книгѣ: счетъ тутъ ясенъ. —
„Ихъ въ книгѣ нѣтъ, я въ томъ согласенъ;
Въ конюшнѣ нѣтъ-ли?“ — Тройка съ часъ
Послѣдняя съ курьеромъ вышла,
Двѣ клячи на дворѣ и есть,
Да ихъ хоть выбылыми счесть:
Не ходитъ ни одна у дышла. —
„А долго-ли прикажешь мнѣ,
Платя въ избѣ терпѣнью дани,
Исторіи тьму-тараканни
Учиться по твоей стѣнѣ?“
— Да къ ночи кони придутъ, нѣтъ-ли,
Тутъ ихъ покормимъ часъ иль два!
Ей-ей, кружится голова;
Приходитъ жутко, хоть до петли!
И днемъ и ночью все разгонъ,
А всего на всего пять троекъ;
Тутъ какъ ни будь смышленъ и боекъ,
А полѣзай изъ кожи вонъ!

Стой, путникъ, стой! что-жъ молвить больше,
Когда подвинуться нельзя?
За чѣмъ не странствую я въ Польшѣ,
Мои любезные друзья!
Судьба по трактамъ Европейскимъ
(Что́, мнѣ признаться, очень жаль)
Меня не завозила вдаль.
Я только Польскимъ да Еврейскимъ
Почтовымъ Ларямъ билъ челомъ.
Какъ я ни рвался чувствомъ жаркимъ,
Какъ ни загадывалъ умомъ,
Полюбоваться небомъ яркимъ

И міра свѣтлой полосой,
Какъ я ни залеталъ мечтой
Въ міръ Божій, изъ глуши далекой,
Гдѣ слѣдъ мой темный, одинокой,
Мятелью снѣжной занесенъ,
Какъ ни раскидывалъ сквозь сонъ,
Всегда обманчивый и краткій,
Своей кочующей палатки
Среди блестящихъ городовъ,
Среди базаровъ просвѣщенья;
Но: Sta viator! — съ этихъ словъ
Оглоблями воображенья
Я поворачивалъ домой.
О Польшѣ рѣчь была: но съ рѣчи
Богъ вѣсть за чѣмъ, Богъ вѣсть куда,
Сбиваюсь отъ горячей встрѣчи
Нежданныхъ мыслей. Господа!
Простите разъ мнѣ навсегда.
По Польшѣ и ѣзда веселье
И остановка не въ накладъ:
Иной бы и зажиться радъ,
Какъ попадетъ на новоселье;
Затѣмъ что пара бойкихъ глазъ,
Искусныхъ въ проволочкѣ Польской
(Отъ коихъ онъ пылалъ и гасъ,
Былъ смѣлъ и робокъ въ тотъ же часъ),
Такъ заведетъ дорогой скользкой,
Такъ закружитъ въ немъ дурь и хмѣль,
Что шуткой съ перваго присѣста
Она его, не тронувъ съ мѣста,
Промчитъ за тридевять земель.
Такъ, помню Польскіе ночлеги:
Тутъ есть для отдыха и нѣги
На что́ взглянуть, гдѣ лечь, что́ съѣсть, —
Грѣшно-бъ о нашихъ рѣчь завесть.
И чтобъ не дать себя проклятью

Патріотическихъ уликъ,
Патріотической печалью
Не лучше-ль закрѣпить языкъ?
Пѣвецъ, который вѣдалъ горе,
Сказалъ: nessun maggior dolore
И прочее: не правъ-ли онъ?
Смотрю на память съ двухъ сторонъ:
Благопріятной и враждебной.
Она, какъ въ древности кумиръ,
На ликахъ носитъ брань и миръ.
То злобный духъ, то другъ волшебной,
Она намъ въ казнь, или въ любовь;
Иль дразнитъ благомъ, ужь заочнымъ,
Иль говоритъ: условьемъ срочнымъ
Что было, можетъ быть и вновь.
По крайней мѣрѣ память нынѣ,
Смотря привѣтливымъ лицемъ,
Мнѣ свѣтитъ въ зеркальной святынѣ
Своимъ волшебнымъ фонаремъ.
Голодный столъ окинувъ взглядомъ
И видя въ разныхъ племенахъ
Живой обѣдъ со мною рядомъ
На двухъ и четырехъ ногахъ,
Голодный, видя къ злой обидѣ,
Какъ по ногамъ моимъ со сна,
Съ испуга, въ первобытномъ видѣ
Семейно жмется ветчина,
Я не грущу: пусть квасъ и молодъ,
А хлѣбъ немного пожилой,
Я убаюкиваю голодъ
Надеждой, памяти сестрой.
Постясь за полдникомъ крестьянскимъ,
Отрадно мнѣ себѣ сказать:
Я трюфли запивалъ шампанскимъ,
Богъ дастъ, и буду запивать.
Итакъ, вашъ путевой нотарій,

Изъ Русской почтовой избы
Вамъ Польской почты инвентарій
Я подношу на зло судьбы.
„Жена иль дочка коммиссаржа
„Полячка,— словомъ, все сказалъ:
„Тутъ и портретъ и мадригалъ;
„При томъ цыплята, раки, спаржа,
„Или технически скажу
„И мѣстность красокъ удержу:
„Kurczeta, raczki i szparagi
(Чего не стерпитъ листъ бумаги
И риѳма подъ моимъ перомъ?),
„Гитара на стѣнѣ крестомъ
„Съ оружьемъ Старопольской славы,
„Кумиры чести и забавы
„Патріотической четы,
„На окнахъ свѣжіе цвѣты,
„Сарматской флоры даръ посильный;
„Тамъ въ рамкахъ за стекломъ черты
„Героевъ Кракова и Вильны,
„На полкѣ—чтенье красоты,
„Романъ трагическо-умильный
„И съ нимъ Дмушевскаго листы,
„Въ которыхъ лѣтописецъ вѣрной
„Съ неутомимостью примѣрной
„Изо дня въ день, изъ часу въ часъ
„Ведетъ исторію Варшавы,
„На все вперяя зоркій глазъ:
„Спектакли, выѣзды въ заставы,
„Продажа книгъ, побѣгъ собакъ,
„Проказы, добрыхъ дѣлъ примѣры,
„Волненье модъ и атмосферы,
„Движенья жизни: смерть и бракъ;
„Движенья биржи: курсъ, банкруты;
„Дѣла вѣковъ, дѣла минуты,—
„Все съ горяча въ сырой листокъ

„Передастъ печать прилежно,
„Уѣздамъ и потомству въ прокъ“.
Какъ я заслушивался нѣжно
Тебя, Варшавскій вѣстовщикъ,
Когда во мнѣ во дни разлуки
Будилъ замолкнувшіе звуки
Словоохотный твой языкъ.
На голосъ дружнаго привѣта
Отвѣтъ созвучный я давалъ:
Поэзіей была газета
И надъ афишкой я мечталъ.

Я волю далъ широкимъ перьямъ
Залетной памяти моей,
Мечтой коснулся я преддверьямъ
Чертоговъ прелестей и фей,
Влетѣлъ въ Варшаву — и, безсильный,
Засѣлъ я въ сѣти прежнихъ дней.
Здѣсь тайна. Критикъ щепетильный,
Ты не поймешь моихъ рѣчей.
Umizgać się! за это слово,
Хотя ушамъ оно сурово,
Я радъ весь нашъ словарь отдать:
На немъ хранится талисманомъ
Могущей прелести печать;
Обворожительнымъ дурманомъ
Щекотитъ голову и грудь
Того, кто воздухомъ Варшавы
Былъ упоенъ когда-нибудь,
Кто изъ горнушекъ Вѣйской кавы
Пилъ нектаръ медленной отравы,
Или въ Беляны знаетъ путь.
Umizgać się, въ семъ словѣ миломъ,
Какъ въ сердцѣ, Польша вся живетъ
И въ хороводѣ легкокрыломъ
Своихъ соблазновъ рой влечетъ.

При этомъ словѣ я въ Варшавѣ,
И сонъ минувшій снится въ явѣ:
При блескѣ свѣчъ передо мной
Взвились, зажглись чета съ четой,
Цѣпь вьется и мазурки знойной
Кипитъ и гаснетъ вихорь стройной
Подъ гулъ отрывистыхъ смычковъ.
Или день праздничный: косцелы
Пустѣютъ; полдень: будто пчелы,
Изъ ульевъ набожныхъ трудовъ
Расправя крылья золотыя,
Спѣшатъ святоши молодыя.
Пестрѣютъ улицы, кипятъ;
Глазамъ раздолье и мученье,
Но средоточится волненье —
И рой за роемъ хлынулъ въ садъ.
Въ аллею сжался городъ тѣсный.
Вотъ въ лицахъ старины мечты:
Вотъ сеймъ державный, сеймъ прелестный,
Вотъ посполита красоты.
Здѣсь блещетъ знаменьемъ утѣшнымъ
И мнѣній и одеждъ успѣхъ:
Чинъ съ чиномъ, съ знатью скромный цѣхъ
Сравнялись равенствомъ безгрѣшнымъ
(Хотя оно и вводитъ въ грѣхъ)
Пригожихъ лицъ и ножекъ стройныхъ,
Мой Пушкинъ, строфъ твоихъ достойныхъ
И такъ обутыхъ, что едва ль
Ихъ обнажить было бъ не жаль.
Или въ театрѣ народо́вомъ,
Гдѣ окрыляютъ Польскимъ словомъ
Патріотическій порывъ,
Стихи Нѣмцевича забывъ,
Гласъ старца, убѣжденья полный,
Которымъ движетъ и живитъ
Онъ зыбкаго партера волны,

И увлекаетъ и разитъ.
Смотрю я на другую сцену,
Гдѣ страсти дѣйствуютъ живьемъ,
Гдѣ въ представленіи нѣмомъ
Автерамъ зрители на смѣну.
Тутъ романтическая связь:
Единства мѣста не держась,
Изъ креселъ въ ложи и обратно
Огнемъ чуть зримымъ, перекатно
Живая нить игры живой
Завязкой тайною снуется,
А тамъ развязкой распрядется,
Какъ слѣдуетъ своей чредой.

Теперь для критики судейской
Словцо ученое: глаголъ
Umizgać siç, глаголъ житейской;
Ему насъ учитъ женскій полъ.
Онъ жемчугъ Польскаго нарѣчья,
Его понятья безъ увѣчья
Въ другой языкъ не передать,
Какъ въ словаряхъ другихъ ни рыться;
Faire la cour и волочиться
Смѣшно напоминаетъ блажь
Маркизовъ чопорнаго вѣка,
Иль заставляетъ заключить,
Что волокита долженъ быть
Или подагрикъ иль калѣка.

Моглобъ досадно быть ушамъ,
Когда читатели — зоилы
Завопятъ: Sta viator! Намъ
Тащиться за тобой нѣтъ силы.
Но къ притязаньямъ дерзкихъ лицъ
Въ насъ къ счастью самолюбье глухо

И золотомъ, какъ у дѣвицъ,
Завѣшено поэта ухо
И такъ, пока нѣтъ лошадей,
Перомъ досужнымъ погуляю.

. . . . . .

. . . . . .

CCLXVII.

ЧЕРНЫЯ ОЧИ.

Южныя звѣзды! Черныя очи!
Неба чужаго огни!
Васъ-ли встрѣчаютъ взоры мои
На небѣ хладномъ блѣдной полночи?

Юга созвѣздье! Сердца зенитъ!
Сердце, любуяся вами,—
Южною нѣгой, южными снами
Бьется, томится, кипитъ.

Тайнымъ восторгомъ сердце объято,
Въ вашемъ сгарая огнѣ;
Звуковъ Петрарки, пѣсней Торквато
Ищешь въ нѣмой глубинѣ!

Тщетны порывы! Глухи напѣвы!
Въ сердцѣ нѣтъ пѣсней, увы!
Южныя очи сѣверной дѣвы,
Нѣжныхъ и страстныхъ, какъ вы!

1829 г.

CCLXVIII.

ЛИСТОКЪ.

Теперь у васъ онъ—тотъ листокъ завѣтный
Что мирный мракъ таинственно берегъ,
Сердечныхъ бурь остатокъ чуть замѣтныхъ,
Минувшихъ мукъ и радостей залогъ.

Теперь игра онъ новаго волненья
И занесенъ къ вамъ новою грозой:
Онъ пропадетъ у васъ въ тѣни забвенья,
Живыхъ страстей сей памятникъ нѣмой,

Подъ бурею изверженный пучиной,
На берегу обломокъ ладіи,
Тамъ одинокъ не признанный чужбиной,
Не призрѣнный участіемъ любви.

А сколькихъ слезъ, тоски, бореній розныхъ
Онъ зритель былъ на лонѣ гнѣвныхъ бурь
И сколько дней, то радостныхъ, то грозныхъ,
Извѣдалъ онъ- ненастье и лазурь.

Но кто на немъ и повѣсть роковую
И таинство судьбы его прозритъ?

Кто въ дань ему прольетъ слезу живую
И вздохомъ пеплъ минувшаго почтитъ?

И съ сердцемъ такъ истерзаннымъ на части,
Когда себя переживетъ оно,
И въ хладный міръ обломкомъ буйной страсти,
На чуждый брегъ заброшено одно.

Кровавыхъ буквъ, на немъ напечатлѣнныхъ,
Не разберетъ веселая толпа,
И красота, среди счастливцевъ плѣнныхъ,
На скорбь его безжалостно слѣпа.

CCLXIX.

ДОБРОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Еще немногими строками
Былъ обозначенъ твой альбомъ,
Еще немногими годами
Ты разсчитался съ бытіемъ.
Гляди впередъ съ веселой думой:
Грядущее въ стезѣ твоей
Передъ тобой съ богатой суммой
И стройныхъ римъ и стройныхъ дней.

Младой счастливецъ, безъ боязни
Альбомъ и книгу бытія
Ввѣрь Провидѣнью и пріязни,
И вѣра наградись твоя.
Въ ладу съ удачей неразлучно,
Не знай ни въ свѣтѣ ни въ листкахъ,
Что въ жизни много прозы скучной
И много глупостей въ стихахъ.

CCLXX.

МНИМОМУ КЛАССИКУ.

Не классикъ ты и не романтикъ;
Но что же ты въ своихъ стишкахъ?
На козьихъ ножкахъ старый франтикъ,
Съ указкой дѣтскою въ рукахъ.

CCLXXI.

ПОСЛАНІЕ КЪ А. А. Б.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ПОРТРЕТА.

На каждомъ вѣкѣ отпечатокъ
Какихъ-нибудь причудъ въ чести;
Одна старѣется, въ задатокъ
Спѣшитъ другая подрости.
Державинъ, вѣку давъ заглавье,
Сказалъ: „весь свѣтъ сталъ бригадиръ“.
Теперь заброшенъ на безславье
Высокородія кумиръ
И бригадирство не въ поминѣ;
Но въ свой чередъ мы скажемъ нынѣ:
Литографированъ весь міръ.
Теперь кто только носъ имѣетъ
Посереди лица, тотъ сплошь
Его прославить не робѣетъ,
Хотя будь носъ и не хорошъ.
Не мудрено тутъ вывесть справку:
Взойти въ кандитерскую лавку,
Иль въ лавку къ Слёнину: кругомъ
Висятъ безсмертья кандидаты,
Кто съ шпагою, а кто съ перомъ,
А кто и такъ, изъ малой платы.
То своекоштный кандидатъ,
Въ рядахъ безсмертья рекрутъ вольный:
На камнѣ, взятомъ на прокатъ,

Онъ камень свой краеугольный
Во храмѣ славы основалъ
И въ лица безъ лица попалъ.
Какія личныя загадки
Археолóгамъ дальнихъ дней!
И тѣ, чьи рожи опечатки
Въ живомъ изданіи людей,
Теперь благимъ изобрѣтеньемъ
Въ свѣтъ изданы вторымъ тисненьемъ,
Хотя и первое въ накладъ.
Тѣмъ лучше! выдумкѣ я радъ.
Въ нашъ вѣкъ народность, повсемѣстность,
Молва и слава дешева;
И на всемірную извѣстность
Въ нашъ вѣкъ доступнѣе права.
Бывало слава—монополья
Немногихъ лицъ, немногихъ дѣлъ:
Теперь мы дождались раздолья
И славу каждый подсмотрѣлъ.
Вѣкъ литографій, пароходовъ,
Fac simile, *Записокъ* вѣкъ!
Въ тебѣ и безъ большихъ расходовъ
Десятерится человѣкъ.
Сосредоточилось все въ мірѣ,
Вездѣ удобства и успѣхъ,
И жизнь, какъ дважды два четыре,
Задача легкая для всѣхъ.
Я радъ, что мнѣ судьбы велѣли
Родиться въ выгодные дни,
Когда желанья ближе къ цѣли
И тайны счастья не въ тѣни;
Когда нѣтъ мѣръ людскимъ границамъ
И, мастерство благодаря,
Подъ стать не живописнымъ лицамъ,
Литографированъ и я.
Вы мой портретъ имѣть хотите,

Подарокъ этотъ въ прибыль мнѣ:
Не въ памяти, такъ на стѣнѣ
Мой образъ дома утвердите.
Цѣнить умѣю эту честь
Умомъ и чувствомъ непритворно,
И своего лица покорно
Спѣшу вамъ экземпляръ поднесть.
Мнѣ извинительно пристрастье
Къ литографическимъ трудамъ,
Когда имѣть я буду счастье
Быть и заочно близокъ къ вамъ.
Въ вашъ кабинетъ сей даръ смиренный
Немного блеска принесетъ
И вамъ на умъ вашъ просвѣщенный
Высокихъ думъ не наведетъ;
Онъ чародѣйствомъ благосклоннымъ
Не расщекотитъ головы,
Ни славы дымомъ благовоннымъ,
Ни сладкимъ запахомъ молвы.
Нѣтъ! этотъ лоскутокъ бумажный,
Гдѣ личное мое клеймо,
Будь вамъ хоть актъ и маловажный
Или заемное письмо:
Въ моемъ воспоминаньи нѣжномъ,
Въ желаньи видѣть, слышать васъ,
И въ уваженьи, съ дружбой смежномъ,
Когда мнѣ въ дружбѣ не отказъ.
А что сей вексель не обманчивъ,
Порука вы: веселый нравъ,
Вашъ взоръ, который такъ приманчивъ,
И умъ такъ запросто лукавъ,
Все, что̀ сказалъ нелицемѣрно,
Пусть подтвердитъ вамъ мой портретъ,
И я за скрѣпой сердца вслѣдъ
Прибавлю: съ подлинникомъ вѣрно.

CCLXXII.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Людской семьи не зная таинъ,
Зовешь ты братьями людей;
Будь такъ, но затверди вѣрнѣй,
Что первородный братъ былъ Каинъ.

CCLXXIII.

СТАНСЫ.

(Аннѣ Ивановнѣ Готовцовой)

Благоуханіемъ души
И прелестью, подобно розѣ,
И безъ поэзіи, и въ прозѣ,
Вы достовѣрно хороши.

Но мало было вамъ тревожить
Въ насъ вдохновительные сны:
Вы захотѣли ихъ умножить
Дарами счастливой весны.

Вы захотѣли примирить
Существенность съ воображеньемъ,
За вдохновенье вдохновеньемъ,
За пѣсни пѣснями платить.

Дается рѣдкому поэту
Быть поэтическимъ лицомъ:
Въ гостиной смотритъ сентябремъ,
Кто чародѣй по кабинету.

Но въ васъ, любимицѣ наукъ,
Съ плодомъ цвѣтъ свѣжій неразлученъ:
Съ улыбкой вашею созвученъ
И стихъ вашъ, сердца чистый звукъ.

CCLXXIV.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Неустрашимый самохвалъ
Такъ намъ палитъ и дуетъ въ уши;
Послушай: бьетъ всѣхъ на повалъ,
Посмотришь: только бьетъ баклуши.

2.

Двуличенъ онъ! избави Боже!
Напрасно поклепалъ глупца:
На этой откровенной рожѣ
Нѣтъ и единаго лица.

CCLXXV.

ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Мура).

Когда мнѣ свѣтятся глаза, зерцало счастья,
Глядящіе на жизнь такъ радостно, свѣтло,
Какъ будто бъ никогда подъ облакомъ ненастья
Ихъ небо чистое затмиться не могло;
Мнѣ грустно: думаю, что въ горѣ недалекомъ
Потухнуть можетъ взоръ съ весельемъ за-одно
И сердце вольное забыть въ бореньи съ рокомъ,
Что съ жизнью нѣкогда играло и оно.

Такъ! время въ свой чередъ существенность прогонитъ:
Въ надеждахъ недочетъ и недочетъ въ друзьяхъ,
Любовь.., но въ слѣдъ за ней, гдѣ искру ни заронитъ —
Иль пепелъ тлѣющій, иль охладѣвшій прахъ!
А юность свѣтлая, на солнцѣ жизни ясной
Блестящая, какъ снѣгъ, не тронутый дождемъ,
Когда въ слезахъ тоски утратитъ блескъ прекрасный,
Ужъ не взыграетъ вновь померкнувшимъ огнемъ.

CCLXXVI

САЛОВКА.

(Глава изъ путешествія въ стихахъ, посвящается М. Д. Хомутовой.)

Какая прелесть въ этихъ видахъ:
Въ великолѣпіи картинъ,
Въ густыхъ вѣтвистыхъ пирамидахъ,
Вѣнчающихъ главы вершинъ;
Въ живой стѣнѣ, крутомъ утесѣ
И въ молодомъ, красивомъ лѣсѣ,
Который по ступенямъ скалъ
Съ отважной легкостью взбѣжалъ.
Подъ охранительной оградой
Рѣка свершаетъ тихій бѣгъ
И усладительной прохладой
Живитъ и нѣжитъ сонный брегъ.
Какъ долженъ быть здѣсь свѣжъ и ясенъ
Дня пробужденнаго разсвѣтъ
И утра звонкаго привѣтъ
Разнообразно сладкогласенъ!
Какъ здѣсь роскошно въ знойный день,
Таясь подъ сумракомъ прохладнымъ,
Вкушать полуденную лѣнь
И черпать свѣжесть чувствомъ жаднымъ!

О, сколько ночи быть должны
Здѣсь вдохновеньемъ тайнымъ полны,
Когда луной озарены
Рѣки и зыбкихъ сѣней волны,
Когда таинственный покровъ
Природу мирную объемлетъ
И тихій ангелъ свѣтлыхъ сновъ
Одинъ въ пустыняхъ тьмы не дремлетъ.
Задумчивость питаетъ онъ
Душѣ знакомыми мечтами
И снами, нѣгой и цвѣтами
Волшебно воздухъ напоёнъ.
Все тихо! стройное молчанье!
И берегъ, и рѣка, и лѣсъ
Въ благоговѣйномъ ожиданьѣ,
Полны предчувствіемъ чудесъ.
Такъ избранныхъ подъ сѣнью ясной
Здѣсь ждутъ видѣній чудеса:
Здѣсь въ строй гармоніи безгласной
Слились земля и небеса.
Сюда, поэтъ, съ душой готовой
Къ напечатлѣньямъ красоты,
Когда природы вѣчно-новой
Не безглагольныя черты
Въ тебѣ незапно пробуждаютъ
Пророчествъ и преданій сны,
И волны тайныхъ думъ скликаютъ
Со дна сердечной глубины.
Здѣсь есть поэзія живая
Въ сіяньи свѣтло-молодомъ,
Въ прелестномъ образѣ земномъ
И тѣмъ прелестнѣй, что земная
Съ печатью неба на челѣ.
Улыбчива и величава,
Когда безмолвствуетъ дубрава
И тѣни вьются по скалѣ,

Она здѣсь видима бываетъ
И, въ созерцанье погрузясь,
Природы молча наблюдаетъ
Разнообразіе и связь.
Иль въ ясномъ лонѣ влаги синей
Изображается она
И чистыхъ прелестей святыней
Ей служитъ свѣжая волна.
Такъ свѣтлой радуги сіянье
Горитъ на облачныхъ зыбяхъ,
Такъ и о ней воспоминанье
Живописуется въ мечтахъ,
И прелестью неизреченной
Поэта сердцемъ овладѣвъ,
Хранитъ въ немъ образъ незабвенной
И въ лирѣ вѣрный ей напѣвъ.

CCLXXVII.

ВОЛНЕНІЕ.

(Отрывокъ).

Желанья! бурныя желанья!
Къ чему я слышу вашъ призывъ?
Куда на новыя страданья
Меня закинетъ вашъ порывъ?

Волненье! темное волненье!
Къ чему мятежно будишь ты
Остывшее воображенье
И обличенныя мечты?

Васъ знаю вновь, сердечной скуки
Тоска, неутолимый адъ,
Васъ, безъименной язвы муки,
Не познающія отрадъ!

Вы съ новой силой овладѣли
Моей взволнованной душой;
Какъ мчится облако безъ цѣли,
Стремглавъ гонимое грозой;

Какъ вѣтръ играетъ имъ въ полетѣ
По дикой прихоти своей,

Такъ, мной господствуя, влечете
Подъ бурю пламенныхъ страстей.

Я вашъ! разсудокъ малосильный
Предъ вашей властью онѣмѣлъ:
Но кто жь укажетъ брегъ обильный
Гдѣ воздаянья цвѣтъ расцвѣлъ?

Въ добычу думамъ любопытнымъ
Какихъ отыскивать Колхидъ?
Гдѣ зрѣютъ взорамъ ненасытнымъ
Плоды роскошныхъ Гесперидъ?

Отъ испытанья къ испытанью
Довольно рокъ меня носилъ;
Но безграничному желанью
Вездѣ границы находилъ.

Вездѣ цвѣтъ пышный наслажденья
Смѣнялся приторнымъ плодомъ,
Иль ранній холодъ пресыщенья
Губилъ ихъ въ отпрыскѣ младомъ.

Вездѣ свѣтъ гордый хладнымъ смѣхом
Души поэзію встрѣчалъ
И судъ его былъ рабскимъ эхомъ
Продажныхъ сплетней и похвалъ.

Вездѣ обманчивый свѣтильникъ
Вожатымъ былъ къ одру надеждъ,
Гдѣ грозно опыта будильникъ
Гналъ сновидѣнья съ влажныхъ вѣждъ.

. . . . . .

. . . . . .

Какъ часто сынъ стихіи бурной,
Искатель бѣдствій и чудесъ,
Скучаетъ тишиной лазурной
Надъ нимъ раскинутыхъ небесъ.

Скучаетъ почвой безмятежной,
Его родное солнце жжётъ:
Печально у скалы прибрежной
Онъ, сидя, молитъ непогодъ.

Онъ молитъ, чтобы вихрь желанный
Его похитилъ съ береговъ
И заслонилъ бы мракъ туманный
Тотъ ненавистный сердцу кровъ,

Гдѣ былъ веселымъ счастьемъ встрѣченъ
У прага жизни молодой,
Гдѣ непороченъ и безпеченъ
Былъ въ мирѣ съ жизнью и собой.

Въ душѣ палимый страстью знойной,
Онъ, ужасаяся, бѣжитъ
Картины ясной и спокойной,
Гдѣ все о прошломъ говоритъ.

Тамъ жатва жизни съ красотою
Цвѣтетъ надеждами полна:
Опустошительной грозою
Душа его разорена.

Тамъ міръ его первоначальный,
Ковчегъ нетлѣнный лучшихъ дней:
Въ душѣ развалины печальны
Всего, что́ было живо въ ней.

Въ тоскѣ сердечнаго недуга
Возненавидѣлъ онъ страну,
Гдѣ зритъ, какъ гнѣвный призракъ друга,
Воскресшей жизни старину.

Изъ гроба свѣтлыхъ упованій,
Которыхъ онъ не оправдалъ,

Ему на ужасъ нареканій
Неизбѣжимый гласъ возсталъ.

Едва ударитъ вѣтръ свирѣпый
По грозно вздрогнувшимъ волнамъ
И нагло разорветъ заклепы
Ладьи, прибитой къ берегамъ,—

„Бушуйте, волны бездны синей",
—Съ восторгомъ восклицаетъ онъ:
„Мятежной предаю пучинѣ
„Мятежной жизни бурный сонъ.

„Къ вамъ, боги! робкаго моленья
„О благахъ я не приношу:
„Волненья, одного волненья
„Душою жажду и прошу!

„Какъ сладко, океанъ угрюмый,
„Теряясь посреди зыбей,
„Я дань плачу свободной думы
„Сердитой прелести твоей.

„Люблю въ безпечности отважной,
„Люблю въ довѣріи слѣпомъ
„Играть съ твоею гривой влажной
„На бѣдственномъ хребтѣ твоёмъ.

„Люблю безстрашною улыбкой
„На битву вызвать бури гнѣвъ
„И слушать вдоль равнины зыбкой
„Какъ возникаетъ грозный ревъ.

„Пусть преданный земному праху
„Влачитъ по долу робкій вѣкъ:
„Любуясь ужасамъ и страху,
„Я океану жизнь обрекъ.

„Презрѣвъ земной неволи цѣпи,
„Свергаю ихъ на хладный брегъ;
„Стремлю, наѣздникъ бурной степи,
„За дикимъ вѣтромъ смѣлый бѣгъ“.

Игрѣ стихій слѣпыхъ и гнѣвныхъ,
Дано ль и мнѣ, въ теченьи дней,
Искать источникъ силъ душевныхъ
Въ борьбѣ враждующихъ страстей.
. . . . . .
. . . . . .

CCLXXVIII.

КЪ ***.

Въ новый годъ.

Мои красавицы, я васъ благодарю
За ваши дружескія строки!...
Вамъ странно, что, какъ вы, не радъ я Генварю;
Но ваши правильны ль упрёки?
Когда на васъ я посмотрю—
Я вижу Май безсмѣнно-ясный,
И нѣтъ въ виду поры ненастной
По вашему календарю.
Но опытъ въ головѣ моей посбавилъ хмѣля
И много первыхъ дней Апрѣля
Начёлъ я на вѣку своемъ.
И такъ, не мудрено нимало,
Что я, ставъ горе-мудрецомъ,
На новый годъ, какъ на обманъ бывалой,
Смотрю угрюмымъ Сентябрёмъ.

CCLXXIX.

КУПЛЕТЫ,

ПѢТЫЕ НА СЕМЕЙНОМЪ ПРАЗДНИКѢ ОБУЛОВЫХЪ.

Въ календарѣ поэтовъ баснословныхъ
На имена причудливый разборъ:
На зло отцовъ и матерей духовныхъ,
Они крестятъ Лауръ, Элеоноръ.
Но чувству ли поддать себя условью?...
НѢтъ, святцамъ сердца лжи не снесть!
Тамъ имена помѣчены любовью
И гдѣ любви съ родни Прасковья есть,
Тамъ запросто, родству и дружбѣ въ честь,
Поютъ и празднуютъ Прасковью.

Про голосъ мой насмѣшливые толки!
Кто отъ чужихъ, я отъ своихъ терплю,
Но такъ и быть, сношу вашъ отзывъ колкій,
Не стану пѣть, хоть пѣть я и люблю.
Но здѣсь кому до пѣсенъ, до искусства?
Дочь и сестра, подлажу вамъ душой:
Повѣрьте мнѣ, гдѣ нуженъ голосъ чувства,
Тамъ чистъ и вѣренъ голосъ мой!

Есть много кладовъ въ царствѣ міра:
Богатство, почесть, пышность, знать,

Они въ ногахъ того кумира,
Который взросъ не всѣмъ подъ стать;
Но клады есть и въ доляхъ нижнихъ,
Счастливъ, кто имъ въ смиреньи радъ:
Любовь дѣтей, друзей и ближнихъ—
Вѣдь это также добрый кладъ!

CCLXXX.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

(Изъ Вольтера).

Все возвѣщаетъ намъ: есть Вѣчный, есть Творецъ!
Онъ таинство уму, но чувству Онъ потреба.
Благоговѣй предъ Нимъ!—се гласъ земли и неба.
Люби Его!—се гласъ признательныхъ сердецъ.

—

О смертный! міръ твоимъ потребностямъ покоренъ,
Ты Богомъ щедро награжденъ;
И если ты Его подобье,—будь, какъ Онъ,
И милосердъ и благотворенъ.

—

Успѣхъ надменности не вѣренъ,
Съ тщеславіемъ граничитъ стыдъ:
Тотъ низокъ, кто высокомѣренъ,
Возвышенъ тотъ одинъ, кто гордость побѣдитъ.

—

При качествахъ ума привѣтливость есть тоже,
Что прелесть кроткая для женской красоты:
Привѣтливость—печать сердечной доброты,
А доброта всего дороже.

—

Споръ—вредная игра и тщетная отвага.
Въ семъ поединкѣ словъ успѣхъ не похвала.

Будь умъ свѣтильникомъ, возженнымъ намъ для блага,
Не свѣточемъ вражды и зла.

—

Успѣхамъ—зависть врагъ; соревнованье—другъ.
Имъ намъ Виргилій данъ; она дала Зоила,
Одно—умовъ питательная сила,
А та—сердецъ отрава и недугъ.

—

Страшитесь лѣни, сей тоски однообразной;
Лѣнь ржавчина ума и порча всѣхъ даровъ.
И честь и радости плоды однихъ трудовъ,
А скука и позоръ суть дѣти нѣги праздной.

—

Умъ завсегда былъ сынъ природы,
Въ убранствахъ на него держитесь простоты;
Подъ тяжестью прикрасъ онъ узникъ безъ свободы;
Прикрасы лишнія—затменье красоты.

—

Будь первой славой намъ, будь первымъ наслажденьемъ
Благотворительность, сей чистый жаръ души!
Благотворишь ли ты,—свой даръ удвой забвеньемъ;
Тебѣ-ль благотворятъ,—ты разгласить спѣши.

—

Не будь горячъ: худой совѣтникъ непріязнь;
Обидой ближнему себѣ наносимъ рану.
Спѣша отмстить врагу, мы жертвуемъ обману
И совѣсти своей лишь ускоряемъ казнь.

—

Правдивъ, но скроменъ будь; не расточай рѣчей,
И въ истинѣ держись умѣренности здравой.
Умѣй смолчать ее безъ хитрости лукавой,
Безъ страха ты ее повѣдать вслухъ умѣй.

—

Съ лѣтами гаснутъ наши страсти,
Но самолюбія запасъ неистощимъ.
Сей льстецъ есть злой тиранъ: вы уживайтесь съ нимъ,
Но у него страшитесь быть во власти.

1830 г.

CCLXXXI.

ЭПИГРАММЫ.

(Изъ Ж. Б. Руссо).

I

Сбираясь въ путь, глупецъ подъ позолотой
(Не знаю гдѣ, а на Руси ихъ нѣтъ)
Кричалъ, что онъ сто тысячъ дастъ съ охотой
Съ тѣмъ, чтобъ узнать вблизи людей и свѣтъ.
— „А изъ любви и изъ народной чести“,—
Тутъ подхватилъ насмѣшливый нахалъ:
„Могли бы мы придать къ нимъ тысячъ двѣсти
„Съ тѣмъ, чтобы свѣтъ васъ вовсе не узналъ.„

II

Нашъ свѣтъ театръ, а въ жизни видимъ драму.
Въ рукахъ судьбы хранится лицъ запасъ;
Въ извѣстный срокъ, въ условленную раму
Актеры къ намъ выходятъ на показъ.
Простая чернь, отброшенная знатью,
Мы, зрители, и площадную братью
Въ послѣдній рядъ судьба загнала насъ;
Но платимъ мы издержки всѣхъ проказъ,
И ужь за то подъ часъ, безъ дальнихъ справокъ,
Когда у нихъ въ игрѣ оплошность есть,

Даемъ себѣ потѣху съ заднихъ лавокъ
За свой алтынъ освистывать ихъ честь.

III

Благословенный плодъ проклятаго терпѣнья
За цѣну сходную онъ отдаетъ въ печать;
Но къ бо́льшей вѣрности, зачѣмъ не досказать:
За цѣну сходную съ достоинствомъ творенья?

CCLXXXII.

ДОРОЖНАЯ ДУМА.

Колокольчикъ однозвучный,
Крикъ протяжный ямщика,
Зимней степи сумракъ скучный,
Саванъ неба, облака!
И простертый саванъ снѣжный
На холодной трупъ земли!
Вы въ какой-то міръ безбрежный
Умъ и серце занесли.

И въ безчувственности праздной,
Между бдѣнія и сна,
Въ глубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.
Мнѣ не скучно, мнѣ не грустно;
Будто роздыхъ бытія!
Но не выразить изустно,
Чѣмъ такъ смутно полонъ я.

CCLXXXIII.

КЪ НИМЪ.

За что служу я цѣлью мести вашей,
Чѣмъ возбудить могу завистливую злость?
За трапезой мірской, непраздноуемый гость,
Не обойденъ ли я пирующею чашей?
Всмотритесь; истиной прочистите глаза:
Она утѣшитъ васъ моею наготою,
Быть можетъ язвами, которыми гроза
Меня прожгла незримою стрѣлою.

И что же въ даръ судьбы мнѣ принесли?
Въ раскладкѣ жребіевъ участокъ былъ мнѣ нуженъ.
Что? двѣ-три мысли, два-три чувства, не изъ дюжинъ,
Которыя въ ходу на торжищахъ земли,
И только. Но сей даръ вамъ не былъ-бы по нраву;
Онъ заколдованъ искони;
На сладость тайную, на тайную отраву
Ему подвластные онъ обрекаетъ дни.

Сей даръ для избранныхъ бываетъ мздой и казнью;
Его ношу въ груди, болящей отъ заботъ,
Какъ мать преступная съ любовью и боязнью
Во чревѣ носитъ тайный плодъ.

Еще до бытія, пріялъ, враждой закона,
Онъ отверженія печать;
Онъ гордо ближними отъ ихъ отринутъ лона,
Какъ бытія крамольный тать.

И я за кровный даръ передъ толпой краснѣю;
И только въ тишинѣ и скрытно отъ людей
Я бремя милое лелѣю
И Промыслъ за него молю у алтарей.
Счастливцы! Вы и я, мы служимъ двумъ фортунамъ.
Я къ вашей не пропусь; моя мнѣ зарекла
Противопоставлять волненью и перунамъ
Миръ чистой совѣсти и хладный миръ чела.

CCLXXXIV.

КЪ...

При подаркѣ книги съ бѣлыми листами.

Примите бѣлые листы,
Нѣмыя, тайныя скрижали,
Готовые принять цвѣты
И поэтической печали,
И поэтической мечты.
Ввѣряйте имъ надеждъ залоги,
Преданья, звуки старины,
Ума холодные итоги
И сердца огненные сны.
Пусть здѣсь хранятся проза, пѣсни,
Невѣрной жизни баснь и быль.
То, чего нѣтъ ужъ, здѣсь воскресни!
То, чего нѣтъ еще, проглянь!
Такъ! этотъ памятникъ смиренный,
Нѣжнѣйшихъ чувствъ и дружбы дань,
Будь отголосокъ сокровенный
Всего, что звучно поразитъ
Души таинственныя струны,
И умъ внимательный и юный
Въ васъ сродной мыслью огласитъ.

Вы все прекрасное объяли,
Вы зоркимъ чувствомъ разгадали
Задачи темнаго труда,
И чувству тайному въ возмездье
Вамъ безъ завѣсы завсегда,
Какъ ваше вѣрное созвѣздье,
Горитъ Поэзіи звѣзда.
Храните съ набожнымъ пристрастьемъ
Сей вышній даръ, сей горній лучъ:
Онъ озаритъ васъ подъ ненастьемъ
Волненій жизни, хладныхъ тучъ.
Онъ будетъ тайной примиренья,
Какъ въ разногласіи съ собой,
Въ тоскѣ свинцовой охлажденья,
Вы изнеможете душой.
Когда въ чаду и въ вихрѣ свѣта,
Среди побѣдъ, среди забавъ,
Наскуча ими, тщетно ждавъ
На голосъ сердца въ нихъ отвѣта,
Вы вдругъ очнётесь, и въ тиши,
Мечтами свѣтло населенной,
Приступите съ мольбой смиренной
Къ священнымъ таинствамъ души:
Въ семъ благодѣтельномъ недугѣ,
Въ слезахъ душевной чистоты,
Помыслите о вѣрномъ другѣ,
Взглянувъ на бѣлые листы.

CCLXXXV.

ГРАФИНѢ ЛУДОЛЬФЪ,

ПЕРЕДЪ ЕЯ ОТЪѢЗДОМЪ.

Столпъ Вавилонскій вашъ альбомъ:
Смѣшенье языковъ, смѣшенье риѳмъ и прозы;
Здѣсь Турокъ, Шведъ и Персъ любовникъ розы,
И я, съ покорнѣйшимъ стихомъ.
Но въ чуждыхъ языкахъ, равно вамъ непонятныхъ,
Вы чувство здѣсь одно постигнете душой,
И благовоньемъ словъ, для сердца ароматныхъ,
Оно пробудитъ въ васъ, въ Италіи родной,
Воспоминанье сновъ, быть можетъ, невозвратныхъ,
Вамъ свѣтло нѣкогда мелькнувшихъ надъ Невой.

CCLXXXVI.

ЛИЛІЯ.

О царственный цвѣтокъ, о лилія младая,
Весны любимица, роскошная краса!
Когда ты возстаешь, свѣжо благоухая,
Тобой любуются земля и небеса.
Свѣтлѣя бѣлизной прозрачной,
Ты непорочностью влечешь
И чистой нѣгой новобрачной
Ты упоительно цвѣтешь.
Какъ ты мила и величава,
Въ сіяньи гордой простоты,
Ты цвѣтника родного слава,
Прохожимъ заглядѣнье ты!
Но кто на образъ твой заглядываться смѣетъ?
Кто прелестей твоихъ святыню оскорбитъ?
Любуяся тобой и взоръ благоговѣетъ,
И упоенный прочь скользитъ!
Младая странница, гость на земномъ ночлегѣ!
Пустынной лиліи бѣлѣй твое чело
И стройныя твои плеча, въ роскошной нѣгѣ,
Кругліе и бѣлѣй, чѣмъ ангела крыло!
И пламень голубой въ твоихъ струится жилахъ,
Безкровная, какъ духъ, подобный тѣмъ духамъ,

Которые съ небесъ въ таинственныхъ свѣтилахъ
Намъ улыбаются и манятъ къ небесамъ!
Земныхъ страстей живыя битвы
Не разразились надъ тобой:
Какъ чистый ангелъ у молитвы,
Предъ алтаремъ любви святой,
Посредникъ неба, гдѣ все ясно,
Съ землею, гдѣ вездѣ гроза,
За жертвы молится безстрастно,
Весь созерцанье, весь слеза!
Ему подобна радость наша,
Которой наши дни цвѣтутъ,
Ты, для которой жизни чаша
Есть нѣкій жертвенный сосудъ,
Высокихъ благъ и таинствъ полный,
Насъ осѣняя съ высоты,
Чуждаясь жизни, жизни волны
Безвредно разсѣкаешь ты.
Но чистой кротостью души благоуханной,
Отпечатлѣвшейся и на лицѣ твоемъ,
Ты намъ принадлежишь, залогъ обѣтованный,
Предчувствіе небесъ въ изгнаніи земномъ!
Тебѣ, высокому кумиру,
Мы почестей не воздадимъ;
Нашъ ѳиміамъ и нашу лиру
Мы въ тайнѣ сердца посвятимъ.
Но, покоряя непорочно
Господству милой красоты,
Ты неумысленно, заочно
На наши дѣйствуешь мечты.
Вдали твоихъ волосъ мелькнетъ ли шелкъ струистый,
Иль бѣлое плечо, или одежды край,
Иль съ взоромъ, на тебя прильнувшимъ, взоръ твой чистый,
Твой взоръ разсѣянный, сойдется невзначай,
Какъ сердце растворится тайно!
Какъ приметъ съ жадностью въ себя

Даръ, заронившійся случайно,
Его лелѣя и любя,
Кто бъ могъ съ сердечнаго зерцала
Разсѣять милыя черты?
Нѣтъ, что̀ минута даровала,
На вѣкъ то собственность мечты.

CCLXXXVII.

КЪ А. О. РОСЕТТИ.

И молча бы легко вы умницей прослыли.
Даръ слова, острота — все это роскошь въ васъ:
Въ глаза посмотришь вамъ и разглядишь какъ разъ,
Что съ неба звѣзды вы схватили.

CCLXXXVIII.

ЛОГОГРИФЪ.

Княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской.

Земля въ ногахъ у всѣхъ, вы согласитесь сами,
Окромѣ развѣ тѣхъ, что ходятъ вверхъ ногами,
Иль тѣхъ,что странствуютъ на пѣнистыхъ волнахъ,
Еще забылъ и тѣхъ, что, доктору въ угоду,
Принуждены поставить ноги въ воду.
А у меня земля, напротивъ, въ головахъ,
Земля полночная изъ пасмурнаго края,
Хоть землю и люблю полуденнаго рая,
Гдѣ вѣетъ на меня съ небесной синевы
Дыханье теплое безоблачнаго Мая.
Прочь голову съ меня отнимете ли вы?
И тутъ отрубокъ мой исполненъ головы,
Да истиной еще, какихъ не много нынѣ.
Безъ головы и съ головой,
Равно озарена я Фебовой звѣздой,
Равно принадлежу я чистыхъ музъ святынѣ
Иль жертвой древнею иль жрицей молодой
Я вся ли на лицо: тогда будь умникъ скромный,
Будь пылкій вѣтренникъ, будь опытный старикъ,
Но голову свернуть имъ трудъ мнѣ не великъ.

А безголовая на трудъ головоломный
Былъ часто призванъ мной лѣнивый ученикъ,
Котораго не разъ я ставила въ тупикъ.
Еще есть часть во мнѣ знакомая поэтамъ:
Переносясь мечтой къ счастливымъ этимъ лѣтамъ,
Когда весь пышный міръ поэзіи былъ храмъ,
А прозы на землѣ и не было въ поминѣ,
Когда не родился еще и самъ Адамъ,
А здравствовалъ Амуръ, уже покойникъ нынѣ,
И матушки его блаженствовали дни
(Во царствіи своемъ Зевесъ ихъ помяни!),
Вы вспомните легко о тяжбѣ знаменитой,
Рѣшенной безъ труда извѣстнымъ волокитой.
Но если бъ я въ числѣ судимыхъ лицъ была,
Другой бы оборотъ всѣ приняли дѣла:
Принудила бы я, для прекращенья спора,
Согласья яблокомъ быть яблоку *раздора*.
Гармоніей, души орудьемъ симъ святымъ,
Была-бъ побѣждена враждующая сила
И голосъ судіи я голосомъ своимъ
Легко бы подкупила.

CCLXXXIX.

СЛЕЗЫ.

Сколько слезъ я пролилъ,
Сколько тайныхъ слезъ
Скрыться приневолилъ
Въ дни сердечныхъ грозъ!

Слезы, чтб пробились,
Позабыты мной;
Чувства освѣжились
Сладкой ихъ росой.

Слезы, что отсѣли
На сердечномъ днѣ,
Къ язвамъ прикипѣли
Ржавчиной во мнѣ.

CCXC.

СЕЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.

„Съ первой пѣснью соловья,
„Милый, буду я твоя“! —
Прошепталъ мнѣ голосъ нѣжной,
Но суровъ былъ видъ небесъ,
Лугъ покрытъ корою снѣжной
И молчалъ угрюмый лѣсъ.

День и ночь наединѣ
Тосковалъ я по веснѣ.
Я загадывалъ по снѣгу,
По рѣкамъ, по облакамъ:
Скоро-ль съ юга миръ и нѣгу
Вѣтерокъ навѣетъ намъ?

У проталинъ, у зажоръ,
У чернѣющихся горъ
Я встрѣчалъ гостей залетныхъ
Съ полудневной стороны:
Сердцу вѣстницъ доброхотныхъ
Нѣжныхъ таинствъ и весны.

За печальные лѣса
Умолялъ я небеса:

Чтобъ скорѣй зеленымъ дымомъ
Голый боръ заволокло,
Чтобъ въ убѣжищѣ любимомъ
Благовонье разцвѣло.

Я дождался вешнихъ дней;
Воздухъ слаще и свѣтлѣй,
И по озимямъ струистымъ
Свѣжій бархатъ зеленитъ,
И подъ облакомъ душистымъ
Лѣсъ не такъ уже сквозитъ.

Много въ лѣсъ слетѣлось птицъ,
Много въ лѣсъ сошлось дѣвицъ;
Подъ шатромъ зеленыхъ сводовъ
Много пѣсней раздалось,
Много игръ и хороводовъ
Заплелось и расплелось.

Въ полдень, на ночь, на зарю
Все я слушаю, смотрю:
Но средь пѣсней сладкогласныхъ
Лучшей пѣсни не слыхать,
Но средь дѣвъ младыхъ и красныхъ
Лучшей дѣвы не видать.

CCXCI.

ТРИ ВѢКА ПОЭТОВЪ.

Когда поэтъ еще не видѣнъ былъ,
Онъ про себя, иль на ухо подругѣ,
Счастливецъ, пѣлъ на волѣ, на досугѣ,
И на заказъ стихами не служилъ.
Вѣкъ золотой! тебя ужъ нѣтъ въ поминѣ,
И ты идешь за баснословный нынѣ.
Тутъ вѣкъ другой насталъ во слѣдъ ему.
Поэтъ сталъ гордъ, сталъ данникъ общежитью,
Мечты свои онъ подчинилъ уму,
Не вышнему, земному внялъ наитью,
И началъ пѣть, мѣшая съ правдой ложь,
Высокихъ дамъ и маленькихъ вельможъ.
Имъ понукалъ и чуждый и знакомый,
Ужъ сынъ небесъ гостиной человѣкъ:
Тутъ въ казнь ему напущены альбомы,
И этотъ вѣкъ—серебряный былъ вѣкъ.
Урокъ не въ прокъ: все суетнѣй, все ниже,
Все отъ себя подалѣ, къ людямъ ближе,
Поэтъ совсѣмъ былъ поглощенъ толпой
И неба знакъ смытъ свѣтскою волной.
Не отдѣленъ поэтъ на пестрыхъ сходкахъ

Отъ торгашей игрушекъ, леденцовъ,
Отъ плѣнниковъ въ раскрашенныхъ колодкахъ,
Отъ гаеровъ, фигляровъ, крикуновъ.
Вопль совѣсти, упреки безполезны;
Поэтъ заснулъ въ губительномъ чаду,
Тутъ на него напущенъ вѣкъ желѣзный
Съ бичомъ своимъ въ несчастную чреду.
Лишился онъ послѣдней благодати:
Со всѣхъ сторонъ, и кстати и не кстати,
Въ сто голосовъ звучитъ въ его ушахъ:
„Пожалуйте стихи въ мой альманахъ!“
Бѣднякъ поэтъ черкнетъ-ли что отъ скуки,—
За нимъ, предъ нимъ ужъ Бріарей сторукій,
Сей хищникъ ріемъ, сей альманашный бѣсъ,
Хватаетъ все, и жертва вѣчныхъ страховъ,
По лютости разгнѣванныхъ небесъ,
Поэтъ въ сей вѣкъ—оброчникъ альманаховъ.

CCXCII.

ВЪ АЛЬБОМЪ КАРОЛИНѢ КАРЛОВНѢ ЯНИШЪ.

Съ стѣсненьемъ чувствъ смотрю на вашъ альбомъ;
Кидаетъ онъ меня и въ жаръ, и въ трепетъ.
Вхожу въ него, какъ входитъ въ знатный домъ
Простолюдинъ: его несвязный лепетъ,
Невѣрный шагъ, неловкость, робкій взоръ
Въ немъ кажутъ страхъ спесиваго пріема,
Въ немъ говорятъ: судьбѣ наперекоръ,
И лишній гость онъ у хозяйки дома,
И лишній гость онъ въ избранномъ кругу.
Я знаю васъ, себя цѣнить могу:
Извѣстны мнѣ вашъ умъ, его занятья,
Кому открылъ разборчиво объятья
Сей пламенный воспитанникъ наукъ,
Согражданинъ всѣхъ музъ разноплеменныхъ,
Жрецъ алтарей, ихъ вѣръ равно священныхъ,
И важныхъ думъ, и стройныхъ пѣсней другъ.
Въ лѣта забавъ, гдѣ суетное ново,
Вы въ лучшій міръ, не то что въ лучшій свѣтъ,
Гдѣ лучшее не за хорошимъ въ слѣдъ,
А такъ, одно загадочное слово —
Вы въ лучшій міръ,—міръ чувства, міръ ума,—
Проникнули сочувствіемъ свободнымъ,

И стало вамъ испытаннымъ и сроднымъ
Что отъ другихъ таитъ глухая тьма.
Сочувствій тѣхъ завѣтное зерцало
Хранилище однѣхъ изящныхъ думъ,
Тѣхъ только думъ, что сердце отражало;
И вашъ альбомъ, какъ вашъ блестящій умъ,
Быть долженъ чуждъ приличій свѣтскихъ ига,
Не долженъ быть онъ, какъ въ швейцарской книга,
Визитныхъ душъ ревизская тетрадь,
Въ которой день съ рабовъ сбираетъ знать;
Гдѣ пестрая суетъ разнообразность,
Гдѣ въ торопяхъ заботливая праздность
Наперерывъ спѣшатъ провеличать
Именъ своихъ безличную ничтожность.
Чтобъ ни было, но вамъ въ предосторожность
Я не щадилъ себя и выдаю
За то, что есть, за истину безъ глянца,—
Я на лицо безъ маски самозванца,—
Смиренную посредственность мою.
Но я теперь—и грѣхъ на васъ! не даромъ
Могу теперь я охмѣлѣть угаромъ,
У васъ въ гостяхъ зазнаться мнѣ легко,
Какъ выходецъ, которой не по роду,
Не по дѣламъ, а такъ на смѣхъ народу,
Шутя, шагнулъ и вдаль и высоко,
Въ своихъ глазахъ перерожденный спесью,
Лжетъ самъ себѣ и вѣритъ равновѣсью
Своихъ заслугъ и счастья—въ ладъ ему,
Въ знакъ гордости, вашъ временщикъ альбомный
Начну цѣнить свой даръ, бывало скромный,
Я мѣстомъ тѣмъ, которое займу.

CCXCIII.

Н*. М*. Д*.

При посылкѣ стихотворенія: „Простоволосая головка“.

Вотъ вамъ портретъ одной головки,
Которая любезна вамъ:
Не знаю, я маляръ неловкій,
Умѣлъ-ли сходство дать чертамъ?

Подъ пару ей и на обновку,
Другой портретъ меня влечетъ:
Такую я узналъ головку,
Что вонъ изъ головы нейдетъ.

Въ часахъ труда, въ часахъ досужныхъ, —
Мнѣ свѣтятъ черные глаза:
Ихъ взоры, пламень молній южныхъ,
Когда кипитъ въ ночи гроза.

Но за грозой, но за волненьемъ
Небесъ румянятся края:
Такъ дышетъ свѣжимъ упоеньемъ
Улыбка, свѣжихъ устъ заря.

Сильфидой дня, Сильфидой ночи,
Волшебно вьется красота:
То смерть её кидаютъ очи,
То жизнью радуютъ уста.

Когда въ краю иль сновъ, иль сказки
Вамъ промелькнулъ мой идеалъ,
Скажите: гдѣ взять кисть и краски,
Чтобъ вѣрный списокъ не солгалъ?

CCXCIV.

СЛЕЗА.

Когда печали неотступной
Въ тебѣ подымется гроза
И нехотя слезою крупной
Твои увлажатся глаза,

Я и въ то время съ наслажденьемъ
Еще внимательнѣй, нѣжнѣй,
Любуюсь милымъ выраженьемъ
Пригожей горести твоей.

Съ лазурью голубаго ока
Играетъ зыбкій блескъ слезы,
И мнѣ сдается: перлъ Востока
Скатился съ свѣтлой бирюзы.

CCXCV.

ЦЕНЗОРЪ.

Когда Красовскаго отпряли Парки годы,
Того Красовскаго, который въ жизни самъ
Былъ Паркою ума и мыслей и свободы,
Побрелъ онъ на покой къ Нелѣпости во храмъ.
„Кто ты?“—кричатъ ему привратники святыни.
„Яви, чѣмъ заслужилъ признательность богини?
„Твой чинъ? твой формуляръ? занятье? мастерство?“
— Я при Голицынѣ былъ цензоръ!—молвилъ онъ.
И вдругъ предъ нимъ чета кладетъ земной поклонъ
И двери растворились сами!

CCXCVI.

ОСЕНЬ 1830 ГОДА.

„Il faisait beau en effet".
„Comment une idée sinistre aurait elle pu poindre parmi tant de gracieuses sensations".
„Rien ne m'apparaissait plus sous le même aspect qu'auparavant. Ce beau soleil, ce ciel si pur, cette jolie fleur, tout cela était blanc et pâle de la couleur d'un linceul".
(Le dernier jour d'un condamné).

Творецъ зеленыхъ нивъ и голубаго свода!
Какъ вѣрить тяжело, чтобы Твоя природа,
Чтобы тотъ свѣтлый міръ, который создалъ Ты,
Который Ты облекъ величьемъ красоты,
Могли быть смертному таинственно враждебны;
Чтобъ воздухъ, нашихъ силъ питатель сей цѣлебный,

Внезапно могъ на насъ предательски дохнуть
И язвой лютою проникнуть въ нашу грудь;
Чтобы земля могла, въ благомъ Твоемъ законѣ,
Заразой насъ питать на материнскомъ лонѣ!

Какъ осень хороша! какъ чисты небеса!
Какъ блещутъ и горятъ янтарные лѣса
Въ оттѣнкахъ золотыхъ, въ багряныхъ переливахъ!
Какъ солнце свѣтится въ волнахъ, на свѣжихъ нивахъ!

Какъ сердцу радостно раскрыться и дышать,
Любуяся кругомъ на Божью благодать.
Средь пиршества земли, за трапезой осенней,
Прощальной трапезой, тѣмъ смертнымъ драгоцѣннѣй,
Что зимней ночи мракъ послѣдуетъ за ней,
Какъ веселы сердца довѣрчивыхъ гостей.

Но горе! тайный врагъ, незримой, неизбѣжной,
Средь празднества потрясъ хоругвіей мятежной.
На ней начертано изъ буквъ кровавыхъ: моръ.
И что вчера еще увеселяло взоръ,
Что нѣгу чистую по сердцу разливало:
Улыбчивыхъ небесъ лазурное зерцало,
Воздушной синевы прозрачность, и луговъ
Послѣдней зеленью играющій покровъ,
И полные еще дыханьемъ благовоннымъ
Лѣса, облитые какъ золотомъ червоннымъ,

Весь этотъ пышный храмъ, святилище красотъ,
Не измѣнившійся, сегодня ужъ не тотъ:
Не въ радость пестрый лѣсъ и яркихъ горъ вершина;
Печальнымъ облакомъ омрачена картина:
Тѣнь грозной истины лежитъ на ней. Она
Въ хладѣющую грудь проникнула до дна.
Изъ истинъ, истина единая живая,
Смерть воцарилась, жизнь во лжи изобличая,
И сердце, сжатое боязнью и тоской,
Слабѣетъ и падетъ подъ мыслью роковой.

Не вѣрьте небесамъ: имъ чувство довѣрялось,
Но сардонически и небо улыбалось.
Есть солнце на небѣ, а бѣдствуетъ земля.
Сіяньемъ праздничнымъ одѣяны поля
И никогда пышнѣй не зрѣлся намъ міръ Божій;
Но свѣтлыхъ сихъ полей владѣтель и прохожій,
Земнаго царства царь, въ владѣніи своемъ,
Одинъ подъ бичъ поникъ униженнымъ челомъ,

Одинъ, среди богатствъ цвѣтущаго наслѣдства,
Онъ преданъ на землѣ въ добычу зла и бѣдства.

Скорбь въ разныхъ образахъ грозитъ ему. Въ борьбѣ
Съ Протеемъ, нѣтъ ему убѣжища въ себѣ.
Одинъ въ минувшемъ онъ и въ будущемъ несчастенъ,
Одинъ предвидитъ зло и забывать не властенъ,
Одинъ нестраждущій, онъ страждетъ о другихъ;
То слезъ своихъ родникъ, то въ долѣ слезъ чужихъ;
Иль жертвой падаетъ, иль изъ своихъ объятій
На лютый жертвенникъ онъ отпускаетъ братій.
Во дни кровавые народныхъ непогодъ, —
Когда предускоренъ природы мѣрный ходъ,

Когда съ небесъ падетъ карательная клятва
И смерти алчущей сторицей зрѣетъ жатва
Подъ знойной яростью убійственныхъ страстей, —
Такъ въ жертвахъ, преданныхъ сѣкирамъ палачей,
Послѣдняя стоитъ, въ живой кончинѣ страха,
И очереди ждетъ, чтобъ упразднилась плаха.
Отстрочка ей не жизнь, судьбы коварный даръ;
И вмѣсто, чтобъ пресѣкъ въ ней жизнь одинъ ударъ,
Надъ нею смерть свои удары помножая,
Страданій лѣстницей ведетъ на край отъ края.

CCXCVII.

ДРУЖЕСКАЯ БЕСѢДА.

Въ старину не знали люди
Ни заботъ ни суеты;
Не вздыхали тяжко груди,
Не зѣвали скучно рты.
Все плѣняло, веселило,
Жизнь была за новизну;
Нынѣ все не то, что было,
Все не то, что въ старину.

Дѣти нынѣ ужъ не дѣти,
Жены въ бабушки глядятъ;
Развязалъ разсудокъ сѣти,
Гдѣ сидѣть былъ каждый радъ.
Милымъ шалостямъ, веселью
Объявили мы войну:
Молодежь, хоть завтра въ келью!
То-ли было въ старину?

Я, бывало, куры строю,
Гдѣ курятникъ нахожу;
А теперь, подъ сѣдиною,
Курамъ на смѣхъ я гляжу.
На воздушной десятинѣ
Башню строилъ не одну....

Хоть *строитель* я и нынѣ,
Но не тотъ, что въ старину.

Но на сердце невредимо
Застрахованъ уголокъ:
Тутъ и годы идутъ мимо,
И любовь все строитъ въ прокъ.
Съ благодарною слезою
Тутъ всегда воспомяну
Я того, кто свѣжъ душою,
Какъ въ младую старину.

Здравствуй градъ перводержавной!
Здравствуй, матушка Москва,
Нашей Руси Православной
Золотая голова!
Надъ тобой сходились тучи,
Смерть держала насъ въ плѣну,
Но Богъ Русскій, Богъ могучій
За тебя, какъ въ старину.

На тебя то нехристь грубый,
То чума, то вдругъ Французъ,
То холера скалитъ зубы:
Видно лакомый ты кусъ!
Что-жъ, заѣли? Нѣтъ, грибъ съѣли!
И подъ стать Еропкину,
Вновь хранителя мы зрѣли,
Какъ въ святую старину.

Помнимъ мы его породу:
Онъ старинныхъ предковъ кровь!
Въ немъ къ Престолу и къ народу
Пышетъ Русская любовь.
Подъ благимъ его покровомъ
Мы вкушаемъ тишину
И Москва во блескѣ новомъ
И пышнѣй, чѣмъ въ старину.

1831 г.

CCXCVIII.

ДАРЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ШИПОВОЙ, УРОЖДЕННОЙ ОКУЛОВОЙ.

Я въ разныхъ возрастахъ васъ зналъ:
День жизни вашей разсвѣталъ,
Какъ голубое утро мая
На лонѣ сельской тишины.
Младыя игры, жизни сны,
Васъ на рукахъ своихъ качая
И приголубливая васъ,
Вамъ пѣли радостные гимны,
Васъ утѣшали каждый часъ.
И путь вамъ въ міръ гостепріимный
Цвѣтами свѣжими, какъ вы,
Они роскошно устилали
И отводили прочь печали
Отъ вашей милой головы.
Вы были дѣвочкой пригожей,
Живою куклою, похожей
На куклу, съ коей вы самъ-другъ
Дѣлили радостный досугъ.
Я видѣлъ васъ отроковицей
Въ младомъ святилищѣ наукъ,
Гдѣ нѣжной Матерью Царицей
Подъ сѣнью думъ ея и рукъ
Взлелѣянъ былъ цвѣтъ жизни вашей,

Гдѣ, въ этомъ цвѣтникѣ живомъ,
Вы расцвѣтали съ каждымъ днемъ
Лицомъ, умомъ и сердцемъ краше.
Вамъ эти памятны лѣта,
Лѣта надеждъ, приготовленій:
Ужъ съ вашихъ глазъ и помышленій
Спадала дѣтства слѣпота.
Вы жить еще не начинали,
Но молча ужъ учились жить,
Пытались чувствовать, судить.
Вы съ нетерпѣньемъ въ даль взирали
И съ любопытствомъ на себя.
Жизнь какъ надежду полюбя,
Ее вы съ трепетомъ встрѣчали.
Но ваша жизнь была тогда
Подъ небомъ яснымъ и спокойнымъ,
У мирной пристани, чужда
Волнамъ коварнымъ, бурямъ знойнымъ,
Которыя кипятъ вдали
И жизни цѣль скрывая тайно,
То благосклонны, то случайно
Тревожатъ путниковъ земли.
Теперь вы въ возрастѣ ужъ новомъ
И васъ встрѣчаю я опять
Подъ тѣмъ же сельскимъ, тихимъ кровомъ,
Подъ коимъ я васъ началъ знать.
Надъ вами бури прошумѣли,
На небо вашей колыбели
Утраты облако взошло;
На молодыя жизни розы
Вы проливали скорби слезы,
Вы испытали жизни зло.
Судьба превратна: всѣ безгласно
Должны покорствовать судьбѣ;
Но ранній свой обѣтъ прекрасно
Вы оправдали на себѣ.

Въ надеждахъ мы не обманулись,
Которымъ любовались въ васъ:
Для нашихъ чувствъ, для нашихъ глазъ
Онѣ созрѣли, развернулись
Пышнѣе прежняго сто разъ.
И этотъ возрастъ вашъ прелестенъ,
Пусть будетъ также свѣтелъ онъ:
Съ улыбкой вашей несовмѣстенъ
Ненастья хладный небосклонъ.
Всегда веселымъ солнцемъ юга
Будь озаренъ вашъ каждый день:
Не трогай васъ унынья тѣнь,
Ни скорбь сердечнаго недуга,
Ни хладъ томительныхъ заботъ.
Вамъ радость такъ къ лицу идетъ,
Вы такъ похожи другъ на друга,
Что мудрено васъ различить,
Что вамъ жизнь въ богатомъ лонѣ
Для недовѣдомой поры
Готовитъ лучшіе дары.
Еще на вашемъ небосклонѣ,
Теперь пустынно-голубомъ,
Зажжется много звѣздъ прелестныхъ
И много думъ еще безвѣстныхъ,
Объятыхъ нынѣ свѣжимъ сномъ,
Проснутся на сердце, какъ волны
На ясномъ зеркалѣ рѣки;
Игра ихъ, блескъ и говоръ, полный
Веселья, таинствъ и тоски,
Васъ новымъ чувствомъ очаруютъ
И, сквозь златыя облака,
Картиной яркой разрисуютъ
Даль жизни, темную пока.

CCXCIX.

ПРОГУЛКА ВЪ СТЕПИ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ СОФІИ НИКОЛАЕВНѢ КАРАМЗИНОЙ).

Мой добрый конь, мой вѣрный конь!
Люблю ноздрей твоихъ огонь
И стать твою, и гордый ростъ,
И развѣвающійся хвостъ.

Люблю, красавецъ удалой,
Когда ты скачешь подо мной,
И мѣрный стукъ твоихъ копытъ
Одинъ въ глухой степи звучитъ.

Въ забвеньи бурномъ бытія,
Не человѣкъ, не птица я,
Не на землѣ, не въ облакахъ,
Нѣтъ нужды въ крыльяхъ мнѣ, въ ногахъ.

Придавъ мой пылъ къ его огню,
Я прикипѣлъ, приросъ къ коню,
Въ одно спаялись въ насъ тѣла:
Кентавра баснь въ насъ ожила.

Безъ напряженья, безъ труда,
Куда глаза—и я туда,
И разсѣкаю на лету
Зыбей воздушныхъ пустоту.

Далекъ ли, близокъ небосклонъ,
Но скоро мнѣ доступенъ онъ,
И что мелькало впереди—
Давно ужъ тонетъ позади.

Синѣетъ степь надъ головой
И степь сѣрѣетъ подо мной;
Гдѣ, кое-гдѣ взовьется пыль
Иль заколышется ковыль.

Нѣтъ, гдѣ бы взору отдохнуть,
Гдѣ бъ мысли якорь свой воткнуть:
Въ безбрежной безднѣ пустоты
Теряются глаза, мечты.

Какъ безглаголенъ вѣтра шумъ,
Таковъ и гулъ невнятныхъ думъ.
Кто ихъ нагналъ? куда онѣ?
Имъ нѣтъ слѣда, какъ въ дикомъ снѣ.

Спросить меня, я не скажу,
Что на умѣ, на что гляжу.
Однимъ я чувствомъ полонъ весь:
Впередъ! впередъ! и тамъ—будь здѣсь!

Но для чего? гдѣ пристань? цѣль?
Спроси потокъ, спроси мятель:
За чѣмъ кипитъ? у тучь: куда
Бѣгутъ ихъ бурныя стада?

Когда, какъ небо, степь горитъ,
Спроси: куда пожаръ валитъ,

У лавы быстраго огня,
А тамъ допрашивай меня.

Но утомился рѣзвый конь,
Но простываетъ чувствъ огонь;
Все тише конь, все тише умъ,
Стройнѣй, плавнѣй стремленье думъ.

И вотъ свободный шагъ коня
Качаетъ сладостно меня,
Какъ легкой качкой челнока,
Когда чуть зыблется рѣка;

Какъ мать заботливой рукой,
Чтобы младенцу дать покой,
Качаетъ люльку, въ коей онъ
Ей улыбается сквозь сонъ.

Свѣжѣетъ вечеръ, мгла и тѣнь
Въ степи смѣняютъ зной и день:
Ужъ степь небесъ заселена,
Возникли звѣзды и луна.

Какъ въ свѣтлый праздникъ до утра,
Кругомъ ея, какъ вкругъ шатра
Горятъ потѣшные огни:
Какъ радостны въ степи они!

И у меня на тайномъ днѣ,
Въ сердечной, свѣтлой глубинѣ
Зажглися звѣзды чистыхъ думъ
И прояснился свѣжій умъ.

Взошла поэзіи звѣзда!
Въ рукѣ ослабли повода
И конь знакомою тропой
Чутьемъ поворотилъ домой.

CCC.

ЭПИГРАММА.

Вотъ враль! подобнаго его не знаю чуда!
Вретъ словомъ, вретъ перомъ; не объясните-ль вы,
Откуда онъ беретъ всю эту дрянь?—Откуда?
Да все изъ головы.

CCCI.

СВЯТОЧНАЯ ШУТКА.

(К. А. ТИМАШЕВОЙ).

Скажите-жъ, видѣли-ль вы чорта?
Каковъ онъ? Нѣмецъ иль Русакъ?
Что на ногѣ его: ботъ-форта,
Иль каммеръ-юнкерскій башмакъ?
Черноволосъ ли, бѣлобрысъ ли,
Въ усахъ ли, иль не дуетъ въ усъ?
Что, каковы въ немъ чувства, мысли,
Что за пріемы, рѣчи, вкусъ?
Что отъ него вы переняли
Иль не его ль учили вы?
Чортъ, какъ ни чортъ, но все едва ли
Хитрѣй онъ женской головы.
Чортъ хоть ужъ ладона боится,
И то одно спасенье есть;
Но кто отъ женщинъ защитится,
Но женщинъ какъ и чѣмъ провесть?
Сжигалъ я ладонъ передъ ними,
Но сердце съ ладономъ прожегъ
И я съ убытками одними,
А откуриться все не могъ.
Что, говорилъ ли онъ стихами,

Иль чертовщину прозой вралъ,
Не хуже, какъ и между нами
Деретъ ее иной журналъ?
Онъ романтическій прелестникъ,
Или классическій ворчунъ?
Кто сватъ его: Европы ль Вѣстникъ,
Или Онѣгинъ нашъ шалунъ?
Что, все ли онъ ума палата,
Или „старамъ стала глупамъ?“
Я съ чортомъ жилъ за панибрата
Въ бѣдахъ и счастьи пополамъ.
Меня онъ жаловалъ, мой милой,
Грѣшно мнѣ укорить его,
И крѣпокъ былъ подъ вражьей силой
И не страшился ничего.
Но нынѣ ужъ другое время:
Съ лѣтами чортъ ко мнѣ не тотъ
И по несчастью, злое сѣмя
Какъ прежде, цвѣта не даетъ.
Не говоря худого слова
Чортъ, хоть и добрая душа,
Но, какъ любви, ему обнова
Для перемѣны хороша.
Онъ съ молодежью куралеситъ,
А насъ морочитъ не путемъ,
И нынѣ бѣсъ меня лишь бѣситъ
И дразнитъ ангельскимъ лицомъ.

CCCII.

ЛѢСА.

Хотите-ль вы въ душѣ провѣдать думы,
Которымъ нѣтъ ни образовъ, ни словъ;
Тамъ, гдѣ кругомъ густѣетъ мракъ угрюмый,
Прислушайтесь къ молчанію лѣсовъ;
Тамъ въ тишинѣ перебѣгаютъ шумы,
Невнятный гулъ беззвучныхъ голосовъ.
Въ сихъ голосахъ мелодіи пустыни:
Я слушалъ ихъ, заслушивался ихъ,
Я трепеталъ, какъ предъ лицомъ святыни,
Я полонъ былъ созвучій, но нѣмыхъ,
И изъ груди, какъ узникъ изъ твердыни,
Вотще кипѣлъ, вотще мой рвался стихъ.

CCCIII.

РОДИТЕЛЬСКІЙ ДОМЪ.

Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.
Жуковскій.

Поэзія воспоминаній,
Дороже мнѣ твои дары
И сущихъ благъ и упованій
Угодниковъ одной поры.

Лишь вѣрно то, что измѣнило,
Чего ужъ нѣтъ и вновь не знать,
На что ужь время наложило
Ненарушимую печать.

То, что у насъ еще во власти,
Что намъ дано въ насущный хлѣбъ,
Что тратятъ жизнь,—слѣпыя страсти
И умъ, который гордъ и слѣпъ,

То наше, какъ волна въ пучинѣ,
Скользящая изъ жадныхъ рукъ,
Какъ непокорный вѣтръ въ пустынѣ,
Какъ эхо безтѣлесный звукъ.

Въ воспоминаніяхъ мы дома;
А въ настоящемъ—мы рабы

Незапной бури, перелома
Желаній, случаевъ, судьбы.

Одна въ убѣжищѣ безбурномъ
Намъ память міръ свой бережетъ,
Доколѣ чадъ своихъ съ Сатурномъ
Сама въ безумьи не пожретъ.

Кто можетъ хладно, равнодушно
На домъ родительскій взглянуть?
Въ комъ на привѣтъ его послушно
Живѣй не затрепещетъ грудь!

Влеченьемъ сердца, иль случайно
Увижу стѣны, темный садъ,
Гдѣ ненарушимо и тайно
Зарытъ минувшей жизни кладъ,

Я, какъ скупецъ, сурово хладный
Къ тому, чѣмъ пользуется онъ,
И только къ тѣмъ богатствамъ жадный,
На коихъ тлѣнья мертвый сонъ,

Я отъ минуты отрекаюсь,
И охладѣвъ къ тому что есть,
Къ тому что было прилѣпляюсь,
Чтобъ сердца дань ему принесть.

Ковчегъ минувшаго, гдѣ ясно
Дни дѣтства мирнаго прошли
И волны жизни безопасно
Надъ головой моей текли;

Гдѣ я расцвѣлъ подъ отчей сѣнью
На охранительной груди,
Гдѣ тайно созрѣвалъ къ волненью,
Что угрожало впереди;

Гдѣ искры мысли, искры чувства
Впервые вспыхнули во мнѣ

И дѣвы звучнаго искусства
Мнѣ улыбнулись въ тайномъ снѣ;

Гдѣ я узналъ по предисловью
Жизнь сердца, рядъ ея эпохъ,
Тоску, зажженную любовью
Улыбку счастья, скорби вздохъ.

Домъ, юности моей преддверье,
Чѣмъ медленнѣй надеждъ порывъ,
Тѣмъ дѣтства сердца суевѣрье
И давней памяти приливъ

Меня къ тебѣ уноситъ чаще;
Чѣмъ жизнь скупѣе на цвѣты,
Тѣмъ умилительнѣй и слаще
Души обратныя мечты.

Пусть въ сей упраздненной святынѣ
Нѣтъ сердцу образовъ живыхъ
И въ отчемъ домѣ былъ бы нынѣ
Пришелецъ я въ семьѣ чужихъ;

Но неотъемлемый, душевной
Мой цѣлый міръ тутъ погребенъ,
Волненьемъ жизни ежедневной
Не тронутъ онъ, не возмущенъ.

Призванью памяти покорный,
Онъ возникаетъ предо мной
Съ своей красою благотворной,
Съ своей лазурною весной,

Съ дарами на запасъ богатый,
Которыхъ жизнь не сберегла,
И съ тѣмъ и тѣми, коихъ траты
Душа моя пережила.

Какъ часто въ распрѣ своевольной
Съ судьбою, жизнью и собой,

Чтобъ обуздать раздоръ крамольной
И ропотъ немощи слѣпой,

Покинувъ свѣта хаосъ бурный,
Вхожу въ сей тихій саркофагъ,
И мыслью вопрошаю урны
Гдѣ пепелъ лѣтъ, друзей и благъ.

Цѣлебной скорбью, грустью нѣжной
Тогда очистясь, гаснетъ вдругъ
Души то робкой, то мятежной
Обуревающій недугъ,

Пробьются умиленья слезы,
Смиряя смутный пылъ въ груди:
Такъ въ воспаленномъ небѣ грозы
Разводятъ свѣжіе дожди.

Сближая въ мысляхъ съ колыбелью
Гробницы ближнихъ и друзей,
Жизнь проясняется предъ цѣлью,
Которой не избѣгнуть ей.

Вчера, сегодня, завтра — звенья
Предвѣчной цѣпи бытія,
Которой въ тьмѣ недоумѣнья
Таятся чудные края.

Рожденье, смерть изъ урны рока
Съ неодолимой быстриной,
Какъ волны одного потока
Насъ уносящія съ собой,

Скорбь, радость, буря, вѣтръ попутной
И все, что испытали мы,
И все, чѣмъ въ насъ надеждой смутной
Еще волнуются умы;

Все то, что, разнороднымъ свойствомъ
Враждуя, развлекало насъ,

Все равновѣсія спокойствомъ
Почіетъ въ этотъ свѣтлый часъ

На той стезѣ, гдѣ означаемъ
Свои невѣрные слѣды,
Гдѣ улыбаемся, вздыхаемъ,
Подъемлемъ битвы и труды.

До насъ прошли, до насъ сражались
Въ шуму паденій и побѣдъ,
До насъ невольно увлекались
Порывомъ думъ, страстей и бѣдъ.

Однѣ надежды и сомнѣнья,
Однѣ задачи бытія,
Которыхъ тайныя рѣшенья,
Какъ недоступные края,

Обѣтованные мечтанью,
Но запрещенные уму,
Насъ манятъ и во мзду исканью
Ввергаютъ снова въ хладъ и тьму,

Однѣ веселья и печали
Насъ и которыхъ слѣдъ остылъ
Равно томили и ласкали
Средь колыбелей и могилъ.

Почтимъ же мы любовью нѣжной
До насъ свершившихъ оный путь,
И память ихъ во мглѣ мятежной
Звѣздой отрадной нашей будь!

Когда жь придется намъ, прохожимъ,
Доспѣхи жизни сбросить съ плечъ,
И посохъ странника отложимъ
И ратоборца тяжкій мечъ:

Пусть наша память, свѣтлой тѣнью
Мерцая на небѣ живыхъ,
Не будетъ чуждой поколѣнью
Грядущихъ путниковъ земныхъ.

CCCIV.

КЪ ЖУРНАЛЬНЫМЪ БЛАГОПРІЯТЕЛЯМЪ.

Къ чему, скажите, ради Бога,
Журнальный Марсъ возсталъ съ одра
И барабанная тревога
Гусиныхъ витязей пера?
Къ чему вы тяжко развозились,
За что такъ на меня озлились,
Мои нежданные враги,
Которыхъ я люблю, какъ душу?
Къ чему съ плеча и отъ ноги
Вы черезъ влагу, черезъ сушу,—
Чрезъ влагу прѣсныхъ эпиграммъ,
Чрезъ сушу прозы вашей пыльной,
Несетесь по моимъ пятамъ
Ордой задорной и безсильной?
Спроситесь средствъ своихъ и силъ,
Себя извѣдавъ, осмотритесь,
Одумайтесь, прохолодитесь
Хотя на льду своихъ чернилъ.
Въ васъ двѣ причины: хладъ и пламень,
Пылъ гнѣва и таланта ледъ:
Сей въ гору съ горяча несетъ,

Тотъ съ дуру тащитъ внизъ, какъ камень.
Останьтесь въ равновѣсномъ снѣ;
И чувствуя свою природу,
Не обжигайтесь на огнѣ,
Когда васъ такъ и тянетъ въ воду.
И какъ идти вамъ на меня?
Неблагодарные! Не я ли
Изъ хаоса небытія
Васъ вывелъ въ жизнь! Вы прозябали,
Вы были мертвы. Въ добрый часъ!
Не я ли въ люди вызвалъ васъ
Изъ Глазуновскаго кладбища,
Живыхъ покойниковъ жилища,
Гдѣ васъ смертельный сонъ настигъ;
И гдѣ заглавья многихъ книгъ
Гласятъ въ замѣну эпитафій,
Что тутъ наборщика рукой
На лобномъ мѣстѣ типографій
Казненъ иль тотъ или другой.
Скажите, сколькихъ мимоходомъ
„Изъ васъ я повилъ предъ народомъ
„Подъ мой насмѣшливый свистокъ,
„Взлелѣялъ васъ подъ шапкой пестрой,
„И сколькихъ выкормилъ я въ прокъ
„На копьяхъ эпиграммы острой?“
Тогда васъ только свѣтъ и зналъ
Въ тѣни таившихся малютокъ,
Когда подъ качку рѣзвыхъ шутокъ
Мой стихъ васъ на смѣхъ подымалъ.
Пигмея выровнилъ мой хлыстикъ,
А тамъ подъ нимъ, другимъ въ примѣръ,
Свернувшійся въ журнальный листикъ
Развился мелкій эфемеръ;
Задавленный подъ глыбой снѣжной
Своихъ комедій ледяныхъ,
Иной ждалъ смерти неизбѣжной

И костенѣлъ ужъ, какъ свой стихъ;
Его отрылъ я музой чуткой
И на ноги поднять успѣлъ,
И раздражительною шуткой
Его оттеръ и отогрѣлъ.
Кто, на стихѣ моемъ повиснувъ,
Вскарабкавшись, съ поэмой всплылъ;
Кого живой водою спрыснувъ,
Я отъ угара протрезвилъ.
Калѣкъ, замерзшихъ и утопшихъ,
Полуживыхъ, полуусопшихъ,
Слѣпыхъ, хромыхъ, безъ рукъ, безъ ногъ,
Разслабленныхъ и слабоумныхъ,
Сухоточныхъ, опухлыхъ, чумныхъ
Я призрѣлъ всѣхъ, я всѣхъ сберегъ.
Безъ просьбы, безъ лицепріятья
Имѣетъ вся меньшая братья
Заступника въ лицѣ моемъ:
Въ моей сатирѣ хлѣбосольной,
Заботой музы сердобольной,
Открытъ страннопріимный домъ.
Есть богадельня при больницѣ;
Дверь настежъ: милости прошу,
И тотчасъ каждаго въ таблицѣ
Съ отмѣткой имя запишу.
И чтожь? Въ угарѣ своеволья,
Забывъ и долгъ, и честь и связь,
Противъ опеки сердоболья
Больница буйно поднялась.

CCCV.

КЪ А. О. РОСЕТТИ (СМИРНОВОЙ).

Красою смуглаго румянца,
Смотрите, какъ она южна;
Она желтѣе померанца;
Живѣе ласточки она.

CCCVI.

ДѢВИЧІИ СОНЪ.

Мимо дома все хожу,
Все въ одно окно гляжу:
Не мелькнетъ-ли образъ милаго,
Полный таинства унылаго,
Какъ изъ облака жемчужнаго,
Словно лебедь молодой,
Свѣтлый мѣсяцъ неба южнаго
Выплываетъ въ тмѣ ночной.

Я не вѣдаю кто онъ,
Онъ привидѣлся какъ сонъ
Сердцу въ скукѣ одиночества,
Сонъ завѣтный, сонъ пророчества,
Обольстительной, мучительной,
Онъ преслѣдуетъ меня,
Въ мракѣ ночи прохладительной,
Въ шумѣ пламеннаго дня.

Сонъ мой, сбыточенъ-ли ты,
Иль лукавый даръ мечты?
Что бы ни было, не сѣтую,
Жизнь имъ свѣтлую, согрѣтую,

Имъ прекрасную единственно,
Полюбила я съ тѣхъ поръ,
Какъ мнѣ на сердце таинственно
Заронился чудный взоръ.

Но когда во тмѣ ночной
Свѣтитъ мѣсяцъ золотой,
Это мыслитъ своенравная:
Для чего ему не равная
Не взойду въ хоромы звѣздныя
Лобызать его лучи,
Иль въ объятія любезныя
Не сойдетъ ко мнѣ въ ночи?

CCCVII.

ПѢСНЯ.

Вокругъ тебя лучъ радости свѣтлѣетъ,
Въ тебѣ дары ума и красоты,
И если кто душой моей владѣетъ —
Ахъ, это ты!..
Твой взглядъ любви насъ покоряетъ волѣ,
Тебя узнать—есть полюбить тебя;
Но если кто плѣненъ тобой всѣхъ болѣ,—
Ахъ, это я!...
Какъ мотылекъ, я вѣрный лишь веселью,
Любилъ порхать съ измѣной на цвѣты:
Теперь одна моихъ всѣхъ мыслей цѣлью —
И это ты!..
Скажи: „люблю!“—къ чему мнѣ блага свѣта?
Скажи: „люблю!“—кто счастливѣй меня?
Но если кто страдаетъ безъ отвѣта,—
Ахъ, это я!

CCCVIII.

ДВА АНГЕЛА.

Кто разрѣшитъ, за чѣмъ страдаютъ люди,
За чѣмъ должны они страдать,
И глазъ неплакавшихъ и невздыхавшей груди
За чѣмъ подъ небомъ не сыскать?

Кто изочтетъ всѣ бѣдственныя доли
Во мракѣ урны роковой,
Всѣ скорби, немощи, страданья и неволи,
Намъ обреченныя судьбой?

Средь темныхъ безднъ, насъ поглотить готовыхъ,
Среди грозящихъ намъ сѣтей,
Путемъ опасностей и опытовъ суровыхъ,
Несемъ мы ношу нашихъ дней.

Весь путь мірской страдальцами измѣренъ,
И странно намъ, когда судьба
Столкнетъ насъ съ путникомъ, который легковѣренъ
И мыслитъ, что сей путь: гульба.

Но небеса двухъ Ангеловъ намъ дали,
Свѣтлѣетъ ими жизни ночь:
Они всегда при насъ въ день нужды, иль печали,
Чтобъ съ нами плакать иль помочь.

Нѣтъ, Богъ земли не предалъ на мученье,
Имъ врачъ на каждый данъ недугъ:
Благотворительность, земное провидѣнье,
И состраданье, скорби другъ.

Отъ взоровъ ихъ, исполненныхъ участья,
Съ улыбки кроткой и святой
Любовь и миръ на боль, на немощи несчастья
Ложатся сладостной росой.

Блестящихъ розъ, улыбчивыхъ на сутки,
Не возратитъ сія роса,
Но дастъ *цвѣтъ памяти сердечной*, незабудки,
Въ залогъ на жизнь и небеса.

О! жилъ лишь тотъ, кто жизни хладъ юдольный
Любовью къ ближнимъ согрѣвалъ,
И Ангеламъ во слѣдъ, радушный, сердобольный,
Благотворилъ и сострадалъ.

CCCIX.

НЕ ДЛЯ МЕНЯ.

Не для меня: такъ для кого же
Всѣ эти прелести, причуды, блескъ рѣчей
И этихъ глазъ огни, которые пригоже
И ярче южныхъ звѣздъ и молній въ тьмѣ ночей?

Такъ для кого жъ нарядъ, уборы,
И тканью огненной обхваченъ стройный станъ,
По черной бахромѣ блестящихъ бусъ узоры
И ножка, щегольски обутая въ сафьянъ?

Не для меня: такъ для кого же
И черным локономъ завѣшено ушко,
И эти мотыльки, какъ на цвѣточномъ ложѣ,
Къ душистымъ волосамъ прильнувшіе легко?

Не для меня: такъ для кого же
Блескъ упоительный улыбки молодой,
Которая свѣжѣй, алѣе и моложе
Улыбки утренней младаго дня весной?

Не для меня: такъ для кого же
Одушевленныя игрою чувствъ черты,
Ихъ красота и то, что красоты дороже,
Что выраженье, смыслъ и прелесть красоты?

Не для меня: такъ для кого же
Ума и прихотей плѣнительная смѣсь,
И все что на другихъ такъ мало въ васъ похоже,
Все то, чѣмъ смотрите вы такъ нездѣшней здѣсь?

Не для меня? Будь такъ! Я грусть преодолѣю,
Соперника признать смиренно я готовъ,
Завидовать ему, роптать я не посмѣю:
Счастливецъ—избранный помазанникъ боговъ!

На высшей степени, на крайней точкѣ счастья
Двумъ мѣста нѣтъ. Есть царь, всѣ прочіе рабы,—
И счастье на землѣ не таинство-ль судьбы?
Въ немъ блескъ, могущество и прихоть самовластья.

Но есть ли въ васъ струна на глубинѣ души,
Которая бъ любви отозвалась созвучьемъ?
Или безчувственно для всѣхъ вы хороши,
Или безпечность вамъ дана благополучьемъ?

Нѣтъ, трудно вѣрится, чтобъ вы любить могли,
Чтобъ сердце было въ васъ волненью чувствъ послушно:
Быть чуждой слабостямъ васъ свыше обрекли,
А совершенство равнодушно.

Такъ вы въ семьѣ людской не здѣшнее дитя:
Вы какъ живой цвѣтокъ цвѣтете беззаботно,
Вы птичка райская, которая шутя
На вѣтку жизни въ міръ спустилась мимолетно;

Вы радужныхъ огней плѣнительный обманъ
(Но эта радуга не знаменіе мира),
Вы запахъ розы, звуки арфы, вздохъ зефира,
Которымъ жизнь дана, которымъ образъ данъ.

Вы мнѣ сдаетесь сномъ, который сердце гдѣ-то
Однажды видѣло и помнитъ навсегда,
Имъ сердце бѣдное таинственно согрѣто
И въ ночи жизни онъ—завѣтная звѣзда.

Дивись ей, но не жди участья иль залога.
Звѣзда горитъ съ небесъ для всѣхъ въ ночную тьму:
Не вызовешь ее съ небеснаго чертога,
Не скажешь: мнѣ свѣти и больше никому!

CCCX.

ОПРАВДАНІЕ ТУРГЕНЕВА

ПО ПОВОДУ ЕГО МНѢНІЯ О НѢКОТОРОЙ ОСОБѢ.

Нѣтъ, онъ судилъ ее не строго;
Нѣтъ, нѣтъ, Тургеневъ точно правъ:
Въ ней и предательскаго много,
Да и жестокъ надменный нравъ.

Она красавица—не спорю,
Но я души не вижу въ ней,
А хоть и есть душа, то къ горю
Она и глазъ ея чернѣй.

Въ ней рѣдкій умъ: но умъ чтобъ жалить,
Чтобъ какъ нибудь своихъ друзей
Иль оскорбить, иль опечалить,
Иль одурачить поумнѣй!

Она себя лишь любитъ въ мірѣ,
А тамъ хоть не рости трава,
И въ ней, какъ трижды три—четыре,
Согласны съ чувствами слова.

Она ко всѣмъ неблагодарна,
Она всегда на всѣ дѣла,

И положительно коварна,
И убѣдительно какъ зла!

Ханжа, для всенощной готова
Святую дружбу забывать:
А прочемъ,—я уже ни слова—
Ей прочихъ весело терзать.

Могла-жъ она, смягчась душевно,
Хоть послѣ всенощной взглянуть
На насъ, когда мы ей вседневно,
Поемъ, надсаживая грудь:

„Насъ не введи во искушенье,
„И отъ лукаваго избавь,
„Свое даруя лицезрѣнье,
„Душѣ насущный хлѣбъ доставь.

„Для насъ оставь своихъ ты тетокъ,
„Яко и мы оставимъ ихъ!“
Нашъ бѣдный вѣкъ ужъ такъ коротокъ,
Что не до тетокъ намъ своихъ.

1832 г.

CCCXI.

ХАНДРА.

Пѣсня.

Сердца томная забота,
Безъименная печаль!
Я невольно жду чего-то,
Мнѣ чего-то смутно жаль.

Не хочу и не умѣю
Я развлечь свою хандру:
Я хандру свою лелѣю,
Какъ любви своей сестру.

Ей предавшись съ сладострастьемъ,
Благодарно помню я,
Что сироткой подъ ненастьемъ
Разрослась любовь моя.

Дочь туманнаго созвѣздья —
Красныхъ дней и ей не знать,
Ни сочувствій, ни возмездья
Безталанной не видать.

Дѣти тайны и смиренья,
Гости сердца моего

Остаются безъ призрѣнья
И не просятъ ничего.

Жертвы милаго недуга,
Имъ знакомаго давно,
Берегутъ онѣ другъ друга
И горюютъ за одно.

Ихъ никто не приголубитъ,
Ихъ ничто не исцѣлитъ...
Поглядишь: хандра все любитъ,
А любовь всегда хандритъ.

CCCXII.

ТОСКА.

(В. И. Бухариной).

Не знаю я, кого, чего ищу,
Не разберу, чѣмъ мысли тайно полны;
Но что-то есть, о чемъ вездѣ грущу,
Но сновъ, но слезъ, но думъ, желаній волны
Текутъ, кипятъ въ болѣзненной груди
И цѣли я не вижу впереди.

Когда смотрю, какъ мчатся облака,
Гонимыя невидимою силой,—
Я трепещу, меня беретъ тоска
И мыслю я: прочь отъ земли постылой!
Зачѣмъ нельзя мнѣ къ облакамъ прильнуть
И съ ними въ даль летѣть куда-нибудь?

Шумитъ-ли вѣтръ? мнѣ на ухо души
Онъ темныя нашептываетъ рѣчи
Про чудный край, гдѣ кто-то изъ глуши
Манитъ меня привѣтомъ тайной встрѣчи;
И сихъ рѣчей отзывы, какъ во снѣ,
Твердитъ душа съ собой на единѣ.

Когда, подъ громъ оркестра, пляски зной
Всѣхъ обдаетъ веселостью безумной,
Обвитая невидимой рукой,
Изъ духоты существенности шумной
Я рвусь въ просторъ иного бытія
И до земли ужъ не касаюсь я.

При блескѣ звѣздъ въ таинственный тотъ часъ,
Какъ ночи сонъ міръ видимый объемлетъ
И бодрствуетъ то, что́ не наше въ насъ,
Что жизнь души,—а жизнь земная дремлетъ,
Въ тотъ часъ одинъ сдается мнѣ живу
И сны одни я вижу на яву.

Весь міръ, вся жизнь загадка для меня,
Которой нѣтъ обѣщаннаго слова;
Все мнится мнѣ: я наканунѣ дня,
Который жизнь покажетъ безъ покрова;
Но настаетъ обѣтованный день
И предо мной все та-же, та-же тѣнь.

CCCXIII.

ВОЛОДЕНЬКѢ КАРАМЗИНУ.

Володенька! впередъ шагая,
Владиміръ будешь: дай-то Богъ!
Но по свѣту, мой другъ, гуляя,
Не замарай своихъ ты ногъ.

Про свѣтъ нашъ худо молвить больно;
Но хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь:
Нашъ бѣлый свѣтъ, хоть бѣлъ довольно,
А грязи много. Спросишь: гдѣ-жъ?

Вотъ тутъ-то точка съ запятою—
Узнаешь все, такъ будешь сѣдъ.
Пока замѣчу: предъ тобою
Протоптанный есть свѣжій слѣдъ.

Тебѣ житейскій путь невѣдомъ;
Но данъ тебѣ открытый листъ
За подписью отца, и слѣдомъ
Ступай за нимъ, такъ выйдешь чистъ.

CCCXIV.

ДО СВИДАНІЯ.

Прости! какъ грустно это слово,
Когда твердимъ его друзьямъ,
Съ нимъ сердце выскочить готово,
Иль разорваться пополамъ.

Какъ много скорби безнадежной,
Какъ много слезъ таится въ немъ!
Завѣтъ разлуки неизбѣжной,
Привычекъ сердца переломъ.

Оно намъ подтверждаетъ грозно,
Что наше все и мы на срокъ;
Что въ кругъ нашъ, рано или поздно,
А вломится желѣзный рокъ.

Что слово *вмѣстѣ* здѣсь непрочно,
Какъ *радость*, синонимъ его;
Что часто *лучшее* заочно,
Что *смерть* есть въ жизни цѣль всего.

Разлука—смерть, и смерть—разлука:
Когда мы говоримъ: прости!

Кто сердцу бѣдному порука,
Что вновь сойдемся на пути?

Что этотъ звукъ—живое слово,
Не роковой, надгробный гулъ,
Который хладно и сурово
Раздался въ сердцѣ и заснулъ!

Что есть грядущее въ той рѣчи,
Что отголосокъ ей готовъ
Въ привѣтѣ сердцемъ жданной встрѣчи,
Краснорѣчивой и безъ словъ?

Нѣтъ, въ неизбѣжный часъ прощанья,
Покоя ноющую грудь,
Мы лучше скажемъ: до свиданья!
А тамъ, что́ Богъ дастъ, то и будь.

CCCXV.

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Благоуханьемъ роза дышетъ,
Созвучьемъ дышетъ соловей,
Хотя никто его не слышитъ,
Никто не радуется ей.

Печально горлица воркуетъ
На свѣтломъ праздникѣ весны;
Луна златымъ лучемъ цѣлуетъ
Лѣсовъ пустынныхъ глубины.

Такъ безкорыстенъ, безотчетенъ
Въ своихъ явленіяхъ поэтъ;
Онъ объ успѣхѣ беззаботенъ,
Равно ему: есть цѣль, иль нѣтъ.

Надъ нимъ минутнаго вліянья
Всесиленъ роковой законъ:
Безъ думы, скорби иль вниманья
Поэтъ страдаетъ, любитъ онъ.

CCCXVI.

КЪ БУХАРИНОЙ.

Она чего-то все ждала,
Не дождалась—и умерла.

Козловъ.

Нѣтъ, нѣтъ, дождешься!.. Вѣрь тоскѣ:
Она пророчество святое!
Въ ней, какъ въ завѣтномъ тайникѣ,
Лежитъ грядущее нѣмое.

Заговоритъ оно въ свой срокъ
И оправдаетъ Провидѣнье;
Быть можетъ, часъ тотъ недалёкъ—
И совершится назначенье.

Но ты тоску свою люби,
И хладомъ суетныхъ желаній
Не застуди, не погуби
Плодовъ надеждъ и испытаній.

Однимъ любимцамъ неба въ даръ
Ниспосланъ сей недугъ душевный:
Онъ бережетъ священный жаръ
Отъ прозы жизни ежедневной.

CCCXVII.

ВѢРА И СОФІЯ.

(Бухариной и Горсткиной).

Союзъ вашъ крайностей есть смежность,
И тѣмъ надежнѣй, чѣмъ другой:
Однообразность—принадлежность
Толпы безцвѣтной и нѣмой.

Для васъ, для избранныхъ немногихъ,
Судьбы иное обрекли:
Въ игрѣ противорѣчій строгихъ
Стихію дружбы вы нашли.

Вы другъ на друга не похожи,
И тѣмъ вы обѣ хороши,
И тѣмъ для глазъ вы такъ пригожи,
Такъ любопытны для души.

Таятся вашихъ свойствъ залоги
И въ самыхъ вашихъ именахъ:
Что̀ ждетъ васъ вдоль земной дороги,
Найдемъ въ завѣтныхъ тѣхъ словахъ.

Вы, Вѣра, чѣмъ-то безотчетнымъ,
Неизъяснимымъ быть должны—

Какимъ-то таинствомъ безплотнымъ,
Явленьемъ чуждой стороны.

Хотимъ-ли выразить васъ словомъ,
Иль оцѣнить оцѣнкой глазъ—
Подъ свѣтло-сумрачнымъ покровомъ
Вы ускользаете отъ насъ.

Психея, Пери иль Сильфида,
Съ младымъ раздумьемъ на челѣ,
Безъ цѣли, видимаго вида,
Вы тайно вьетесь по землѣ.

Вы внѣ земнаго заточенья,
Неосязательны уму,
И лишь въ минуты откровенья
Доступны сердцу одному.

Софія! васъ назвать и съ вами
Недоумѣнью мѣста нѣтъ:
На васъ прекрасными чертами
Свѣтлѣетъ мудрости портретъ!

Вы истина въ изящномъ мірѣ,
И чуждымъ только слѣпоты
Глазамъ, какъ дважды-два-четыре,
Вы аксіома красоты.

Лицо и умъ у васъ согласны,
Они равно озарены:
Вы убѣдительно прекрасны,
Вы положительно умны!

Съ своей осанки величавой
На жизнь глядите свысока,
Съ усмѣшкой мудрой и лукавой,
Смѣетесь ей исподтишка!

Не ослѣпляясь блескомъ счастья
И не страшась его игры,
Признательно, но безъ пристрастья,
Вы жизни нѣжите дары.

Для васъ съ ихъ прелестью живою
Земныхъ соблазновъ голосъ нѣмъ:
Вы, обольщая всѣхъ собою,
Не обольщаетесь ничѣмъ.

Такъ въ дружбѣ Вѣры и Софіи
Сомкнулось чудное звено;
Въ немъ жизни нашей двѣ стихіи
Слились въ прекрасное одно.

Въ одной таинственность съ залогомъ
Всего, что внѣ границъ мірскихъ;
Въ другой дѣйствительность съ итогомъ
Всѣхъ благъ, всѣхъ совершенствъ земныхъ.

Одна волнисто, своенравно
Влечетъ насъ по своимъ слѣдамъ;
Другая намъ самодержавно
Велитъ упасть къ своимъ ногамъ.

CCCXVIII.

РАЗГОВОРЪ 7 Апрѣля 1832 года.

(Графинѣ Е. М. Завадовской).

Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрьте мнѣ: я предъ собой лукавилъ,
Когда я васъ на споръ безумно вызывалъ;
Вашъ Май, вашъ Петербургъ порочилъ и безславилъ,
И въ вашихъ небесахъ я солнце отрицалъ.

Во лжи рѣчей моихъ глаза уликой были:
Я васъ обманывалъ—но могъ-ли обмануть?
Взглянули-бъ на меня, и первыя не вы ли,
Къ тому, что́ мыслю я, легко нашли бы путь?

Я Петербургъ люблю, съ его красою стройной,
Съ блестящимъ поясомъ роскошныхъ острововъ,
Съ прозрачной ночью—дня соперницей безстройной,
И съ свѣжей зеленью младыхъ его садовъ.

Я Петербургъ люблю, къ его пристрастенъ лѣту:
Такъ пышно свѣтится оно въ водахъ Невы:
Но болѣе всего, какъ не любить поэту
Прекрасной родины, гдѣ царствуете вы?

Природы сѣверной любуяся зерцаломъ,
Въ васъ любитъ онъ ея величье, тишину,
И жизнь цвѣтущую подъ хладнымъ покрываломъ,
И зиму яркую, и кроткую весну.

Роскошенъ жаркій югъ, съ своимъ сіяньемъ знойнымъ
И чудно-знойными глазами женъ и дѣвъ —
Симъ чуткимъ зеркаломъ ихъ думамъ безпокойнымъ,
Въ которомъ такъ кипятъ любви восторгъ и гнѣвъ.

Обворожительны ихъ прелестей зазывы,
Ихъ нѣга, ихъ тоска, ихъ пламенный покой,
Ихъ бурныхъ прихотей нежданные порывы,
Какъ вспышки молніи изъ душной тьмы ночной.

Любовь бѣснуется подъ воспаленнымъ югомъ;
Не ангеломъ она святитъ тамъ жизни путь—
Она горитъ въ крови отравой и недугомъ,
И уязвляетъ въ кровь болѣзненную грудь.

Но сердцу Русскому есть красота иная,
Сынъ Сѣвера призналъ другой любви законъ:
Любовью чистою таинственно сгарая,
Кумиръ божественный лелѣетъ свято онъ.

Красавицъ сѣверныхъ онъ любитъ безмятежность,
Чело ихъ, чуждое язвительныхъ страстей,
И свѣжесть ихъ лица, и плечъ ихъ бѣлоснѣжность,
И пламень голубой ихъ дѣвственныхъ очей.

Онъ любитъ этотъ взглядъ, въ которомъ нѣтъ обмана,
Улыбку свѣжихъ устъ, въ которой лести нѣтъ,
Величье стройное ихъ царственнаго стана
И чистой прелести ненарушимый цвѣтъ.

Онъ любитъ ихъ рѣчей и ласкъ неторопливость,
И въ шумѣ свѣтскихъ игръ примѣтныя едва,
Но сердцу внятныя: чувствительности живость
И, чувствомъ звучныя, немногія слова.

Красавицъ сѣвера царица молодая!
Чистѣйшей красоты высокій идеалъ!
Вамъ глазъ и сердца дань, вамъ лиры пѣснь живая
И лепетъ трепетный застѣнчивыхъ похвалъ.

CCCXIX.

ГРАФИНѢ Е. М. ЗАВАДОВСКОЙ.

Благодарю я васъ за перья!
Привѣтствую вашъ даръ и сердцемъ, и мечтой,
И съ тайнымъ трепетомъ любви и суевѣрья
Къ нему касаюсь я признательной рукой.
Не измѣню ему предъ музой и предъ вами
И вѣрный вашему призванью до конца
Не опозорю я постыдными дарами
Служенья чистыхъ лицъ и красоты жреца.
О, нѣтъ въ одни часы высокихъ откровеній,
И безкорыстныхъ думъ, и стройныхъ впечатлѣній,
Столь чистыхъ, какъ душа чиста,
Когда затеплится въ ея прозрачномъ лонѣ
Мечты, какъ искры звѣздъ на свѣтломъ небосклонѣ,
Иль улыбается, какъ солнце, красота;
Въ часы, когда небесъ доступна намъ вершина,
Когда вокругъ души утихнетъ жизни шумъ
И въ мысль одну и въ звукъ единый
Сольются звучные потоки чувствъ и думъ:
Тогда присвою я даръ вами освященный
И, въ красотѣ признавъ поэзіи права,

Я вырву изъ души стихъ свѣжій, вдохновенный,
Я душу облеку въ слова.
Гордясь, скажу тогда, что вы переродили
Поэта съ ногъ до головы:
Поэзію его вы *оперили*
И чувствамъ вѣтреннымъ подстригли крылья вы.

CCCXX.

КЪ СТАРОМУ ГУСАРУ.

(При выходѣ изъ печати его стихотвореній).

Ай да служба! ай да дядя!
Распотѣшилъ старина!
На тебя, гусаръ мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна.

Молодыя ночи наши
Разгорѣлись въ яркихъ снахъ;
Будто пиршескія чаши —
Снова сохнутъ на губахъ.

Будто мы не устарѣли —
Вьется локонъ вновь въ кольцо;
Будто дружеской артели —
Всѣ ребята на лицо.

Про вино ли, про свой усъ ли,
Или прочіе грѣхи
Рѣчь заводишь: словно гусли
Разыграются стихи.

Такъ и скачутъ, такъ и льются,
Крупно, звонко, горячо,
Кровь кипитъ, ушки смѣются
И задергало плечо.

Подмываютъ, какъ волною.
Душу грѣшника, прости!
Подпоясавшись съ тобою
Гаркнуть, топнуть и пройти.

Чортъ ли въ тайнахъ идеала,
Въ романтизмѣ и лунѣ —
Какъ усатый запѣвала
Запоетъ о старинѣ!

Буйно рвется стихъ твой пылкій,
Словно пробка въ потолокъ,
Иль Моэта изъ бутылки
Брызжетъ хладный кипятокъ!

Съ одного хмельнаго духа
Закружится голова,
И мерещится старуха
Наша сверстница Москва.

Не Москва, что нынѣ чинно
Въ шапкѣ, въ теплыхъ сапогахъ,
Убиваетъ дни невинно
На водѣ и на водахъ.

Но двѣнадцатаго года
Веселáя голова,
Какъ сбиралась непогода,
А ей было трынъ-трава!

Но пятнадцатаго года,
Въ шумныхъ кликахъ торжества,

Свой пожаръ и блескъ похода
Запивавшая Москва!

Весь тотъ міръ, вся эта шайка
Беззаботныхъ молодцовъ
Ожили, мой ворожайка!
Отъ твоихъ волшебныхъ словъ.

Силой чаръ и зелій тайныхъ,
Ты изъ стараго кремня
Высѣкъ нѣсколько случайныхъ
Искръ остывшаго огня.

Бью челомъ, спасибо, дядя!
Спой еще когда-нибудь,
Чтобы мнѣ, тебѣ подладя,
Стариной опять тряхнуть.

1833 г.

CCCXXI

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖУРНАЛА ИСПОВѢДИ.

1.

Случайный даръ, присвоенный обманомъ,
Руки ея безцѣнныя черты
Исполнили мои вы лучшія мечты,
Я суевѣрно васъ пріемлю талисманомъ.
Въ васъ имя нѣжное любимой красоты,
Въ васъ сердца моего таинственное слово,
Которое всегда сорваться съ устъ готово
И снова на сердце мнѣ падаетъ съ тоской.
Даръ, мнѣ ниспосланный судьбою благосклонной,
Я лобызалъ его сто равъ въ почи безсонной,
Пылалъ и млѣлъ на немъ встревоженной душой.
Въ созвучіяхъ земныхъ нѣтъ сладостнѣе звука,
Нѣтъ сладостнѣй мечты на языкѣ боговъ.
И подъ мелодію счастливыхъ этихъ словъ
Живѣе говорятъ любви восторгъ и мука.
Онѣ звучатъ вокругъ меня
Въ толпѣ разсѣянной и шумной
И въ тишинѣ ночей сонъ знойной, сонъ безумной
Нашептываетъ ихъ до пробужденья дня.
Мое сокровище, хотя и даръ случайной,

Моя поэзія, весь міръ мой въ двухъ словахъ.
Въ разлукѣ будешь ты моей святыней тайной
И памятью живой о милыхъ сердцу дняхъ.
Но если и теперь въ васъ вижу счастья,
То чѣмъ должны вы быть священныя черты
Тому, кто приметъ васъ свидѣтельствомъ участья
И тайной подписью любви и красоты

2.

(СНОВИДѢНІЕ).

Какъ могъ присниться я тебѣ?
Какой игрой воображенья
Ниспослано мнѣ въ даръ обманомъ сновидѣнья,
Что на яву моей отказано мольбѣ?
Я мыслью былъ твоей, я ею освятился;
Съ тобой наединѣ въ таинственной тиши
Мой образъ, для тебя незримый, отразился
На зеркалѣ твоей души.
И я не чувствовалъ, и мысль моя слѣпая,
Земная узница, не разгадала мнѣ,
Что Ангелъ обо мнѣ мечтаетъ въ сѣняхъ рая,
Что улыбнулся онъ, быть можетъ, мнѣ во снѣ.

3.

Я розу пѣлъ: тогда во дни ненастья
Былъ одинокъ цвѣтокъ любви и счастья.
Взошла заря и улыбнулась ей.
Вкусивъ любовь и тайны сладострастья,
Она еще роскошнѣй и пышнѣй
Красуется волшебницей очей.
Я былъ ея поклонникъ въ день ненастной
И въ ясный день ей вѣренъ мой обѣтъ;
Но пѣсней нѣтъ счастливицѣ прекрасной,

Въ душѣ моей для счастья пѣсней нѣтъ.
Стою при ней и робокъ, и печаленъ,
Любуюсь я, но на душѣ тоска:
Пчелой любви, вспорхнувшей со цвѣтка,
Я въ прежнюю былъ рану вновь ужаленъ.
Завистливо, волнуемый, безъ словъ,
Смотрю въ слезахъ покорной и мятежной,
Какъ счастья сынъ изъ лона розы нѣжной
Пьетъ радости достойныя боговъ.

4.

Тоска мою волнуетъ душу,
Тоска мой помрачаетъ умъ,
То созидаю я, то рушу
Мечтанья безпокойныхъ думъ.
То счастливъ я своимъ страданьемъ
И язвой сердца дорожу,
То унывающимъ роптаньемъ
Разсудокъ спящій свой бужу.
Но въ сонъ ли счастья легкокрылый
Иль въ безнадежной сердцу тьмѣ —
Она одна, кумиръ мой милый;
Во взорахъ, въ сердцѣ, на умѣ.
Наперсникъ тайнаго кумира
И духовникъ моей души!
Приди, цѣлебнымъ словомъ мира
Недугъ мой бурный утиши.
Не жду надеждъ я, ни отвѣта,
Я мукъ своихъ не продаю —
Онѣ мнѣ жизнь въ пустыни свѣта,
Въ нихъ тайну жизни познаю.
Но дайте мнѣ душой покорной
Предъ ней, припавъ къ ногамъ ея,
Повѣдать пламень непритворный,
Которымъ сожигаюсь я.

Такъ страждущій, въ святынѣ храма
Находитъ миръ отъ тайныхъ грозъ:
Въ моленьяхъ, въ жертвѣ ѳиміама
И въ изліяньи чистыхъ слезъ.

5.

Образъ милой, образъ ясной,
Образъ чудной красоты!
На душѣ тебѣ подвластной
Никогда такъ сильно ты
Не тревожилъ нѣги страстной
И влюбленныхъ сновъ мечты.

* * *

На душѣ, опустошенной
Зноемъ чувствъ и хладомъ лѣтъ,
Увядалъ въ тѣни забвенной
Цвѣтъ любви, восторговъ цвѣтъ,
И на лирѣ упраздненной
Не звучалъ любви привѣтъ.

* * *

Но взошло мое свѣтило
И сіяніемъ весны,
Грудь проникнувъ, озарило
Мракъ сердечной глубины,
И на лирѣ пробудило
Отголосокъ старины.

6.

Привычка ежедневной встрѣчи:
Смотрѣть на милыя черты

И слушать сладостныя рѣчи
Изъ устъ любимой красоты!
Привычка тайная, родная,
Забвенье всякихъ чувствъ иныхъ,
Ты—сердцу жизнь, ты жизнь другая,
Замѣна ты всѣхъ благъ другихъ!

* * *

Сказать себѣ, вчера былъ съ нею,
Сегодня буду съ нею я,
Въ словахъ сихъ милыхъ разумѣю
Все краснорѣчье бытія.
Всѣхъ ощущеній, всѣхъ понятій
Самовластительнѣй они,
Сто разъ ихъ кстати и не кстати
Твердишь въ сердечной глубинѣ.

* * *

Но какъ тяжелъ и хладно мраченъ
Свиданьемъ не согрѣтый день;
Въ сердечной жизни онъ утраченъ
И ускользнулъ какъ въ бездну тѣнь;
Надежды блескомъ лучезарнымъ
Онъ не былъ пышно озаренъ,
Воспоминаньемъ благодарнымъ
Безплодный не присвоенъ онъ.

* * *

Я испыталъ тоску и муки,
Я день провелъ, не встрѣтясь съ ней.
За дни свиданья, день разлуки
Былъ казнью для души моей.
Такъ посреди вѣтвей прекрасныхъ,
На коихъ зелень, цвѣтъ и плодъ,
Одна, добыча тучъ ненастныхъ,
Печально сохнетъ и падетъ.

7.

(ПРАЗДНИКЪ).

Я видѣлъ торжество природы и искуства,
Соперничество ихъ, блестящій ихъ союзъ;
Но и на праздникѣ разнообразныхъ музъ
Мои не развлекались чувства
Въ живомъ явленіи картинъ,
Исполненныхъ души и тайны баснословной,
Вниманья общаго участникъ хладнокровный,
Отдѣльно отъ толпы, среди толпы одинъ,
Я молча вѣренъ былъ завѣтному кумиру:
Имъ любовался я, имъ мыслилъ, имъ мечталъ
И, чуждый вымысламъ и видимому міру,
Поэзію и міръ въ одной я созерцалъ.
Одна, волшебница и хищница свободы,
Одна была передо мной
И безъискуственной красой
Стыдила красоты искуства и природы.

8.

БИРЮЗА.

(МАЛЕНЬКАЯ ИСПОВѢДЬ.)

Много камней драгоцѣнныхъ
Ярко радуютъ глаза,
Но для глазъ его прельщенныхъ
Всѣхъ свѣтлѣе бирюза.

Бирюзѣ данъ цвѣтъ чудесный:
Въ ней прелестныхъ таинствъ цвѣтъ,
Въ ней землѣ залогъ небесный
Необманчивыхъ примѣтъ.

Разсвѣтаетъ небо мая
Бирюзовой красотой,

Незабудка голубая
Дышетъ свѣжей бирюзой.

И ему она являетъ
Неземныя красоты,—
И въ душѣ его питаетъ
Незабвенныя мечты.

Все предъ нимъ мертво, уныло,
Гдѣ не видитъ бирюзы;
Будто жизнь пріосѣнило
Мрачнымъ облакомъ грозы.

Околдованный, невольно
Дань улыбки, дань слезы,
Онъ приноситъ богомольно
Тайной власти бирюзы.

Бирюза — приманка взгляду,
Въ ней нашелъ онъ талисманъ,
И растраву и усладу
Для сердечныхъ тайныхъ ранъ.

Охлажденный и суровой,
Онъ забылъ ужъ про любовь,
Нынѣ цѣпью бирюзовой
Онъ къ любви прикованъ вновь.

CCCXXII.

ПѢСНЯ.

(Аврорѣ Карловнѣ Карамзиной.)

Намъ сіяетъ Аврора,
Въ солнцѣ нужды намъ нѣтъ:
Для души и для взора
Есть и пламень и свѣтъ.

Неба куполъ высокій
Облеченъ сѣрой мглой,
Съ неба льются потоки
И туманъ надъ землей.

Неувѣнчанный Фебомъ
День какъ царь безъ вѣнца:
Такъ любуйтеся небомъ
Молодого лица.

Какъ улыбчиво-ярко
Это небо горитъ,
И сквозь звѣзды какъ жарко
Прямо въ душу глядитъ.

Какъ румяно и пышно
Это небо цвѣтетъ,

Какъ при немъ сердцу слышно,
Что въ немъ ангелъ живетъ!

Нѣтъ ни тучъ, ни ненастья
Въ этомъ небѣ живомъ:
Заглядишься до счастья,
Позабывъ о другомъ.

CCCXXIII.

ПРОЩАНІЕ.

(А. О. СМИРНОВОЙ).

На музу и меня напали вы въ расплохъ.
Ни сердце, ни мой умъ, покуда гриппой сжатый,
Не приготовлены, въ прощальный часъ утраты,
Поднесть вамъ грустный стихъ и задушевный вздохъ.
Не знаю, что сказать, иль зная, не умѣю
Мысль наскоро одѣть, убрать и расцвѣтить,
Дать образъ таинству, которымъ тихо зрѣю,
И чувство въ мѣрный стихъ живьемъ заколотить.
Въ экспромтахъ никогда я не былъ парень ловкой:
Влюблялся иногда экспромтомъ, — спора нѣтъ —
(И, кажется, вы въ томъ дать можете отвѣтъ);
Но пѣлъ всегда моихъ красавицъ съ подготовкой.
Мнѣ грустно, больно мнѣ, мнѣ душно на груди,
И сердце налилось слезами, будто чаша,
При мысли, что для насъ ужъ завтра вы не наша,
Что долгая насъ ждетъ разлука впереди.
Вотъ, если эту скорбь глубокую, живую
Хотите вы назвать поэзіей: будь такъ!
Примите вы ее, какъ сердца дань нѣмую
И преданныхъ вамъ чувствъ простой и вѣрный знакъ.

CCCXXIV.

ПОМИНАНІЕ.

Надо помянуть, непремѣнно помянуть надо
Трехъ Матренъ
Да Луку съ Петромъ.
Помянуть надо и тѣхъ, которые напримѣръ:
Бывшаго поэта Панцербитера,
Нашего прихода честнаго пресвитера,
Купца Риттера,
Резанова, славнаго Русскаго кандитера,
Всѣхъ православныхъ христіанъ города Санктъ-Питера,
Да покойнаго Юпитера,
Надо помянуть, непремѣнно надо:
Московскаго поэта Вельяшева,
Его превосходительство генерала Ивашева
И двоюроднаго братца нашева и вашева.
Нашего Вальтера-Скотта Масальскаго,
Дона Мигуэля короля Португальскаго
И господина городничаго города Масальскаго.
Надо помянуть, помянуть надо, непремѣнно надо;
Покойной Бесѣды члена Кикина,
Россійскаго дворянина Бабарыкина
И извѣстнаго въ Банкѣ члена Аникина.
Надобно помянуть и тѣхъ, которые, напримѣръ, между прочими
Раба Божія Петрищева,
Извѣстнаго автора Радищева,
Русскаго лексикографа Татищева,
Сенатора съ жилою на лбу Ртищева,

Какого-то барина Станищева,
Пушкина не Мусина, не Онѣгинскаго, а Бобрищева,
Ярославскаго актера Канищева,
Нашего славнаго поэта шурина Павлищева,
Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голенищева
И ради Христа всякова доброва нищева.
Надо еще помянуть, непремѣнно надо:
Бывшаго Французскаго короля дисвитскаго,
Бывшаго Варшавскаго коменданта Левицкаго
И полковника Квитскаго,
Американца Монрое,
Виконта Дарленкура и его *ипсибое*
И всѣхъ спасшихся отъ потопа при Ноѣ.
Музыкальнаго Бетховена
И таможеннаго Овена,
Александра Михайловича Гедеонова.
Всѣхъ членовъ старшаго и младшаго дома Бурбонова,
И супруга Берійской неизвѣстнова онова,
Каммеръ-юнкера Загряжскаго
Уѣзднаго засѣдателя города Ряжскаго,
И отцовъ нашихъ державшихся вина Фряжскаго,
Славнаго лирика Ломоносова,
Московскаго статистика Андросова
И Петра Андреича князя Вяземскаго курносова,
Оленина стереотипа
И вигеля Филипова сына Филипа.
Бывшаго каммеръ-гера Приклонскаго,
Г. Шафонскаго,
Карманный грошъ кн. Гр. Волконскаго
И ужъ Александра Македонскаго,
Этого не обойдешь, не объѣдешь. Надо
Помянуть... покойника Винценгероде,
Саксонскаго министра Люцероде,
Графиню вице-канцлершу Нессельроде,
Покойнаго скрыпача Роде,
Хвостова въ Анакреонтическомъ родѣ.

Ужъ какъ ты хочешь, надо помянуть:
Графа нашего пріятеля Велегорскаго (что не любитъ вина горскаго)
А по нашему Велеурскаго,
Покойнаго пресвитэра Самбурскаго,
Дершау, полицеймейстера С.-Петербургскаго,
Почтмейстера города Василисурскаго.
Надо помянуть: парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме,
Ланскаго, что губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера, умершаго въ чумѣ,
И полковника Бартоломе;
Повара али исторіографа Миллера,
Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пинети, славнаго Ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебѣ): Арндта
Да Англичанина Warnta.
Извѣстнаго механика Молдуано,
Москетти Московскаго сопрано
И всѣхъ тѣхъ, которые напиваются рано;
Натуралиста Кювье
И суконныхъ фабрикантовъ города Лувье,
Французскаго языка учителя Жиля,
Отставного Англійскаго министра Пиля
И живописца — аматера Киля.
Надо помянуть:
Господъ: Чулкова,
Носкова,
Башмакова,
Сапожкова.
Надобно помянуть:
Жуковскаго балладника
И Марса, Питерскаго помадника,
Да при нихъ и генерала Пяткина
И князя Ростовскаго-Касаткина.

CCCXXV.

НАДПИСЬ НА ПАМЯТНИКѢ СУПРУГИ П. П. НОВОСИЛЬЦОВА.

Насъ разлучила смерть — безсмертье сопряжетъ!
Отшедшая отъ насъ съ любовью и моленьемъ!
Съ любовью и мольбой приникни къ намъ съ высотъ,
И Божіимъ съ небесъ намъ будь благословеньемъ!

Нашъ Ангелъ! будь средь насъ! дай намъ во слѣдъ тебѣ
Прейти терновый путь земнаго испытанья,
И средь грозы мірской, въ покорствѣ и борьбѣ,
Искать и ждать съ тобой на небесахъ свиданья!

CCCXXVI.

ДВА РАЗГОВОРА ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ

„Чѣмъ занимается теперь Гизо Россійскій?“
— Да вѣрно тѣмъ-же всё: какой-нибудь подпиской
На книгу новую, которую — Богъ дастъ —
Когда-нибудь и онъ напишетъ да издастъ!“

„Пусть говорятъ, что онъ сплетатель скучныхъ враковъ;
Но публики *никто, какъ онъ, не занимаетъ!*“
— Какъ, публики? Богъ вѣсть, кто вкусъ ея узнаетъ?
У публики — вотъ это такъ!

CCCXXVII.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Жизнь—ночь, а день нашъ—смерть! иль смерть—ночная тѣнь,
А краткій день нашъ—жизнь! но къ цѣли безопасной
Равно привесть должна послѣдняя ступень!
Прохожій гость земли, отвергни страхъ напрасный:
Или по бурномъ днѣ насъ сонъ постигнетъ ясный,
Иль бурной ночи вслѣдъ проглянетъ ясный день!

CCCXXVIII.

ГРАФИНѢ КАРОЛИНѢ ПОТОЦКОЙ.

На языкѣ, для васъ чужомъ,
Я подношу вамъ стихъ покорной—
Онъ будетъ данью непритворной,
Внесенной молча къ вамъ въ альбомъ!
Такъ наши жертвоприношенья,
Что ни скажи вамъ, ни пиши—
Все будетъ вамъ безъ выраженья,
Все буквой мертвой, безъ души!
Какой холодный онъ и грустной,
Языкъ поэзіи изустной!
Какъ ограниченъ, бѣденъ онъ —
Условныхъ знаковъ, риѳмъ условныхъ
И оборотовъ многословныхъ
Однообразный лексиконъ!
Но есть поэзія другая,
Природы пламенная дочь,
Разнообразная, живая,
И мать-красавица точь въ точь:
Поэзія улыбкой милой,
Чела младаго, свѣтлыхъ глазъ,
Которая съ волшебной силой
Такъ сладко-говорлива въ васъ!

Такъ ваши очи голубыя,
Румяно-свѣжія уста,
И плечи пышно молодыя,
И всѣхъ движеній красота,
И прелести простосердечья,
Живаго чувства нѣжный цвѣтъ —
На всѣ глаза, на всѣ нарѣчья
Поэзія, какой здѣсь нѣтъ!

CCCXXIX.

ДОРОЖНАЯ ДУМА.

Колокольчикъ, замотайся,
Зазвени-ка, загуди!
Пыль волнуйся, подымайся!
Что-то будетъ впереди?

Не сидится мнѣ на мѣстѣ,
Спертый воздухъ давитъ грудь;
Какъ женихъ спѣшитъ къ невѣстѣ
Я спѣшу — куда-нибудь!

Даль — невѣста подъ фатою!
Даль, — таинственная даль!
Сочетаешься съ тобою —
И въ женѣ невѣсту жаль!

CCCXXX.

КНЯЖНѢ АННѢ ДАВЫДОВНѢ АБАМЕЛЕКЪ.

(Передъ отъѣздомъ въ Москву).

Любезной родины прекрасное свѣтило!
Привѣтствую тебя на чуждой сторонѣ!
На небесахъ родныхъ ты улыбалось мило,
Но на чужбинѣ ты еще милѣе мнѣ!

Другихъ ты радуешь красою свѣтозарной
И яркою игрой живыхъ твоихъ лучей;
Но ты не говоришь ихъ мысли благодарной
О милыхъ таинствахъ завѣтныхъ сердцу дней!

Съ другими наравнѣ поклонникъ богомольный
Звѣзды любви, звѣзды поэзіи младой —
Одинъ, волнуемый заботою невольной,
Задумываюсь я, любуяся тобой.

Мечтой переношусь въ край милый, въ жизнь иную...
Воспоминаній лучь скользитъ глубоко въ грудь,
И, радуясь въ тебѣ, о небесахъ тоскую,
Къ которымъ ты отъ насъ склоняешь свѣтлый путь!

CCCXXXI.

ПОРУЧЕНІЕ ВЪ РЕВЕЛЬ.

(Н. М. Карамзину).

Николай!
Какъ Олай
Заторчитъ предъ тобой,
Поклонись ты ему,
Изувѣченному
Въ поединкѣ съ грозой!

Николай!
Слушай лай—
Моря вой, будто пса
На цѣпи, подъ скалой,
Что ворчитъ въ часъ ночной,
Какъ дразня небеса!

Николай!
Окликай
Старика за меня
И сѣдому хрычу,
Лысачу-усачу
Молви: добраго дня!

Отъ души
Почеши
Мокрый усъ, то то—страсть!
И погладь и похоль,
Какъ заморщится голь,
Какъ запѣнится пасть.

Экой чортъ!
Съ борта въ бортъ
Какъ начнетъ онъ хлестать
Корабли на подхватъ—
Затопить землю радъ,
Небеса заплевать!

Если-жъ тихъ,—
Какъ женихъ,
Какъ невѣста-краса,
Улыбается онъ,
Сквозь задумчивый сонъ,
И глядитъ въ небеса...

Свѣтелъ, чистъ,
Серебристъ,
Чуть волнуется грудь—
Миловать бы его,
Цѣловать бы всего
И на немъ бы заснуть!

Стонетъ онъ,
А сей стонъ
Такъ душѣ постижимъ,
Звуки такъ хороши,
Что всѣ звуки души
Въ пѣснь сливаются съ нимъ!

Я стоялъ,
Я внималъ

Этой музыкѣ волнъ
И качалась душа
По волнамъ, чуть дыша,
Какъ на якорѣ челнъ.

А маякъ?
Точно въ мракъ
Втиснутъ красный янтарь;
Позадернется вдругъ,
То запышетъ вокругъ,
Какъ волшебный фонарь.

А скалы?
Какъ скулы
Этой пасти морской!
Штрихбергъ, Вимсъ, Типертъ, Фаль!
Дай мнѣ кисть, Рюисдаль,
Дай сравниться съ тобой!

Чудный міръ,
Вѣчный пиръ!
Богъ съ тобою, земля!
Я въ соленой водѣ,
Какъ въ родимомъ гнѣздѣ —
Будто братъ корабля!

CCCXXXII.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Я у тебя въ гостяхъ, Языковъ!
Я въ княжествѣ твоихъ стиховъ,
Гдѣ эхо же забыло кликовъ
Твоихъ восторговъ и пировъ.
Я въ Дерптѣ, павшемъ предъ тобою!
Его твой стихъ завоевалъ:
Ты риѳмоносною рукою
Дерптъ за собою записалъ.
Ты Русскимъ духомъ, Русской рѣчью
Въ немъ православья поднялъ тѣнь
И Русскихъ риѳмъ своихъ картечью
Вновь Дерпту задалъ Юрьевъ день.
Хвала тебѣ! живое пламя
Ты не вотще въ груди таилъ:
Державина святое знамя
Ты здѣсь съ побѣдой водрузилъ!
Ты подъ его широкой славой
Священный заключилъ союзъ:
Орла поэзіи двуглавой
Съ орломъ Германскихъ древнихъ музъ.
Онъ твой, сей Дерптъ Германо-росскій!
По стогнамъ, въ росказняхъ бесѣдъ,

Еще грохочутъ отголоски
Твоихъ студенческихъ побѣдъ.
Ни лѣтъ потокъ, ни элементы
Тебѣ не страшны подъ вѣнцомъ,
И будутъ поздніе студенты
Здѣсь пѣть о имени твоемъ.

Въ Италіи читай Вирилья,
Въ Парижѣ Беранже читай:
Гдѣ музы оперились крылья
Тамъ на полетъ ея взирай.
Я здѣсь читалъ, твердилъ прилежно
И съ полнымъ наслажденьемъ вновь
Стихи, гдѣ стройно и мятежно
Волнуется твоя любовь!
Стихи, гдѣ отразились ярко
Твои студенческіе дни,
Сквозь кои ты промчался жарко,
Какъ сквозь потѣшные огни;
Стихи, гдѣ мужественнымъ словомъ
Отозвалась душа твоя
Въ однообрачьи вѣчно новомъ,
Какъ всѣ глаголы бытія.
Не слушайся невѣждъ холодныхъ,
Не уважай судей тупыхъ:
Сочувствій тайныхъ и свободныхъ
Въ нихъ не пробудитъ свѣжій стихъ
Къ тебѣ ихъ судъ неблагосклоненъ,
Тѣмъ лучше: слѣдственно ты правъ!
Одинъ талантъ многостороненъ,
Многоугодливъ и лукавъ.
Но чувство, брошенное скрытно
Залогомъ жизни въ нашу грудь,
Всегда одно и первобытно,
Чѣмъ было, тѣмъ оно и будь!
Скажите мнѣ: дыханье розы,

Ревъ бури, гулъ морской волны,
Веселья сердца, сердца слезы,
Улыбка первая весны,
Въ часы полночнаго молчанья
Звѣздами вытканная твердь,
Святыя таинства созданья:
Рожденье, жизнь, любовь и смерть,
И все, что жизни намъ дороже,
Чѣмъ намъ дано цвѣсти, скорбѣть,
Не также-ль все одно и тоже
Какъ было, есть и будетъ впредь?

1834 г.

CCCXXXIII.

БАЛТІЙСКОЕ ВИДѢНІЕ.

Мнѣ улыбнулася Балтійскихъ водъ царица
И сердце отъ ея улыбки разцвѣло,
Какъ въ утро майское, когда взойдетъ денница,
Взыграетъ сонныхъ волнъ сафирное стекло.

Какъ лебедь царствуетъ на зеркалѣ спокойномъ
Залива тихаго, подобья небесамъ, —
Младая, статная, она въ величьи стройномъ
Живописуется внимательнымъ глазамъ.

Какъ пѣна свѣжая волны среброкипящей,
Прозрачной бѣлизной чаруетъ взоръ она,
Но, озаренная звѣздой веселья, чаще
Оттѣнкой алою въ ней дышетъ бѣлизна.

Лазурью чистою, какъ небо голубое,
Ея безпечные глаза освѣщены,
Въ нихъ сердце свѣтится свободное, живое,
Какъ жизнь младенчества, какъ Херувимовъ сны.

Въ нихъ нѣтъ минувшаго съ его печальной тѣнью,
Тоски о будущемъ; нѣтъ страха, нѣтъ страстей;
Лишь благодарность въ нихъ сіяетъ къ Провидѣнью
За жизнь, которая такъ миловидна въ ней.

CCCXXXIV.

КЪ ГРАФУ В. А. СОЛОГУБУ.

(Въ Дкритъ).

Что дѣлать, мой Графъ, красавица Эмилья?
Сгрустнулось мнѣ по ней и хочется узнать,
Какъ, милая, она изволитъ поживатъ?
Какъ Русскимъ языкомъ играетъ безъ усилья?
Какъ здравствуютъ ея красивыя плеча
Младаго лебедя вызвышенныя крылья,
Глаза ея, души два свѣтлые луча,
Уста съ улыбкою, вдыхающей веселье
И свѣжихъ жемчуговъ живое ожерелье,
Которыми ея унизаны уста,
И все, что прелесть въ ней, и все, что красота?
Сей горделивый станъ царицы сановитой
Съ безпечной простотой, съ младенчествомъ чела,
По коимъ набожно Минервою-Харитой
Златая старина ее бы нарекла?
Но въ нашъ желѣзный вѣкъ, въ сей вѣкъ холодной прозы,
Гдѣ свѣтлыхъ вымысловъ ощипаны всѣ розы,
Гдѣ вѣры нѣтъ къ мечтамъ и мертвы чудеса,
Гдѣ разумъ все сушитъ, гдѣ даже и на лирѣ
Доказывать должны, что дважды два—четыре,
Гдѣ и поэзія, отвергнувъ небеса,

Чтобъ не предать себя изгнанью и проклятью,
Благовѣствуетъ намъ гражданскою печатью,
И гдѣ изъ красоты кумировъ не творя,
Поэты, закрутивъ мечтамъ своимъ поводья,
Буквально держатся именъ календаря,
И скромно тащутся тропой простонародья,
Какъ родилась она не кстати, Боже мой!
Богиня лучшихъ дней, она смиренно нынѣ
Въ уѣздномъ городкѣ, какъ лилія въ пустынѣ,
Цвѣтетъ инкогнито дворянкой молодой!
Но въ черствомъ вѣкѣ семъ есть огненная младость:
Въ сосудъ холоднаго и трезваго питья
Вливаетъ хмель она и чары бытія:
Любви поэзіи и сновъ сердечныхъ сладость!
Есть край: тамъ темный плащъ закинувъ за плечо,
Питомецъ южныхъ думъ на сѣверѣ рожденной,
Студентъ и трубадуръ съ гитарой вдохновенной
Поетъ и чувствуетъ и любитъ горячо.
У оконъ красоты, въ часъ ночной прохлады,
Приноситъ робко ей онъ въ жертву серенады;
Смущая сладостно дѣвическіе сны,
Вдыхаетъ нѣгу въ нихъ и юга и весны.
Улыбка алая уста ея объемлетъ,
Душа безсонная любовной пѣсни внемлетъ
И радуется ей, и безмятежный вздохъ
Изъ груди вырвался и на сердцѣ заглохъ.
Сонъ поэтическій! волшебно съ изголовья
Она несется въ край мечты и баснословья,
И мыслью чистою,—какъ съ лиліи роса,
Иль на груди ея дѣвическая лента,—
Привѣтствуетъ она влюбленный гимнъ студента,
Земную жизнь и міръ забывъ на полчаса.

CCCXXXV.

ТРОЙКА.

Тройка мчится, тройка скачетъ,
Вьется пыль изъ-подъ копытъ;
Колокольчикъ звонко плачетъ
И хохочетъ, и визжитъ.

По дорогѣ голосисто
Раздается яркій звонъ;
То вдали отбрякнетъ чисто,
То застонетъ глухо онъ.

Словно лѣшій вѣдьмѣ вторитъ
И аукается съ ней,
Иль русалка тараторитъ
Въ рощѣ звучныхъ камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая вѣсть!
Много въ ней и думы томной
И раздолья много есть.

Прянулъ мѣсяцъ изъ-за тучи,
Обогнулъ свое кольцо
И посыпалъ блескъ зыбучій
Прямо путнику въ лицо.

Кто сей путникъ и отколѣ?
И далекъ-ли путь ему?
По неволѣ, иль по волѣ
Мчится онъ въ ночную тьму?

На веселье, иль кручину,
Къ ближнимъ-ли подъ кровъ родной,
Или въ грустную чужбину
Онъ спѣшитъ, голубчикъ мой?

Сердце въ немъ ретиво рвется
Въ путь обратный, или въ даль?
Встрѣчи-ль ждетъ онъ — не дождется,
Иль покинутаго жаль?

Ждетъ-ли перстень обручальный,
Ждутъ-ли путника пиры,
Или факелъ погребальный,
Надъ могилою сестры?

Какъ узнать? ужъ онъ далеко!
Мѣсяцъ въ облако нырнулъ
И въ пустой дали глубоко
Колокольчикъ ужъ заснулъ.

CCCXXXVI.

ОТВѢТЪ.

Я пѣлъ другихъ: ее я пѣть не буду,
Нѣмѣетъ стихъ предъ тайной неземной:
На алтарѣ къ завѣтному сосуду
Не прикоснусь нечистою рукой...

Я многихъ пѣлъ, и пѣснь доступнымъ храмомъ
Кумирамъ всѣмъ я настежь растворялъ,
Не дорожилъ завѣтнымъ ѳиміамомъ
И пламень мой безумно расточалъ.

Сердечныхъ тайнъ повѣренный нескромный
Мой общій стихъ былъ сказкою молвы,
Царицъ на часъ вѣнецъ для всѣхъ наемный,
Онъ въ пору былъ для каждой головы.

Но для нее, для избранной изъ свѣта
Нѣтъ у меня достойнаго вѣнца,
И пѣсней нѣтъ у лживаго поэта
И жертвы нѣтъ у ложнаго жреца.

Не облеку простонароднымъ словомъ
Высокихъ тайнъ, которыя она

Повѣдала мнѣ въ откровеньи новомъ,
Которыми душа озарена.

Нѣтъ, мысль о ней безгласная, святая
Мнѣ на душу снисходитъ въ торжествѣ,
Какъ горній лучъ, какъ благодать живая,
Какъ благовѣсть о чистомъ божествѣ.

Молюсь, молчу, душа благоухаетъ,
Какъ свѣтлая лампада въ часъ ночной,
Въ безмолвной тьмѣ таинственно сгараетъ
Предъ образомъ мадоны молодой!

CCCXXXVII.

ФЛОРЕНЦІЯ.

Ты знаешь край! Тамъ льется Арно,
Лобзая темные сады;
Тамъ солнце вѣчно лучезарно
И рдѣютъ золотомъ плоды.
Тамъ лавръ и миртъ благоуханный
Лелѣетъ вѣчная весна,
Тамъ городъ Флоры соимянный
И баснословный какъ она.

Край чудный! Онъ цвѣтетъ и блещетъ
Красой природы и искусствъ,
Тамъ мраморъ мыслитъ и трепещетъ
Въ картинѣ дышетъ пламень чувствъ.
Тамъ рѣчь—поэзіи напѣвы:
Я съ упоеньемъ имъ внималъ;
Но ничего тамъ Русской дѣвы
Я упоительнѣй не зналъ.

Она и стройностью красивой
И яркой бѣлизной лица,
Была соперницей счастливой
Созданій хитраго рѣзца.

Канова на свою Психею
При ней съ досадой бы смотрѣлъ
И мраморъ дѣвственный предъ нею,
Стыдясь, завистливо тускнѣлъ.

На бѣломъ мраморѣ Паросскомъ
Ея чела, вѣнцомъ изъ кось,
Переливалась чернымъ лоскомъ
Густая прядь густыхъ волось.
И чернымъ пламенемъ горѣла
Очей пылающая ночь:
И южнымъ зноемъ пламенѣла
Младая сѣверная дочь.

1835 г.

CCCXXXVIII.

РОЗА И КИПАРИСЪ.

(ГРАФИНѢ М. А. ПОТОЦКОЙ).

Вотъ вы и я: подобье розы милой,
Цвѣтете вы и чувствомъ и красой;
Я — кипарисъ угрюмой и унылой,
Воспитанный лѣтами и грозой.

И будетъ мнѣ воспоминанье ваше,
Подобно ей, свѣжо благоухать;
При немъ душѣ веселье будетъ краше,
При немъ душѣ отраднѣе страдать.

Когда же вамъ сгрустнется, и случайно
Средь ясныхъ дней проглянетъ черный день, —
Пускай мое воспоминанье тайно
Васъ осѣнитъ, какъ кипариса тѣнь.

1836 г.

CCCXXXIX.

KENNST DU DAS LAND?

Kennst du das Land, wo blüht Oranienbaum?

Kennst du das Land, гдѣ фиміамомъ чистымъ
Упоены воздушныя струи,
Гдѣ по холмамъ прохладнымъ и тѣнистымъ
Весна таитъ сокровища свои?
Гдѣ нѣгой розъ и блескомъ ихъ румянца
Ковры луговъ пестрѣютъ и цвѣтутъ,
И гдѣ срослись и злато померанца,
И зелени душистый изумрудъ?

Kennst du das Land, гдѣ сѣверъ смотритъ югомъ,
Роскошно свѣжъ, улыбчиво красивъ,
И свѣтлый брегъ зеленымъ полукругомъ
Спускается на голубой заливъ?
Тамъ все цвѣтетъ, тамъ все благоухаетъ!
Счастливый міръ волшебства и чудесъ!
И на душу тамъ что-то навѣваетъ
Златые дни полуденныхъ небесъ.

Kennst du das Land, гнѣздо орловъ и грома,
Гдѣ бурь мірскихъ безвѣстенъ нынѣ шумъ,
Гдѣ дышетъ миръ, гдѣ умъ и сердце дома,
И есть просторъ порыву чувствъ и думъ?

Тамъ храмъ стóитъ, богамъ пріютъ любимый,
Предъ алтаремъ искусства и наукъ;
Свѣтло горитъ тамъ пламенникъ, хранимый
Заботливымъ служеньемъ нѣжныхъ рукъ!

Kennst du das Land, гдѣ пурпуромъ и златомъ
Сгараетъ день въ блистательномъ вѣнцѣ,
И тихо дня любуяся закатомъ,
Красавица, съ раздумьемъ на лицѣ,
Съ мольбой въ глазахъ, съ улыбкой умиленья,
Душой глядитъ, какъ меркнетъ дня кумиръ?
И ангелъ ей несетъ благословенья,
Ей и землѣ даруя сладкій миръ!

Волшебная страна! предмѣстье рая!
Тамъ день безъ тучъ, тамъ радость безъ труда!
Тамъ царствуетъ богиня молодая,
Чужихъ небесъ прекрасная звѣзда!
Въ полночное созвѣздье закатившись,
Свѣтло взошла надъ Русскою землей,
И съ звѣздною семьею породнившись,
Она горитъ намъ прелестью родной.

Dahin, dahin, Жуковскій нашъ Торквато!
Dahin, dahin, нашъ Тиціанъ-Брюловъ!
Тамъ закипитъ въ васъ горячо и свято
Живой восторгъ возвышенныхъ трудовъ!
Тамъ мыслямъ есть гостепріимный геній,
И есть привѣтъ фантазіямъ мечты!
Для лиры тамъ есть море вдохновеній,
Для кисти есть картина красоты!

CCCXL.

М. И. ГЛИНКѢ.

За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея—Глинку—
Отъ Неглинной, отъ Неглинной—до Невы!

1837 г.

CCCXLI.

НА ПАМЯТЬ.

Въ края далекіе, подъ небеса чужія,
Хотите вы съ собой на память перенесть
О ближнихъ, о странѣ родной живую вѣсть,
Чтобъ стихъ мой сердцу могъ, въ минуты неземныя,
Какъ вѣрный часовой откликнуться: Россія!
Когда бѣда придетъ, иль просто какъ-нибудь
Тоской по родинѣ заноетъ ваша грудь,
Не ждите отъ меня вы радостнаго слова:
Подъ свѣжимъ трауромъ печальнаго покрова,
Сложивъ съ главы своей вѣнокъ блестящихъ розъ,
Отъ рѣчи радостной, отъ пѣсни вдохновенной
Отвыкла муза: ей надъ урной драгоцѣнной
Отнынѣ суждено быть музой вѣчныхъ слезъ.
Одною думою, однимъ событьемъ полный,
Когда на чуждый брегъ васъ переносятъ волны,
И звуки родины должны въ послѣдній разъ
Печально врѣзаться и отозваться въ васъ,
На память и въ завѣтъ о прошломъ въ мірѣ новомъ,
Я васъ напутствую единымъ скорбнымъ словомъ,
За тѣмъ что скорбь моя превыше силъ моихъ,
И, вѣрный памятникъ сердечныхъ слёзъ и стона,
Вамъ затвердитъ одно рыдающій мой стихъ:
Что яркая звѣзда съ роднаго небосклона

Внезапно сорвана средь бури роковой,
Что пѣсни лучшія поэзіи родной
Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой,
Что налъ во всей порѣ красы и славы зрѣлой
Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услада нашихъ дней,
Который трепетомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
Вѣщалъ глаголъ боговъ на сѣверѣ угрюмомъ,
Что навсегда умолкъ любимый нашъ поэтъ,
Что скорбь постигла насъ, что Пушкина ужъ нѣтъ!

1838 г.

CCCXLII.

ПѢСНЬ ВЪ ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ И. А. КРЫЛОВА.

На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ всѣ мы сватья
И не къ чему таить вину:
Всѣ за одно, всѣ безъ изъятья,
Мы влюблены въ его жену.

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И этотъ бракъ былъ не безплодный,
Самъ Фебъ его благословилъ!
Потомству нашъ поэтъ народный
Свое потомство укрѣпилъ.
Изба его дѣтьми богата,
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца:
И дѣти славные ребята!
И дѣти всѣ умны — въ отца!

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя,
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана,
Гдѣ и кольнетъ изъ подъ пера:
Такъ Петръ киваетъ на Ивана,
Иванъ киваетъ на Петра.

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ
И слава эта—наша быль.

И не забудутъ этой были
Пока по Русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему намъ пожелать бы?
Чтобы отъ свадьбы золотой
Онъ дожилъ до алмазной свадьбы
Съ своей столѣтнею женой.
Онъ такъ безпечно, такъ досужно
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

CCCXLIII.

КЪ КАРТИНКѢ.

Прости, волшебница! Сильфидой мимолетной
Она за облака взвилась. Счастливый путь!
Но проза здѣсь на зло поэзіи безплотной:
Скажите, для чего крыло въ башмакъ обуть?

CCCXLIV.

Я ПЕРЕЖИЛЪ.

Я пережилъ и многое, и многихъ
И многому извѣдалъ цѣну я;
Теперь влачусь въ однихъ предѣлахъ строгихъ
Извѣстнаго размѣра бытія.
Мой горизонтъ и сумраченъ, и близокъ
И съ каждымъ днемъ все ближе и темнѣй.
Усталыхъ думъ моихъ полетъ сталъ низокъ
И міръ души безлюдней и бѣдней.
Не заношусь впередъ мечтою жадной,
Надежды гласъ замолкъ — и на пути,
Протоптанномъ дѣйствительностью хладной,
Ужъ новыхъ мнѣ слѣдовъ не провести.
Какъ ни тяжелъ мнѣ былъ мой вѣкъ суровой,
Хоть житницы моей запасъ и малъ,
Но ждать ли мнѣ безумно жатвы новой,
Когда ужъ снѣгъ изъ зимнихъ тучъ напалъ?
По бороздамъ серпомъ пожатой нивы
Найдешь еще, быть можетъ, жизни слѣдъ:
Во мнѣ найдешь, быть можетъ, слѣдъ вчерашній, —
Но ничего ужъ завтрашняго нѣтъ.
Жизнь разочлась со мной; она не въ силахъ
Мнѣ то отдать, что у меня взяла
И что земля въ глухихъ своихъ могилахъ
Безжалостно на вѣки погребла.

CCCXLV.

ТЫ СВѢТЛАЯ ЗВѢЗДА.

Ты—свѣтлая звѣзда таинственнаго міра,
Когда я возношусь изъ тѣсноты земной,
Гдѣ ждетъ меня тобой настроенная лира,
Гдѣ ждутъ меня мечты, согрѣтыя тобой.

Ты—облако мое, которымъ день мой мраченъ,
Когда задумчиво я мыслю о тебѣ,
Иль измѣряю путь, который намъ назначенъ
И гдѣ судьба моя чужда твоей судьбѣ.

Ты—тихій сумракъ мой, которымъ грудь свѣжѣетъ,
Когда на западѣ заботливаго дня
Мой отдыхаетъ умъ и сердце вечерѣетъ
И тѣни смертныя снисходятъ на меня.

CCCXLVI.

ПАМЯТИ ЖИВОПИСЦА ОРЛОВСКАГО.

Грустно видѣть, Русь святая,
Какъ въ степенные года
Нашихъ предковъ удалая
Изнѣмечилась ѣзда.

Толи дѣло въ—старь: телѣга,
Тройка, ухорскій ямщикъ;
Ночью—дуешь безъ ночлега,
Днемъ же,—высунувъ языкъ.

Но за то какъ всё кипѣло
Беззаботнымъ удальствомъ!
Жизнь—копѣйка! бей же смѣло,
Да и ту поставь ребромъ!

Но какъ весело, бывало,
Раздавался подъ дугой
Голосистый запѣвало,
Колокольчикъ разсыпной,

А когда на водку гривны
Ямщику не пожалѣть,
То-то пѣсни заунывны
Онъ начнетъ, сердечный, пѣть!

Сѣверъ блѣдный, Сѣверъ плоскій,
Степь, родныя облака —
Все сливалось въ отголоски,
Гдѣ слышна была тоска;

Но тоска — струя живая
Изъ родного тайника,
Полюбовная, святая,
Молодецкая тоска.

Сердце сердцу вѣсть давало
И изъ тайной глубины
Все былое выкликало
И всѣ слезы старины.

Не увидишь, какъ проскачешь
И не чувствуешь скачковъ,
Ни какъ сердцемъ сладко плачешь,
Ни какъ горько для боковъ.

А проѣхать ли случится
По селенью въ красный день?
Нашъ ямщикъ пріободрится,
Шляпу вздернетъ на бекрень.

Какъ онъ гаркнетъ, какъ присвиснетъ
Горячо по всѣмъ по тремъ,—
Вороныхъ онъ словно вспрыснетъ
Вдохновительнымъ кнутомъ.

Тутъ знакомая свѣтлица
Съ росписнымъ своимъ окномъ:
Тутъ его душа дѣвица
Съ подареннымъ перстенькомъ.

Поравнявшись, онъ немножко
Возжи въ руки приберетъ,
И растворится окошко,—
Словно солнышко взойдетъ.

И покажется касатка,
Бѣлоликая краса;
Что за очи! за повадка!
Что за русая коса!

И поклонами учтиво
Размѣнялися они,
И сердца въ нихъ молчаливо
Отозвалися сродни.

А теперь—гдѣ эти тройки?
Гдѣ ихъ ухорскій побѣгъ?
Гдѣ ты, колокольчикъ бойкій,
Ты, поэзія телѣгъ?

Гдѣ ямщикъ нашъ, на попойку
Вставшій съ темнаго утра,
И загнать готовый тройку
Изъ полтины серебра?

Русскій ямъ молчитъ и чахнетъ,
Отъ былова онъ отвыкъ:
Русскимъ духомъ ужъ не пахнетъ
И ямщикъ—ужъ не ямщикъ.

Духъ заморскій и въ деревнѣ!
И ямщикъ, забывъ кабакъ,
Роспиваетъ чай въ харчевнѣ
Или куритъ въ ней табакъ.

Пѣсню спѣть онъ не съумѣетъ,
Нѣтъ зазнобы ретивой
И на шляпѣ не алѣетъ
Лента дѣвицы милой.

По дорогѣ, въ чистомъ полѣ
Колокольчикъ нашъ заглохъ
И невиданный дотолѣ,
Молча, тащится, трёхъ—трёхъ,

Словно чопорный Германецъ
При ботфортахъ и косѣ,
Неуклюжій дилижанецъ
По нѣмецкому шоссе.

Грустно видѣть, воля ваша,
Какъ, у прозы подъ замкомъ,
Поэтическая чаша
Высыхаетъ съ каждымъ днемъ!

Какъ все то, что́ веселило
Иль ласкало нашу грусть,
Что́ издѣтства затвердило
Наше сердце наизусть,

Всѣ повѣрья, все раздолье
Молодецкой старины,—
Подъѣдаетъ своеволье
Душегубки—новизны.

Нарядились мы въ личины,
Сглазилъ насъ недобрый глазъ.....
И Орловскаго картины —
Буква мертвая для насъ.

Но спасибо, нашъ кудесникъ
Живописецъ и поэтъ,
Малодушнымъ внукамъ вѣстникъ
Богатырскихъ оныхъ лѣтъ!

Русь былую, удалую
Ты потомству передашь:
Ты схватилъ ее живую
Подъ народный карандашъ.

Захлебнувшись прозой прѣсной,
Охмелѣть ли захочу,
И съ мечтой изъ давки тѣсной
На просторъ ли полечу, —

Я вопьюсь въ твои картинки
Жаждой чувствъ и жаждой глазъ,
И творю въ душѣ поминки
По тебѣ, да и по насъ!

CCCXLVII.

БРАИТОНЪ.

Сошелъ на Брайтонъ миръ глубокій
И утомившись битвой дня,
Спятъ люди, нужды и пороки
И только моря гулъ широкій
Во тьмѣ доходитъ до меня.

О чемъ ты море такъ тоскуешь?
О чемъ рыданій грудь полна?
Ты съ тишиной ночной враждуешь,
Ты рвешься, вопишь, негодуешь,
На ложѣ мечешься безъ сна.

Краснорѣчивы и могучи
Земли и неба голоса,
Когда въ огняхъ грохочутъ тучи
И съ бурей, полные созвучій,
Перекликаются лѣса.

Но все, о море, все ничтожно
Предъ жалобой твоей ночной,
Когда смутишься вдругъ тревожно
И зарыдаешь такъ, что можно
Всю душу выплакать съ тобой!

1839 г.

CCCXLVIII.

САМОВАРЪ.

(Семейству П. Я. Уври.)

„Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.“
Державинъ.

Пріятно находить, попавшись на чужбину,
Родныхъ обычаевъ знакомую картину,
Домашнюю хлѣбъ-соль, гостепріимный кровъ
И сѣнь, святую сѣнь отеческихъ боговъ, —
Душѣ затертой льдомъ въ холодномъ морѣ свѣта,
Гдѣ на родной вопросъ роднаго нѣтъ отвѣта,
Гдѣ жизнь обрядныхъ словъ одинъ! пустой обмѣнъ,
Гдѣ ты вездѣ чужой, у всѣхъ — monsieur N. N.
У тихой пристани пріятно отогрѣться,
И въ лица ближнія довѣрчиво всмотрѣться,
И въ рѣчи вслушаться, въ которыхъ что-то есть
Знакомое душѣ—и дней прошедшихъ вѣсть.

Дни странника листамъ разрозненнымъ подобны:
Ихъ разрываетъ духъ насмѣшливый и злобный;
Нѣтъ связи: съ каждымъ днемъ все съизнова живи,
А жизнь и хороша преданьями любви,
Сродствомъ повѣрій, чувствъ, созвучьемъ впечатлѣній
И милой давностью привычныхъ отношеній.
Въ насъ умъ—космополитъ, но сердце—домосѣдъ:
Прокладывать всегда онъ любитъ новый слѣдъ

И радости свои всѣ въ будущемъ имѣетъ;
Но сердце старыми мечтами молодѣетъ,
Но сердце старыми привычками живетъ
И радостнѣй въ тѣни прошедшаго цвѣтетъ!
О, будь благословенъ, кровъ свѣтлый и пріютный,
Подъ коимъ какъ родной былъ принятъ гость минутный,
Гдѣ беззаботно могъ онъ сердце развернуть
И сиротство свое на время обмануть!
Гдѣ любовался онъ съ сознаньемъ и участьемъ
Семейства милаго согласіемъ и счастьемъ
И видѣлъ, какъ цвѣтутъ въ безоблачной тиши
Младыя радости родительской души.
Оттѣнки нѣжные и сѣвера, и юга,
Различьемъ прелестей и сходствомъ другъ на друга
Онѣ любовь семьи и дому красота.
Одна—таинственна, какъ тихая мечта,
Иль ангелъ, облакомъ себя полузакрывшій,
Когда, ко праху взоръ и крылья опустивши,
На рубежѣ земли и неба онъ стоитъ
И бѣдствіямъ земнымъ сочувствуя, груститъ.
И много прелести въ задумчивости нѣжной,
Въ сей ясности средь бурь житейскихъ безмятежной
И въ чистой кротости, которыми она,
Какъ тихимъ заревомъ, тепло озарена!
Другая, — радостно въ грядущее вступая
И знающая жизнь по первымъ утрамъ мая,
На праздникѣ весны въ сіяньи молодомъ
Свѣжѣетъ розою и вьется мотылькомъ.
А *третья*, — младшій цвѣтъ на отрасли семейной,
Пока еще въ тѣни и прелестью келейной
Растетъ и на сестеръ догадливо смотря,
Ждетъ, скоро-ль свѣтлымъ днемъ взойдетъ ея заря?
У васъ по-Русски здѣсь—тепло и хлѣбосольно
И чувству, и уму просторно и привольно;
Не дуетъ холодомъ ни въ душу, ни въ плеча:
И сердце горячо, и печка горяча.

Хоть вы причислены къ Германскому Союзу,
Германской чинности вы сбросили обузу.
За столъ не по чинамъ садитесь, а притомъ
И лишній гость у васъ не лишній за столомъ.
Свобода—вотъ законъ домашняго устава:
Охота есть—болтай! и краснобаю — слава!
На умъ ли лѣнь найдетъ—нѣмымъ себѣ сиди
И за̀ словомъ въ карманъ насильно не ходи!
Вотъ день кончается въ весельяхъ и заботахъ,
Пробилъ девятый часъ на Франкфуртскихъ воротахъ:
Нѣмецкой публики восторгъ весь истощивъ,
Пропѣла Лёве ей послѣдній свой мотивъ;
Ужъ пламенный Дюранъ оставилъ поле брани,
Гдѣ, рыцарь классиковъ, сражался онъ съ Гернани;
И пиво осушивъ, и выкуривъ табакъ,
Ужъ Франкфуртъ, притаясь, надѣлъ ночной колпакъ.
Но насъ еще влечетъ какой-то силой тайной
Въ знакомый тотъ пріютъ, гдѣ съ лаской обычайной
Вокругъ стола насъ ждетъ любезная семья.
Я этотъ часъ люблю,—едва-ль не лучшій дня,
Часъ поэтическій средь прозы черствыхъ сутокъ,
Сердечной жизни часъ, веселый промежутокъ
Между трудомъ дневнымъ и ночи мертвымъ сномъ.
Всѣ счеты сведены,—въ придачу мы живемъ;
Заботъ житейскихъ нѣтъ, какъ будто не бывало:
Сегодня съ плечъ слегло, а *завтра* не настало.
Часъ дружескихъ бесѣдъ у чайнаго стола!
Хозяйкѣ молодой и честь, и похвала!
По православному, не на манеръ Нѣмецкій,
Не жидкій, какъ вода, или напитокъ дѣтскій,—
Но Русью вѣющій, но сочный, но густой,
Душистый льется чай янтарною струей.
Прекрасно!.. Но одинъ встрѣчаю недостатокъ:
Нѣтъ, быта Русскаго неполонъ отпечатокъ.
Гдѣ-жъ самоваръ родной, семейный нашъ очагъ,
Семейный нашъ алтарь, ковчегъ домашнихъ благъ?

Въ немъ льются и кипятъ всѣхъ нашихъ дней преданья,
Въ немъ Русской старины живутъ воспоминанья;
Онъ уцѣлѣлъ одинъ въ обломкахъ прежнихъ лѣтъ
И къ внукамъ перешелъ неугасимый дѣдъ.
Онъ Русскій роковo, нестройный, неуклюжій,
Но внутренно хорошъ, хоть не красивъ снаружи;
Онъ лучше держитъ жаръ и подъ его шумокъ
Кипитъ и разговоръ, какъ прытkій кипятокъ.
Какъ много тайныхъ главъ романовъ ежедневныхъ,
Животрепещущихъ романовъ, задушевныхъ,
Которыхъ въ книгахъ нѣтъ—какъ сладко не пиши!
Какъ много чистыхъ сновъ дѣвической души
И нѣжныхъ ссоръ любви, и примиреній нѣжныхъ,
И тихихъ радостей, и сладостно-мятежныхъ—
При пламени его украдкою зажглось
И съ облакомъ паровъ незримо разнеслось!
Гдѣ только водятся домашніе пенаты,
Отъ золотыхъ палатъ и до смиренной хаты,
Гдѣ мѣдный самоваръ, наслѣдство сироты,
Вдовы послѣдній грошъ и роскошь нищеты, —
Повсюду на Руси святой и православной
Семейныхъ сборовъ онъ всегда участникъ главной.
Нельзя родиться въ свѣтъ, ни въ бракъ вступить нельзя,
Ни „здравствуй!“ ни „прощай!“ не вымолвятъ друзья,
Чтобъ, всѣхъ житейскихъ дѣлъ конецъ или начало,
Кипучій самоваръ, домашній запѣвало,
Не подалъ голоса и не созвалъ семьи.

. . . . . .

Поэтъ сказалъ—и стихъ его для насъ понятенъ:
„Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!“
Не самоваромъ ли—сомнѣнья въ этомъ нѣтъ—
Былъ вдохновенъ тогда великій нашъ поэтъ?
И тѣнь Державина, здѣсь сѣтуя со мною,
Къ вамъ обращается съ упрекомъ и мольбою
И проситъ, въ честь ему и православью въ честь:
Канфорку бросить прочь, и—самоваръ завесть.

CCCXLIX.

ЭПЕРНЕ.

(Денису Васильевичу Давыдову.)

Икалось ли тебѣ, Давыдовъ,
Когда шампанское я пилъ
Различныхъ вкусовъ, свойствъ и видовъ,
Различныхъ возрастовъ и силъ,

Когда въ подвалахъ у Моэта
Я жадно поминалъ тебя,
Любя наѣзднika-поэта,
Да и шампанское любя?

Здѣсь бьетъ кастальскій ключъ, питая
Небасноловною струей;
Поэзія—здѣсь вещь ручная:
Пять франковъ дай—и пей и пой!

Моэтъ,—вотъ сочинитель славный!
Онъ пишетъ прямо на бѣлѳ
И стихъ его, живой и плавный,
Ложится на душу свѣтлѳ.

Живетъ онъ славой всенародной;
Поэтъ доступный, всѣмъ съ руки,

Онъ переводится свободно
На всѣ живые языки.

Не даромъ онъ стяжалъ извѣстность,—
И въ школу всѣ къ нему спѣшатъ:
Его текущую словесность
Всѣ поглощаютъ на расхватъ.

Поэмъ въ стеклянномъ переплетѣ
Въ его архивахъ милліонъ.
Гомеръ! хоть ты въ большомъ почетѣ,—
Что твой воспѣтый Иліонъ?

Когда тревожила насъ младость
И жажда ощущеній жгла,
Его поэма, наша радость,
Настольной книгой намъ была.

Какъ много мы ночей безсонныхъ,
Забывъ всѣ тягости земли,
Ночей прозрачныхъ, благосклонныхъ,
Съ тобой надъ нею провели.

Прочтешь поэму—и бывало
Давай полдюжину поэмъ!
Какъ ни читай, кажись, все мало...
И зачитаешься совсѣмъ.

Въ тѣхъ подземеліяхъ гуляя,
Я думой ожилъ въ старинѣ;
Гляжу: бивакомъ рать родная
Расположилась въ Эпернѣ.

Лихой казакъ, глазамъ и слуху,
Предсталъ мнѣ: пѣсни и гульба!
Пьютъ Эпернейскую сивуху,
Жалѣя только, что слаба.

Люблю я Русскаго натуру:
Въ бою онъ левъ: пробьютъ отбой,—
Весельчаку и балагуру
И врагъ все тотъ-же братъ родной.

Оставя боевую пику,
Казакъ здѣсь мирно пировалъ,
Но за Москву, Французамъ въ пику,
Ихъ погреба онъ осушалъ.

Виномъ кипучимъ съ горъ Французскихъ
Онъ поминалъ родимый Донъ
И чтобъ не пить изъ рюмокъ узкихъ,
Пилъ прямо изъ бутылокъ онъ.

Да и тебя я тутъ подмѣтилъ,
Мой Бородинскій бородачъ!
Ты тутъ друзей давнишнихъ встрѣтилъ
И поцѣлуй твой былъ горячъ.

Дней прошлыхъ свитки развернулись,
Всѣ поэтическіе сны
Въ тебѣ проснулись, встрепенулись
Изъ-за душевной глубины.

Вотъ край, гдѣ радость льетъ обильно
Виноточивая лоза:
И изъ очей твоихъ умильно
Скатилась пьяная слеза!

ПРИПИСКА 1854 ГОДА.

Такъ изъ чужбины отдаленной
Мой стихъ искалъ тебя, Денисъ!
А ужъ тебя ждалъ неизмѣнной
Не виноградъ, а кипарисъ.

На мой привѣтъ отчизнѣ милой
Отвѣтомъ скорбный голосъ былъ,
Что свѣжей, братскою могилой
Дополненъ рядъ моихъ могилъ.

Искалъ я друга въ день возврата,
Но грустенъ былъ возврата день!
И *собутыльника* и брата
Одну я съ грустью обнялъ тѣнь.

Остылъ поэта свѣтлый кубокъ,
Остылъ и партизанскій мечъ;
Средь благовонныхъ чашъ и трубокъ
Ужъ не кипитъ живая рѣчь.

Съ нея не сыплятся, какъ звѣзды,
Огни и вспышки острыхъ словъ
И рѣчь наѣздника—наѣзды
Не совершаетъ на глупцовъ.

Струей не льется вѣчно-новой
Бивачныхъ повѣстей разсказъ
Про льды Финляндіи суровой,
Про огнедышущій Кавказъ,

Про годъ, запечатлѣнный кровью,
Когда, подъ заревомъ Кремля,
Пылая местью и любовью,
Возстала Русская земля,

Когда, принесши безусловно
Всѣ жертвы на алтарь родной—
Единодушно, поголовно
Народъ пошелъ на смертный бой.

Подъ твой разсказъ народной были,
Животрепещущій разсказъ,
Изъ гроба тѣни выходили
И блескъ ихъ ослѣплялъ нашъ глазъ.

Багратіонъ, Ахиллъ душою,
Кутузовъ, мудрый Одиссей,
Сеславинъ, Кульневъ,—простотою
И доблестью мужъ древнихъ дней!

Богатыри эпохи сильной,
Эпохи славной, васъ ужъ нѣтъ!
И вотъ сошелъ во мракъ могильной
Вашъ сослуживецъ, вашъ поэтъ!

Смерть сокрушила славы наши
И смотримъ мы съ слезой тоски
На опрокинутыя чаши,
Не упраздненные вѣнки.

Зову,—молчитъ припѣвъ бывалый;
Ищу тебя,—но домъ твой пустъ;
Не встрѣтитъ стихъ мой запоздалый
Улыбки охладѣвшихъ устъ.

Но пѣснь мою, души преданье
О свѣтлыхъ, безвозвратныхъ дняхъ,
Прими, Денисъ, какъ возліянье
На прахъ твой, сердцу милый прахъ!

1840 г.

CCCL.

МОЛИСЬ.

(М. А. Бартеневой).

Prions, prions! l'ame s'éléve
Lorsque le corps tombe à genoox.

Молись! Даетъ молитва крылья
Душѣ, прикованной къ землѣ,
И высѣкаетъ ключь обилья
Въ заросшей терніемъ скалѣ!
Она—покровъ намъ отъ безсилья,
Она—звѣзда въ юдольной мглѣ.

На жертву чистаго моленья—
Души нетлѣнный ѳиміамъ,
Изъ недоступнаго селенья,
Слетаетъ свѣтлый ангелъ къ намъ,
Съ прохладной чашей утоленья
Палимымъ жаждою сердцамъ.

Молись, когда змѣей холодной
Тоска въ твою проникнетъ грудь;
Молись, когда въ степи безплодной
Мечтамъ твоимъ проложенъ путь,
И сердцу, сиротѣ безродной,
Пріюта нѣтъ, гдѣ отдохнуть.

Молись, когда глухимъ потокомъ
Кипитъ въ тебѣ страстей борьба;
Молись, когда предъ мощнымъ рокомъ
Ты безоружна и слаба;
Молись, когда привѣтнымъ окомъ
Тебя обрадуетъ судьба.

Молись, молись! души всѣ силы
Въ молитву жаркую излей,
Когда твой ангелъ златокрылый,
Сорвавъ покровъ съ твоихъ очей,
Укажетъ имъ на образъ милый,
Ужъ снившійся душѣ твоей.

И въ ясный день, и подъ грозою,
На встрѣчу счастья иль бѣды,
И пронесется ль надъ тобою
Тѣнь облака иль лучъ звѣзды—
Молись! молитвою святою
Въ насъ зрѣютъ тайные плоды.

Все зыбко въ жизни сей проточной,
Все тлѣнью дань должно принесть,
И радость быть должна не прочной
И роза каждая отцвѣсть:
Что будетъ, — то въ дали заочной.
И ненадежно то, что́ есть.

Однѣ молитвы не обманутъ
И тайну жизни изрекутъ,
И слезы, что съ молитвой канутъ,
Въ отверстый благостью сосудъ,
Живыми перлами воспрянутъ
И душу блескомъ обовьютъ.

И ты, такъ радостно блистая
Зарей надеждъ и красоты,

Въ тѣ дни, когда душа младая—
Святыня дѣвственной мечты,—
Земнымъ цвѣтамъ земнаго мая
Не слишкомъ довѣряйся ты.

Но вѣруй съ дѣтской простотою
Тому, что намъ не отъ земли,
Что́ для ума покрыто тьмою,
Но сердцу видимо въ дали,
И къ свѣтлымъ таинствамъ мольбою
Свои надежды окрыли.

CCCLI.

ЛЮБИТЬ. МОЛИТЬСЯ. ПѢТЬ.

Любить. Молиться. Пѣть. Святое назначенье
Души, тоскующей въ изгнаніи своемъ,
Святаго таинства земное выраженье,
Предчувствіе и скорбь о чемъ-то неземномъ,
Преданье темное о томъ, что было яснымъ
И упованіе того, что будетъ вновь;
Души, настроенной къ созвучію съ прекраснымъ,
Три вѣчныя струны: молитва, пѣснь, любовь!
Счастливъ, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлялъ всегда съ любовью и мольбой
И пѣсни внутренней быть арфою живой!

CCCLII.

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ С. С КУШНИКОВУ.

Земная жизнь—борьба. Сопутствуютъ молитвы
Тому, кто подвигъ свой здѣсь совершитъ вполнѣ,
И добрый съ честью палъ среди упорной битвы,
Какъ воинъ доблестный на боевой стѣнѣ.
Таковъ былъ Кушниковъ! Онъ и въ младыя лѣта,
И въ поздніе года, подъ холодомъ сѣдинъ,
Былъ чистъ передъ судомъ и совѣсти и свѣта, —
Братъ вѣрный ближняго, отчизны вѣрный сынъ.

CCCLIII.

МОЛИТВА.

Господи! избави мене всякаго невѣдѣнія и забвенья и малодушія и окамененнаго нечувствія: Господи! даждь ми слезы и память смертну и умиленіе.

Изъ молитвы Іоанна Златоустаго.

Бываютъ дни, когда молиться такъ легко,
Что будто на душу молитвы сходятъ сами,
Иль Ангелъ, словно мать младенцу на ушко,
Нашептываетъ ихъ съ любовью и слезами.

Въ тѣ дни намъ жизнь яснѣй и внутреннимъ глазамъ
Доступнѣй Промысла таинственная книга,
И чище радость въ насъ, и крестъ не въ бремя намъ,
И благъ тяжелый гнетъ возлюбленнаго ига.

Бываютъ дни, когда мракъ на душѣ лежитъ:
Отяжелѣвшая и хладная какъ камень,
Она не вѣруетъ, не любитъ, не скорбитъ
И не зажжется въ ней молитвы тихій пламень.

Хранитель Ангелъ мой! не дай мнѣ въ эти дни
Предъ смертью испытать послѣднее сомнѣнье,

И отъ души моей ты немощь отжени,
И хладъ невѣдѣнья, и чувствъ окаменѣнье.

Но теплыхъ слезъ во мнѣ источникъ обнови,
Когда остынетъ онъ въ дремотѣ лѣни томной;
Дай умиленье мнѣ молитвы и любви,
Дай память смертную, лампаду въ вечеръ темный!

1841 r.

CCCLIV.

СТАРОЕ ПОКОЛѢНІЕ.

Смерть жатву жизни коситъ, коситъ
И каждый день, и каждый часъ
Добычи новой жадно проситъ
И грозно разрываетъ насъ.

Какъ много ужь именъ прекрасныхъ
Она отторгла у живыхъ
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ!

Какъ много сверстниковъ не стало,
Какъ много младшихъ ужь сошло,
Которыхъ утро расцвѣтало,
Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло....

А мы остались, уцѣлѣли
Изъ этой сѣчи роковой,
По смерти ближнихъ оскудѣли
И ужь не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.

Печально вѣкъ свой доживая,
Мы запоздавшей смѣны ждемъ,
Съ днемъ каждымъ сами умирая,
Пока не вовсе мы умремъ.

Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ,
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ—въ нихъ сочувствій нѣтъ!

Они—что́ любимъ—разлюбили,
Страстямъ ихъ—насъ не волновать;
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужь не бывать!

Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье—наша быль
И то́, что́ пепелъ намъ священный—
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Такъ, мы развалинамъ подобны
И на распутіи живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ.

CCCLV.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ.

Дышетъ счастьемъ,
Сладострастьемъ
Упоительная ночь!
Ночь нѣмая,
Голубая,
Неба сѣвернаго дочь!

Послѣ зноя тихо дремлетъ
Прохлажденная земля;
Не такая-ль ночь объемлетъ
Елисейскія поля?
Тѣни легкія, мелькая,
Въ свѣтломъ сумракѣ скользятъ,
Ночи робко довѣряя
Тб, чтб дню не говорятъ.

Дышетъ счастьемъ,
Сладострастьемъ
Упоительная ночь!
Ночь нѣмая,
Голубая,
Неба сѣвернаго дочь!

Блещутъ свѣжестью сафирной
Небо, воздухъ и Нева
И купаясь въ влагѣ мирной
Зеленѣютъ острова.
Вёселъ мѣрные удары
Раздаются на рѣкѣ
И съ созвучьями гитары
Замираютъ вдалекѣ.

Дышетъ счастьемъ,
Сладострастьемъ
Упоительная ночь!
Ночь нѣмая,
Голубая,
Неба сѣвернаго дочь!

Какъ надъ ложемъ новобрачной
Притаившіеся сны,
Такъ въ ночи полупрозрачной
Гаснутъ звѣзды съ вышины.
Созерцанья и покоя
Благодатные часы!
Мирной ночи съ днемъ безъ зноя
Чудомъ слитыя красы!

Дышетъ счастьемъ,
Сладострастьемъ
Упоительная ночь!
Ночь нѣмая,
Голубая,
Неба сѣвернаго дочь!

Чистой нѣги, сладкой муки
Грудь таинственно полна.
Чу! волшебной пѣсни звуки
Вылетаютъ изъ окна.

Пой, красавица пѣвица!
Пой, залетный соловей,
Сладкозвучная царица
Поэтическихъ ночей!

Дышетъ счастьемъ,
Сладострастьемъ
Упоительная ночь!
Ночь нѣмая,
Голубая,
Неба сѣвернаго дочь!

CCCLVI.

ШУТКА.

(Графинѣ Сологубъ—ныиѣ Свистуновой).

Графиня! то-то на просторѣ
Изъѣздили вы бѣлый свѣтъ:
Знакомы суша вамъ и море,
Какъ бальный лаковый паркетъ.
Вы съ вихрями вальсировали
По рытвинамъ валовъ морскихъ,
Когда вамъ бури балъ давали
Подъ вой оркестровъ громовыхъ.

Вы были въ мірѣ иноземцевъ,
Въ столпосмѣшеньи языковъ,
И въ царствѣ бѣлокурыхъ нѣмцевъ
Съ оттѣнкой рыжихъ париковъ.
Вы были тамъ, гдѣ вѣчный кнастеръ
Коптитъ умы и небеса,
И каждый собесѣдникъ мастеръ
Отмалчиваться три часа.

Теперь—вы человѣкъ ученой
И многое могли узнать;

Позвольте жь по причинѣ оной
Два-три вопроса вамъ задать:
Скажите, въ цвѣтникахъ природы,
Гдѣ ваша странствуетъ звѣзда,
Скажите—вкусны-ль буттерброды,
И благовонна-ль резеда?

Въ той сторонѣ, гдѣ Вертеръ жаркой
И не одинъ найдется вновь,
Гдѣ между пивомъ и сигаркой
И бродитъ и горитъ любовь,
Скажите—многихъ ли бароновъ,
Князей съ землей и безъ земли,
Нѣмецкихъ фофоновъ и фоновъ
По-русски вы съ ума свели?

Стыдясь и глядя изъ-подлобья,
Скажите прямо, въ простотѣ—
Нашли ли гдѣ хоть тѣнь подобья
Вы вашей Русской красотѣ?
Я изъ берлоги вонъ ни пяди,
Не то́ что́ вы! я домосѣдъ:
Такъ просвѣтите, Бога ради,
И дайте вѣсть про бѣлый свѣтъ.

CCCLVII.

ДОРОЖНАЯ ДУМА.

Опять я на большой дорогѣ,
Стихіи вольной гражданинъ,
Опять въ кочующей берлогѣ
Я думу думаю одинъ.

Мнѣ нужно это развлеченье,
Усталость тѣла и тоска,
И неподвижное движенье,
Которымъ зыблюсь я слегка.

Въ нихъ возбудительная сила,
Въ нихъ магнитическій приливъ,
И жизни потаенной жила
Забилась вдругъ на ихъ призывъ.

Міръ внѣшній, міръ разнообразный
Не существуетъ для меня:
Его явленій зритель праздный,
Не различаю тьмы отъ дня.

Мнѣ все одно: улыбкой счастья
День обогрѣетъ ли поля,

Иль мрачной ризою ненастья
Одѣлись небо и земля?

Смѣняясь панорамой чудной,
Лѣса-ли, горы въ сторонѣ,
Иль степью хладной, безпробудной
Лежитъ окрестность въ мертвомъ снѣ?

Встаютъ-ли села предо мною,
Святыни скорби и труда,
Или съ роскошной нищетою
Въ глазахъ пестрѣютъ города?

Мнѣ все одно: обратнымъ окомъ
Въ себя я тайно погруженъ
И въ этомъ мірѣ одинокомъ
Я заперся со всѣхъ сторонъ.

Мнѣ любо это заточенье—
Я жизнью странной въ немъ живу:
Дѣйствительность въ немъ—сновидѣнье,
А сны я вижу на яву.

CCCLVIII.

РУССКІЕ ПРОСЕЛКИ.

Скажите, знаете-ль, честные господа,
Что значитъ Русскими проселками ѣзда?
Вамъ сплошь Европа вся изъ края въ край знакома:
Въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ вы какъ дома;
Докатитесь туда по гладкому шоссе
И думаете вы, что такъ и ѣздятъ всѣ,
И всѣ ѣзжали такъ; что, лежа, какъ на розахъ,
Родъ человѣческій всегда ѣзжалъ въ дормёзахъ
И что, пожалуй, нашъ родоначальникъ самъ
Не кто иной, какъ всѣмъ извѣстный Макъ-Адамъ.
Счастливцы (какъ бы къ вамъ завербоваться въ секту?),
Россію знаете по Невскому проспекту
Да по Симбирскому бурмистру, въ вѣрный срокъ
Къ вамъ привозящему вашъ годовой оброкъ.
Вамъ жить легко. Судьба вамъ служитъ по контракту
И васъ возить должна все по большому тракту.
Для васъ проселковъ нѣтъ. Всегда предъ вами цѣль,
Хотя бъ вы занеслись за тридевять земель.
Нѣтъ, вызвалъ бы я васъ на Русскіе проселки,
Чтобъ о людскомъ житьѣ прочистить ваши толки.
Тутъ міръ бы вы другой увидѣли! что шагъ,—

То яма, косогоръ, болото иль оврагъ.
Я твердо убѣжденъ, что съ временъ потопа
Не прикасалась къ нимъ лопата землекопа.
Какъ почву вывернулъ, размылъ и растрепалъ
Съ небесъ сорвавшійся сей водяной обвалъ,
Такъ и теперь она вся въ томъ же безпорядкѣ,
Вся исковеркана, какъ въ судорожной схваткѣ.
Дорога лѣсомъ ли? Такія кочки, пни,
Что крѣпче свой языкъ къ гортани ты прильпни—
Не то, такой толчекъ поддастъ тебѣ, что ой-ли!
И свой языкъ насквозь прокусишь ты. Рѣкой ли
Дорога? Мостъ на ней ужъ подлинно живой:
Такъ бревна въ запуски и пляшутъ подъ тобой
И ты того и жди, что изъ за пляски этой
Къ русалкамъ попадешь съ багажемъ и каретой.
Есть перевозъ ли? Плотъ такое ужъ гнилье,
Что только бабамъ мыть на немъ свое бѣлье.
Кому на казнь даны чувствительные нервы,
(Недугъ новѣйшихъ дней), тому совѣтъ мой первый:
Проселкомъ на Руси не ѣздить никогда.
Пройди сто верстъ пѣшкомъ; устанешь — не бѣда:
За то ты будешь цѣлъ и съ нервами въ покоѣ;
Не будетъ дергать ихъ, коробить въ перебоѣ
И не начнешь въ сердцахъ, забывъ и страхъ и грѣхъ,
Какъ Демонъ Пушкина, злословить все и всѣхъ,
Опасность я видалъ и передрягъ не мало
На сушѣ и водахъ въ мой вѣкъ мнѣ предстояло.
Былъ Бородинскій день, день жаркій, боевой!
Французское ядро визжало надо мной
И если мирнаго поэта пожалѣло,
За то хоть двухъ коней оно подъ нимъ заѣло.
Я на морѣ горѣлъ, и сквозь ночную тьму
(Не мнѣ бы тутъ стоять, а Данте самому),
Не сонный, на яву, я зрѣлъ двѣ смерти рядомъ
И каждую съ своимъ широкозѣвнымъ адомъ:
Одинъ весь огненный и пышущій, другой

Холодный, сумрачный, бездонный и сырой;
И оставалось мнѣ на выборъ произвольной
Быть гусемъ жаренымъ иль рыбой малосольной.
Еще есть черная отмѣтка на счету.
Двухъ паровозовъ, двухъ волкановъ на лету
Я видѣлъ сшибку: лобъ со лбомъ они столкнулись,
И страшно крякнули, и страшно пошатнулись—
И смертоносенъ былъ напоръ сихъ двухъ громадъ.
Вотъ вамъ живописалъ я свой и третій адъ.
Но это случаи, несчастье, приключенье!
А здѣсь—такъ быть должно, такое заведенье,
Порядокъ искони нормальной, коренной,
Что быть, какъ на часахъ, безсмѣнно предъ бѣдой
И если выйдешь сухъ нечаянно отъ Сциллы,
То у Харибды ждать увѣчья иль могилы.
Проселки адъ земной! но нашъ *авось* великъ!
Великъ — ужъ нечего сказать — и нашъ ямщикъ.

CCCLIX.

НАШЪ ВѢКЪ.

I.

Нашъ вѣкъ насъ освѣщаетъ газомъ
Такъ, что и солнцу не подъ стать;
Но жаль, что можетъ лопнуть разомъ
И вспышкой насъ съ собой взорвать.

Нашъ вѣкъ разсчетливой и строгой,
Чтобъ время за собой имѣть,
Насъ мчитъ желѣзною дорогой
Такъ, что и мысли не поспѣть.

Но, если съ колеса сорвется
Огнекрылатый великанъ,
Кто головой съ нимъ разочтется,
Кто посчастливѣй—паровой ранъ.

Смышленъ, хитеръ ты вѣкъ! Безспорно,
Никто изъ братіи твоей,
Какъ ты не рыскалъ такъ проворно,
Не зажигалъ такихъ огней.

Гдѣ-жъ прокъ? Провѣримъ безъ пристрастья
Нашъ человѣческій итогъ:

Не таже-ль немощь, тѣжъ несчастья,
Не столько-жъ хлопотъ и тревогъ?

Какъ свѣточъ твой намъ ни сіяетъ,
Какъ ты ни ускорилъ свой бѣгъ,
Не таже-ль ночь насъ ожидаетъ?
Не тотъ-ли общій всѣмъ ночлегъ?

II.

Нашъ вѣкъ насъ освѣщаетъ газомъ
Такъ, что и въ солнцѣ нужды нѣтъ;
Парáми насъ развозитъ разомъ
Изъ края въ край чрезъ цѣлый свѣтъ.

А телеграфъ, всемірный сплетникъ,
И лжи и правды проводникъ,
Совѣтникъ, чаще злой навѣтникъ,
Далъ новый складъ намъ и языкъ.

Смышленъ, хитеръ ты, вѣкъ; безспорно,
Никто изъ братіи твоей,
Какъ ты, не рыскалъ такъ проворно,
Не зажигалъ такихъ огней.

Что-жъ проку? Свесть ли безъ пристрастья
Нашъ человѣческій итогъ?
Не тѣже-ль немощи, несчастья
И дрязги суетныхъ тревогъ?

Хотя отъ одного порока
Ты могъ ли насъ уврачевать —
Отъ злыхъ страстей, отъ ихъ потока
Насъ въ пристань вѣрную загнать?

Не съ каждымъ днемъ ли злость затѣйнѣй,
И кровь не льется-ль на авось,
Въ Америкѣ, да и въ Гольштейнѣ
Гдѣ прежде пиво лишь лилось?

Болѣзни сдѣлались ли рѣже?
Нѣтъ, рѣдко кто совсѣмъ здоровъ,
По прежнему—болѣзни тѣже,
А только больше докторовъ.

И перестали-ль въ вѣкъ нашъ новый,
Хотя и онъ довольно старъ,
Другъ другу люди строить ковы,
Чтобы вѣрнѣй нанесть ударъ?

И люди могутъ ли надежно
Своимъ день завтрашній считать?
Отъ правды отличать что́ ложно
И зломъ добра не отравлять?

А уголовныя палаты
Вложить въ ножны закона мечъ?
Отъ нотъ и грамотъ дипломаты
Чернилъ хоть капельку сберечь?

Нѣтъ! Такъ же часты приговоры,
Депешамъ также счета нѣтъ:
И все же не уймутся воры,
И мира не дождется свѣтъ.

Какъ ты молвой ни возвеличенъ,
Блестящій и крылатый вѣкъ,
Все такъ же слабъ и ограниченъ
Тобой вскормленный человѣкъ.

Уйми свое высокомѣрье,
Не будь себѣ самъ врагъ и льстецъ:
Надменность—тоже суевѣрье,
А ты—скептическій мудрецъ.

Какъ свѣточъ твой намъ ни сіяетъ,
Какъ ты ни ускоряй свой бѣгъ,
Все таже ночь насъ окружаетъ,
Все тотъ же темный ждетъ ночлегъ.

CCCLX.

НАТАЛИИ НИКОЛАЕВНѢ ПУШКИНОЙ.

На память обо мнѣ, когда меня не будетъ,
Впишите въ книгу: *здѣсь* онъ былъ мнѣ вѣрный другъ,
И *тамъ* меня въ своихъ молитвахъ не забудетъ
И *тамъ* онъ будетъ мой.

А вы, когда досугъ
Украдкой дастъ вамъ часъ, чтобы побыть съ собою,
На эти бѣлые и свѣжіе листы
Переносите вы свободною рукою
Дневную исповѣдь, замѣтки и мечты,
Свои невольныя и вольныя ошибки,
Надежды, ихъ обманъ, и слезы, и улыбки
И вспышки тайныя сердечнаго огня,
Отъ коихъ нехотя вдругъ щечки покраснѣютъ;
Записывайте здѣсь живую повѣсть дня,
И все, что́ скажутъ вамъ, и то чего не смѣютъ
Словами вымолвить, но взоръ договоритъ,
И все, что̀ въ васъ самихъ таинственно молчитъ.
Но будьте искренны,—насъ искренность спасаетъ.—
Да не лукавитъ въ васъ ни чувство, ни языкъ,
И васъ заранѣе прощеньемъ разрѣшаетъ
Вашъ богомолъ и духовникъ.

1842 г.

CCCLXI.

С Ю Д А.

Туда! туда! куда-жъ туда?
Тамъ! тамъ! гдѣ-жъ тамъ? — Извѣстно Богу!
Такъ сквозь житейскую тревогу
Бѣжимъ невѣдомо куда,
Пока перебѣжавъ дорогу
Намъ смерть не закричитъ: сюда!

CCCLXII.

Л И С Т У.

Когда въ груди твоей — созвучій
Забьетъ таинственный родникъ
И на чело твое изъ тучи
Снисходитъ огненный языкъ;

Когда, исполнясь вдохновенья,
Поэтъ и выспренній посолъ!
Тѣснишь души своей видѣнья
Ты въ гармоническій глаголъ:

Молніеносными перстами
Ты отверзаешь новый міръ
И громозвучными волнами
Кипитъ, какъ море, твой клавиръ;

И въ этихъ звукахъ скоротечныхъ,
На землю брошенныхъ тобой,
Души безсмертной, таинствъ вѣчныхъ
Есть отголосокъ неземной.

CCCLXIII.

КНЯЗЮ ВЛАДИМІРУ ИВАНОВИЧУ БАРЯТИНСКОМУ.

(При отъѣздѣ его на Кавказъ).

Насталъ печальный часъ разлуки!
Прощальный кубокъ сей прими
И, молча, дружескія руки
Рукою дружеской сожми.

А теперь вина!
Наливай полнѣй,
Выпивай дружнѣй,
Выпивай до дна!

Въ краю далекомъ, гдѣ такъ грозно
Кипитъ неугасимый бой,
Съ друзьями ты не будешь розно,
Покуда кубокъ нашъ съ тобой.

Кубокъ ты нальешь,
Помянувъ друзей
И виномъ скорѣй
Тяжкій вздохъ запьешь!

И тамъ, гдѣ скрытый врагъ и явный
Свою добычу сторожитъ,

Да будетъ кубокъ сей заздравный
Хранитель твой и вѣрный щитъ!

Дайте же вина!
Жаждой пышетъ грудь!
На счасливый путь
Выпьемъ всѣ до дна!

Пускай стрѣла иль пуля свиснетъ —
Тебя отъ пуль и вражьихъ стрѣлъ
Живымъ виномъ нашъ кубокъ вспрыснетъ —
И будешь невредимъ и цѣлъ!

А теперь вина!
Наливай полнѣй,
Выпивай дружнѣй
Выпивай до дна!

1844 г.

CCCLXIV.

НОЧЬ.

Купаясь въ синевѣ эѳира,
Какъ островъ плаваетъ луна
И въ ложѣ влажнаго сафира
Свѣжо рисуется она.

Не нагляжусь, не налюбуюсь
На прелесть моря и небесъ,
И въ тихой нѣгѣ повинуюсь
Призванью таинствъ и чудесъ.

CCCLXV.

СЪ РАЗДУМІЕМЪ СМОТРЮ.

На книгу съ бѣлыми листами
Всегда съ раздумiемъ смотрю:
То будущій ихъ смыслъ пытливыми мечтами
Допрашивать хочу и голосъ имъ дарю;
То грусть меня беретъ при мысли, что нахально
Перо—ихъ чистое зерцало затемнитъ,
Что скорбь прольетъ на нихъ слезу свою печально,
Что ложь ихъ приторной улыбкой заклеймитъ.

CCCLXVI.

А. О. СМИРНОВОЙ.

Что дѣлаетъ вашъ скучный кашель?
Его я на душѣ ношу,
И какъ у сердца ни спрошу:
О чемъ грустишь ты? Не о Сашѣ-ль?
Оно въ отвѣтъ мнѣ: точно такъ!
И зарыдаешь какъ дуракъ.

CCCLXVII.

НОЧЬ ВЪ РЕВЕЛѢ.

(Посвящается Княгинѣ Е. Н. Мещерской).

1.

Что ты въ радости-ль, во гнѣвѣ-ль,
Море шумное бурлишь
И, какъ тигръ, на старый Ревель
Волны скалишь—и рычишь?

Разыгрался звѣрь косматой,
Страшно на дыбы прыгнулъ,
Хлещетъ гривою мохнатой,
Ноздри влажныя раздулъ.

Что за грозная картина,
Что за прелесть, что за страхъ!
Взвыла дикая пучина,
Вздрогнувъ въ темныхъ глубинахъ.

2.

Что-жъ ты, море, такъ бушуешь,
Словно шабашъ вѣдьмъ ночныхъ?

Про кого ты тамъ колдуешь,
Ночью, въ чанѣ волнъ сѣдыхъ?

Про того ли про Кащея,
Что не принятый землёй,
Ждетъ могилы, сиротѣя,
Не мертвецъ и не живой?

Дней Петровыхъ современникъ,
Взяли въ плѣнъ его враги,
И по смерти все онъ плѣнникъ
За грѣхи и за долги.

Ты повѣдай: скоро-ль сброситъ
Онъ курчавый свой парикъ
И земную цѣпь износитъ
Успокоенный старикъ?

Валъ за валомъ ты торопишь,
Стонъ за стономъ издаешь,
Но о чемъ, и что́ ты вопишь,—
Ужь никакъ не разберешь.

Молча, думою прилежной
Каждый звукъ я твой ловлю
И тоски твоей мятежной
Я безсонницу дѣлю.

Въ этихъ воплях и заклятьяхъ
Есть таинственный языкъ;
Но, въ земныхъ своихъ понятьяхъ,
Кто изъ смертныхъ ихъ проникъ?

3.

Иль съ Бригитой и Олаемъ
Ты, мѣшая быль и ложь,

Неумолчнымъ краснобаемъ
Рѣчи странныя ведешь?

Про загадки, про затѣи,
Битвы, игры и пиры,
Богатырской эпопеи
Поэтической поры;

Про былыя непогоды,
Про наѣзды, про разбой,
Про столѣтья, про народы,
Пережитые тобой.

Да, на радость и на горе,
На людскія суеты,
Заколдованное море,
Вдоволь наглядѣлось ты.

Много сонмищъ пировало
За трапезою твоей,
Много ядеръ прожужжало
По стеклу твоихъ зыбей;

Много труповъ, много злата,
Много бѣдствій и добра
Затопила безъ возврата
Равнодушныхъ волнъ игра.

4.

Да и ты, теперь опальный,
А когда-то боевой,
Ревель, рыцарь феодальный
Подъ заржавѣвшей броней,

Ты у моря тихо дремлешь
Подъ напѣвами волны,

Но сквозь сонъ еще ты внемлешь
Гулъ геройской старины.

Ты не праздно вѣкъ свой прожилъ
И въ рукѣ держалъ булатъ;
То сосѣдовъ ты тревожилъ,
То сосѣдями былъ сжатъ.

Много бурь и много славы
Пало на главу твою:
О тебѣ не разъ державы
Перевѣдались въ бою.

Смѣлый Карлъ и Петръ могучій,
Разгорѣвшися враждой,
Какъ двѣ огненныя тучи,
Разразились надъ тобой.

Я люблю твоихъ обломковъ
Окровавленную пыль:
Въ нихъ хранится для потомковъ
Благородныхъ предковъ быль.

Эти язвы и сѣдины—
Украшенье городовъ:
Въ нихъ минувшаго помины,
Въ нихъ помазанье вѣковъ.

Ревель Датскій, Ревель Шведскій,
Ревель Русскій!—Тотъ-же ты!
И Олай твой молодецкій
Гордо смотритъ съ высоты.

1845 г.

CCCLXV II.

РАЗДУМЬЕ.

Ужь не за мной-ли дѣло стало?
Не мнѣ-ль пробьетъ отбой и съ жизненной бразды
Не мнѣ-ль придется снесть шалашъ мой и орало
И хладнымъ сномъ заснуть до утренней звѣзды?

Пока живется намъ, все мнимъ: еще когда-то
Намъ отмежуетъ смерть урочный нашъ рубежъ?
Пусть смерть разитъ другихъ, но наше мѣсто свято,
Но жизни нашей цвѣтъ еще богатъ и свѣжъ.

За чуднымъ призракомъ, который все насъ манитъ
И многое еще сулитъ намъ впереди
Бѣжимъ мы—и глаза надежда намъ туманитъ
И ненасытный пылъ горитъ у насъ въ груди.

Но вотъ ударитъ часъ, часъ страшный пробужденья;
Прозрѣвшіе глаза лучъ истины язвитъ,
И призракъ—гдѣ-жъ его и блескъ, и обольщенья?
Онъ, вдругъ окостенѣвъ, какъ вкопаный, стоитъ.

Съ закрытаго лица подъемлетъ онъ забрало—
И видимъ мы не жизнь, а смерть передъ собой!
Ужъ не за мной ли дѣло стало?
Теперь не мнѣ-ль пробьетъ отбой?

CCCLXIX.

П. Ѳ. ПЕРФИЛЬЕВОЙ, РОЖДЕННОЙ ГРАФИНИ ТОЛСТОЙ.

Жизнь наша: повѣсть иль романъ.
Онъ пишется слѣпой судьбою
По фельетонному покрою,
И плана нѣтъ, и есть-ли планъ?
Не спрашивай: урокъ назначенъ,
Концы съ концами должно свесть
И до конца романъ прочесть,
Будь онъ хорошъ иль неудаченъ.
Иной романъ, иная быль,
Такой сумбуръ, такая гиль,
Что не доищешься въ немъ смысла:
Все пошло, криво, безъ души,
Страницы, дни, пустыя числа
И подъ итогомъ нуль пиши.
Но есть въ романахъ исключенья,
И въ жизни не въ примѣръ другимъ,
Встрѣчаемъ стройныя явленья
И сердцемъ предаешься имъ.
Слѣдишь за героиней милой,
Ея и радость и печаль,
Таинственныхъ сочувствій силой,

Въ себѣ пріемлешь; и едва-ль
Не такъ съ ней свыкнешься душою,
Въ нее переродишься ты,
Что жизнью съ ней живешь одною,
Обманомъ творческой мечты.
Дитя! Ты на мірской полянѣ
Чуть распустившійся цвѣтокъ!
Въ твоей и жизни и романѣ
Еще немного дней и строкъ;
Но я съ участьемъ и любовью
На эти первенцы гляжу
И радостно по предисловью
О томъ, что̀ будетъ впредь сужу.
Предчувствіе—вторая совѣсть
Того, что̀ въ будущемъ насъ ждетъ:
Твою угадывая повѣсть,
Оно мнѣ въ ней даетъ отчетъ.
Не знать ей ужасовъ тревожныхъ,
Борьбы событій и страстей,
Ни приключеній многосложныхъ
Ни драматическихъ затѣй.
Но разовьетъ она свободно
Рядъ свѣтлыхъ, безмятежныхъ сценъ,
Какія намъ, съ природой сходно,
Оставилъ Августъ Лафонтенъ.
Любуясь небосклономъ яснымъ
Роднаго сердцу рубежа,
Она пойдетъ путемъ прекраснымъ,
Простосердечна и свѣжа,
И радостью благоухая,
Свой тайный міръ создастъ въ тиши,
Въ зерцалѣ ясномъ отражая
Безоблачность твоей души.

CCCLXX.

Наши дачи хороши,
Живописныя созданья;
Одного въ нихъ нѣтъ: души,
Жизни тепла́го дыханья.

Жизнью блещетъ, а мертво,
Всюду трудъ, а не свобода,
Все работа, мастерство,
Рукодѣльная природа.

Что то будто лѣсъ кругомъ,
Что то въ родѣ солнца, что то
Смотритъ пестрымъ цвѣтникомъ,
А на дѣлѣ все болото.

Загляденье близь и даль,
Все Рюйсдалева картина!
Но Рюйсдаль, хоть и Рюйсдаль,
Не природа, а холстина.

Декорація для глазъ,
Обольщенныхъ чувствъ приманка:
Что лицемъ, то на показъ,
Но за то, что за изнанка!

Свѣтелъ день; но подождемъ,
Богъ пока даетъ намъ вёдро,
Что то будетъ подъ дождемъ,
Какъ польются съ неба ведра?

Все обхватитъ влажный мракъ,
Полиняетъ и промокнетъ,
Пропадетъ наружный лакъ,
Яркихъ красокъ блескъ поблекнетъ.

Какъ ни грустно, какъ ни жаль,
Брось ландшафтъ хоть изъ окошка,
И хваленый твой Рюйсдаль
Просто мокрая тряпица.

CCCLXXI.

Даромъ что изъ хладныхъ нѣдръ
Словно грибъ возникъ Петрополь,
Здѣсь съ востока тучный кедръ
И съ полудня стройный тополь.

CCCLXXII.

РИМЪ.

Римъ! всемогущее, таинственное слово!
И вѣковѣчно ты, и завсегда ты ново!
Уже во тьмѣ временъ, почившихъ мертвымъ сномъ,
Звучало славой ты на языкѣ земномъ.
Народы отъ тебя, волнуясь, трепетали,
Тобой исписаны всемірныя скрижали:
И человѣчества слѣдъ каждый, каждый шагъ
Стезей трудовъ и жертвъ, и опытовъ, и благъ,
И доблесть каждую, и каждое стремленье
Мысль свѣтлую облечь въ высокое служенье,
Все что́ есть жизнь ума, все что души есть страсть,
Искусство, мужество, побѣду, славу, власть,—
Все выражало ты живымъ своимъ глаголомъ
И было ты всего великаго символомъ.
Міръ древній и его младая красота
И возмужавшій міръ подъ знаменемъ Креста,
Съ красою строгою и нравственнымъ порядкомъ,
Не на тебѣ ль слились нетлѣннымъ отпечаткомъ?
Державства твоего свершились времена:
Другія за тобой слова и имена,
Мірскаго промысла орудья и загадки,
И волновали міръ, и міръ волнуютъ шаткій;

Ужь не таишь въ себѣ, какъ въ урнѣ роковой,
Ты жребіевъ земли, покорной предъ тобой,
И человѣчеству, въ его стремленьи новомъ,
Звучишь преданьемъ ты, а не насущнымъ словомъ.
Въ тѣни полузакрытъ всемірный великанъ:
И форумъ твой замолкъ, и дремлетъ Ватиканъ.
Но избраннымъ душамъ, поэзіей обильнымъ,
И нынѣ ты еще взываешь гласомъ сильнымъ.
Нельзя — хоть между словъ тебя упомянуть,
Хоть мыслью по тебѣ разсѣянно скользнуть,
Чтобъ думой скорбною, высокой и спокойной
Не обняло души, понять тебя достойной.

CCCLXXIII.

УТѢШЕНІЕ.

Предъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ!
И кто же не грѣшенъ предъ Нимъ?
Но тѣмъ я хоть мало утѣшенъ,
Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ;

Что слезы мнѣ всѣ симпатичны,
Что съ плачущимъ плачу и я,
Что въ сердцѣ есть отзывъ привычный
На каждую скорбь бытія;

Что духъ мой окрѣпъ подъ ненастьемъ,
Что въ язвахъ созрѣла душа,
Что жизнь мнѣ не блескомъ и счастьемъ,
А тайной тоской хороша;

Что въ міръ и его обаянья
Недолго вдаваться я могъ,
Но всѣ его понялъ страданья
И чувство для нихъ уберегъ;

Что тайная есть мнѣ отрада
Внезапно войдти въ Божій домъ

И тамъ, гдѣ мерцаетъ лампада,
Съ молитвой поникнуть челомъ;

Что дня не проходитъ и часу,
Чтобъ внутреннимъ слухомъ не внялъ
Я смерти призывному гласу
И слухъ отъ него уклонялъ;

Что въ самой житейской тревогѣ
Сей голосъ не чуждъ для меня
И мыслью стою при порогѣ
Послѣдняго, страшнаго дня.

CCCLXXIV.

Когда я былъ душою молодъ,
Съ восторгомъ пѣлъ я первый снѣгъ;
Зимы предвѣстникъ, первый холодъ
Мнѣ былъ задаткомъ новыхъ нѣгъ.

Мнѣ нравилась въ тотъ возрастъ жаркій
Зима подъ сребреннымъ вѣнцомъ,
Зима съ своей улыбкой яркой
И ослѣпительнымъ лицомъ.

Въ лѣтахъ и чувствахъ устарѣлый,
Я нынѣ съ тайною тоской
Смотрю, какъ вьется пепелъ бѣлый
Надъ унывающей землей.

Въ картинѣ вянущей природы
Я вижу роковой намекъ,
Какъ увядаютъ дни и годы,
Какъ увядаетъ человѣкъ.

CCCLXXV.

Къ усопшимъ льнетъ, какъ червь, Фиглярин неотвязный.
Въ живыхъ ни одного онъ друга не найдетъ.
За то, когда изъ лицъ почетныхъ кто умретъ,
Клеймитъ онъ прахъ его своею дружбой грязной.
— Такъ что же? Тутъ разсчетъ: онъ съ прибылью двойной.
Презрѣнье отъ живыхъ на мертвыхъ вымещаетъ,
И чтобъ нажить друзей, какъ Чичиковъ другой,
Онъ души мертвыя скупаетъ.

CCCLXXVI.

КРЫЛОВСКАЯ ХАВРОНЬЯ.

Свинья въ театръ когда-то затесалась
И хрюкаетъ себѣ,—кому хвалу,
Кому хулу.
Не за свое взялась, хавронья; ты зазналась.
Театръ не по тебѣ: ты знай свой задній дворъ,
Гдѣ, не жалѣя рыла,
Ты съ наслажденьемъ перерыла
Навозъ и соръ.
Какой ты знаешь толкъ въ искусствѣ, въ пѣснопѣньяхъ?
Ушамъ твоимъ понять ихъ не дано.
Въ твоихъ замѣткахъ и сужденьяхъ
И брань и похвала—все хрюканье одно.
Въ роскошный тотъ цвѣтникъ, гдѣ въ изобильи миломъ
По вкусамъ и глазамъ разбросаны цвѣты,
Незваная, съ своимъ поганымъ рыломъ
Не суйся ты.
И въ розѣ прелесть есть, и прелесть есть въ лилеѣ:
Та яркостью беретъ, а эта чистотой.
Соперницы-ль онѣ? Одна-ль другой милѣе?
Нѣтъ нужды! Радуйтесь и тою и другой.
Но мой совѣтъ цвѣтамъ: гнать отъ себя хавронью
И хрюканьемъ ея себя не обольщать:
Она лишь можетъ ихъ обдать своею вонью
И грязною своей щетиной замарать.

CCCLXXVII.

ВАЖНОЕ ОТКРЫТІЕ.

Я зналъ давно, что подлъ Фигляринъ,
Что онъ Полякъ и Русской сплошь,
Что завтра будетъ онъ Татаринъ
Когда-бъ за то ему дать грошъ;
Я зналъ, что пошлый онъ писатель,
Что усыпляетъ онъ съ двухъ строкъ,
Что онъ доносчикъ и предатель
И мелкотравчатый Видокъ;
Что на всѣ мерзости онъ падокъ,
Что совѣсть въ немъ истертый знакъ,
Что онъ душой и рожей гадокъ;
Но я незналъ, что онъ дуракъ.
Теперь и въ томъ я убѣдился.
Улика важная: Нахалъ,
Спасибо, самъ проговорился
И въ глупости росписку далъ.
Сказалъ я какъ-то мимоходомъ
И развѣ въ бровь, не прямо въ глазъ,
Что между авторскимъ народомъ
Шпіоны завелись у насъ;
Что тамъ, гдѣ имъ измѣнитъ сила
Съ лица на недруга напасть,

Они къ нему подходятъ съ тыла
И за собою тащутъ въ часть;
Что страшенъ ихъ не бой журнальный,
Но что они опасны намъ,
Когда жандармъ, или квартальный
Въ ихъ эпиграммахъ пополамъ.
Ему смолчать бы, какъ смолчали
Другіе, закусивъ языкъ.
Не всѣ-жъ бы тотчасъ угадали,
Кто цѣлью былъ моихъ уликъ.
Но онъ не вытерпѣлъ, *отомстилъ*
И сдуру ясно доказалъ:
Что хоть въ кого бы я ни мѣтилъ,
А прямо въ лобъ ему попалъ.

CCCLXXVIII.

КОМАРЪ И КЛОПЪ.

Комаръ твой не комаръ, а развѣ клопъ вонючій:
Комаръ острякъ, шалунъ и бойкій и лѣтучій,
Воздушная юла, крылатый бѣсъ, пострѣлъ,
Нѣтъ дома, нѣтъ палатъ, куда-бъ онъ не влетѣлъ.
Со всѣми и вездѣ онъ нагло куралеситъ:
И дразнитъ, и язвитъ, и хоть кого такъ взбѣситъ.
А то, что̀ съ нѣжною любовью создалъ ты,
Чтобъ въ чадѣ вылились отцовскія черты,
Сей отпечатокъ твой и вывѣска живая:
Есть злая гадина, безъ крыльевъ и нѣмая;
Ее разводитъ вонь, нечистота и тьма.
Сей дряни входа нѣтъ въ опрятные дома,
А развѣ въ грязную и подлую кануру,
Гдѣ производишь ты свою литтературу.

CCCLXXIX.

Всѣ скорби, всѣ язвы покорно
Я на душу принялъ мою:
О, если-бъ онѣ плодотворно
Удобрили душу мою!

Грозой очищается воздухъ,
Огнемъ укрѣпляется сталь:
Я былъ и подъ бурями рока
И душу прожгла мнѣ печаль.

1846 r.

CCCLXXX.

Что мой свѣтикъ луна,
Что-жь ты все такъ одна,
Одинёшинька?

Подъ парчою, въ вѣнцѣ,
Но съ раздумьемъ въ лицѣ
И блѣднешенька.

Ты невѣстой глядишь,
Но подъ блескомъ таишь
Скорбь завѣтную;
Словно строгій отецъ
Снарядилъ подъ вѣнецъ
Безотвѣтную.

Грустенъ путь предъ тобой,
Путь въ степи голубой
Безъ сердечнаго;
Столько ходишь ты лѣтъ,
А попутчика нѣтъ
И нѣтъ встрѣчнаго!

Мнѣ тебя сердцемъ жаль,
Что зашла въ эту даль,
Свѣтикъ-душечка,

Для сердецъ и для глазъ
Несравненный алмазъ,
Жаръ-игрушечка!

Для чего по пути
Къ намъ тебѣ не сойти
Звѣздной лѣстницей,
Погулять по росѣ,
Показаться въ красѣ
Райской вѣстницей?

Мы-бы горе твое,
Бѣдовое житье
Поразсѣяли;
Мы-бъ тебя всей душой
Съ сладострастной тоской
Прилелѣяли!

Въ нашу зыбь-зеркала
Посмотрись—какъ мила,
Ненаглядная!
Въ темный лѣсъ заверни:
Улыбнется въ тѣни
Мгла прохладная.

Слушай: въ чащѣ вѣтвей:
Молодой соловей
Въ тишь полночную,
Кроткій свѣтъ твой любя,
Все поетъ про тебя
Пѣснь роскошную.

1847 г.

CCCLXXXI.

МОЯ МОЛИТВА.

Г'осподь, ущедри и помилуй:
Не дай мнѣ умереть зимой
И лечь въ холодную могилу
Подъ душной крышей ледяной!

Нельзя помыслить безъ испуга,
Что въ землю будешь ты зарытъ,
Когда морозъ деретъ и вьюга
Печально воетъ и свиститъ;

Когда земля покровомъ снѣжнымъ,
Какъ саваномъ, облачена
И міръ кладбищемъ безнадежнымъ
Глядитъ въ оцѣпенѣньи сна.

И за покойника такъ больно;
Но за родныхъ, но за друзей,
За нимъ идущихъ богомольно,
Еще больнѣй и тяжелѣй.

Нѣтъ, дай мнѣ, милосердый Боже!
Заснуть моимъ послѣднимъ сномъ,
Когда цвѣтетъ земное ложе
И воздухъ растворенъ теплomъ;

Когда, благоуханьемъ полный,
День пышетъ съ голубыхъ небесъ
И солнце льетъ златыя волны
На свѣжій лугъ и темный лѣсъ;

Когда такъ весело и пышно
Земля пируетъ лѣтній пиръ
И чувству видимо и слышно,
Что этотъ міръ—есть Божій міръ;

Когда кипятъ природы силы
Избыткомъ жизни и огня
И улыбаются могилы
Въ сіяньи золотаго дня;

И на кладбищѣ, словно чудомъ
Ожившемъ, радуютъ глаза
И ландышъ, перлъ подъ изумрудомъ,
И незабудка—бирюза;

И на сирени благовонной,
Подъ блескомъ мѣсячныхъ лучей,
Кладбища гость, пѣвецъ безсонной,
Звучитъ и стонетъ соловей.

Въ тѣ дни и смерть насъ не волнуетъ;
Но въ сей верховный, тайный часъ,
Лобзаньемъ братскимъ насъ цѣлуетъ
И только умиряетъ насъ.

Отжившаго земные годы
И утомленного бойца
Ждутъ ласки матери природы
И благость Бога и Отца.

Онъ засыпаетъ въ тихой нѣгѣ
И Ангелъ у его одра:

Такъ въ сумракъ путникъ на ночлегѣ
Сну предается до утра.

И остающимся утрата
Не такъ хладна и тяжела,
Не такъ имъ страшно и за брата,
Котораго земля взяла.

Въ великолѣпномъ этомъ храмѣ
Нерукотворной красоты,
При этомъ свѣжемъ ѳиміамѣ,
Которымъ теплятся цвѣты,

При этомъ небѣ свѣтозарномъ,
При этихъ чудныхъ красотахъ,
Нѣтъ страха въ сердцѣ благодарномъ
И нѣтъ роптанья на устахъ.

Прощаясь съ братомъ, мы пріемлемъ
Свиданья радостный залогъ
И гласу изъ могилы внемлемъ,
Что Богъ живыхъ—и мертвыхъ Богъ.

1848 г.

CCCLXXXII.

СВЯТАЯ РУСЬ.

Когда народнымъ бурямъ внемлю,
И съ тайнымъ трепетомъ гляжу,
Какъ Божій гнѣвъ караетъ землю,
Предавъ народы мятежу;

Когда надменныя ученья,
Плоды лжемудрости и тмы,
Питаютъ ядомъ обольщенья
Самолюбивые умы;

Когда рука слѣпой гордыни,
Не зная граней, ни препонъ,
Срываетъ общества твердыни:
Преданья, правду и законъ;

Когда духъ буйный и тревожный,
Когда разнузданная страсть,

Подъ знаменемъ свободы ложной,
Насилій воцаряютъ власть —

О, какъ въ тѣ дни борьбы мятежной
Еще любовнѣй и сильнѣй
Я припадаю съ лаской нѣжной
На лоно матери моей!

Какъ въ эти дни годины гнѣвной
Ты мнѣ мила, святая Русь!
Молитвой теплой, задушевной
Какъ за тебя въ тѣ дни молюсь!

Какъ дорожу моей любовью,
И тѣмъ, что я твой сынъ родной!
Какъ сознаю душой и кровью,
Что кровь твоя и духъ я твой!

Какъ я люблю твое значенье
Въ земномъ, всемірномъ бытіи,
Твое высокое смиренье
И жертвы чистыя твои,

Твое предъ Промысломъ покорство,
Твое безстрашье предъ врагомъ,
Когда идешь на ратоборство,
Пріосѣнивъ себя крестомъ!

Горжусь вѣнцомъ многодержавнымъ,
Блестящимъ на челѣ твоемъ,
И нѣкогда, не меньше славнымъ,
Твоимъ страдальческимъ вѣнцомъ.

Мнѣ святы всѣ твои скрижали:
Изъ нихъ стереть бы не хотѣлъ
Я ни одной твоей печали,
Ни одного изъ громкихъ дѣлъ.

Мнѣ святы старины могилы,
И дней грядущихъ колыбель,
И наша Церковь—благъ и силы,
И душъ и доблестей купель,

И онъ, Царей Престолъ наслѣдной,
Отъ вражьихъ бурь и отъ крамолъ
Любовью, какъ стѣною мѣдной,
Обезопасенный Престолъ.

Безумствуя вражда слѣпая,
На бой насъ вызвать ли дерзнетъ?
Подымется стѣна живая
И на противниковъ падетъ.

Мнѣ святъ языкъ нашъ величавый:
Столѣтья въ немъ отозвались;
Живая вѣтвь отъ корня славы,
Подъ нею Царства улеглись;

На немъ мы призываемъ Бога;
Имъ братья мы семьи одной,
И у послѣдняго порога
На немъ прощаемся съ землей.

Святая Русь! роднаго слова
Многозначительная рѣчь!

Завѣтъ намъ Божьяго покрова,
И кликъ нашъ средь бурныхъ сѣчъ!

Изъ словъ земныхъ живѣй и чаще
Звучишь ты сердцу и уму;
Всѣхъ пѣсней ласковѣй и слаще
Поешь ты слуху моему.

Святая Русь! въ самомъ значеньи
Ей Промыслъ путь предуказалъ:
Недаромъ при ея крещеньи
Онъ ей то имя даровалъ.

Намъ явны изъ Его глагола
Ея призванье и судьба:
„За Божій домъ, за честь Престола,
За правду жертвы и борьба,

„Безукоризненная клятва,
И попеченьемъ чистыхъ рукъ
О Богѣ зрѣющая жатва
Добра, успѣховъ и наукъ,

„Почетъ и власть въ земныхъ державахъ,
Духъ братства, мира и любви,
И простота въ народныхъ нравахъ,
И пламень мужества въ крови!“

Тутъ все: нашъ подвигъ, наши блага,
Что̀ намъ дано, чѣмъ быть должны,
И доблестнымъ отцамъ присяга,
Что не измѣнятъ имъ сыны.

О, дорожи своимъ залогомъ!
Блюди тобой избранный путь,
И предъ людьми и передъ Богомъ,
Святая Русь, — святою будь!

О, будь всегда, какъ и донынѣ,
Ковчегомъ нашимъ подъ грозой,
И сердцу Русскому святыней,
И нашей силой предъ враждой!

CCCLXXXIII.

ВОЛШЕБНАЯ ОБИТЕЛЬ.

Когда бы не былъ я—за выслугою лѣтъ
Въ безсрочномъ отпуску затерянный поэтъ,
Когда во мнѣ еще не выдохлась бы сила
Вливать огонь и жизнь въ холодныя чернила,—
О, какъ бы радостно затрепеталъ мой стихъ,
О, какъ бы я легко въ избыткѣ чувствъ моихъ
Воспѣлъ, откинувъ лесть и вымыселъ хвалебной,
Хозяйку милую обители волшебной,
Гдѣ царствуетъ она безъ пышной суеты
Единой прелестью ума и красоты!
Въ тѣ дни, какъ было бъ мнѣ легко—рукой свободной
Въ картинѣ пламенной и съ подлинникомъ сходной,
Какъ въ зеркалѣ живомъ, изобразить ее
И въ сельской тишинѣ ея житье-бытье.
Представить, какъ она въ саду, богатомъ тѣнью,
Внимая здѣсь и тамъ журчащихъ водъ паденью,
Въ нарядѣ утреннемъ воздушна и свѣтла,
Красивой ножкою, что кончикомъ крыла,
Чуть вѣетъ по цвѣтамъ и изумрудной ткани,
И свѣжій нектаръ пьетъ живыхъ благоуханій.
Все жизнь и радость въ ней! и мыслью, и душой,
И ясною своей цвѣтущей красотой

Она сливается сочувствій тайной силой
Съ природой, какъ она, цвѣтущею и милой.
Вхожу въ святилище. Здѣсь тихнетъ внѣшній шумъ:
Здѣсь мыслящій досугъ, здѣсь чувство, вкусъ и умъ
Въ роскошной простотѣ, при помощи взаимной,
Устроили себѣ пріютъ гостепріимной.
Свободно льется здѣсь радушный разговоръ:
Не попадешь въ бѣду, когда и скажешь вздоръ.
Здѣсь слушаетъ она Фонъ-Визина разсказы;
Ей *Стародумъ* его и *Ванька пучеглазый*
Не дики. Прихоти заемной новизны
Не заглушили въ ней народныхъ думъ струны,
И острый умъ ея, нечопорный и чуткій,
Сочувствовать готовъ замашкѣ Русской шутки.
Родной поэзіи ей милы имена:
Татьяной Лариной любуется она;
Жуковскаго, еще младенцу въ колыбели,
Ей пѣсни на душу волшебный сонъ напѣли—
И сонъ сей на яву, сонъ чудной красоты,
И жизнь въ ней расцвѣла всей прелестью мечты.
Вотъ вечеръ наступилъ, роскошный вечеръ Мая;
Конями рѣзвыми искусно управляя,
Летитъ она стрѣлой чрезъ поле и лѣса,
И къ ней ласкаются земля и небеса:
То мѣсяцъ молодой къ добру ей свѣтитъ справа;
То голубой заливъ, то темная дубрава
Привѣтствуютъ ее прохладою своей
И пѣснью звучныхъ волнъ, и шопотомъ вѣтвей.
Но можно ли въ словахъ холодныхъ и несвязныхъ
Всю прелесть уловить красотъ разнообразныхъ,
Которыми глаза и умъ упоены?
Какъ уловить перомъ всѣ радужные сны,
Приснившіеся мнѣ въ очарованьи сладкомъ?
Въ душѣ живетъ ихъ слѣдъ горячимъ отпечаткомъ;
Къ прекрасному любовь въ душѣ еще жива,
Но измѣняютъ мнѣ безсильныя слова.

Такъ упраздненный жрецъ въ день праздничный, средь храма,
Слабѣющей рукой не жжетъ ужь ѳиміама
Предъ свѣтлымъ образомъ богини красоты;
Не онъ приноситъ въ даръ ей свѣжіе цвѣты;
При жертвенныхъ огняхъ, въ благоуханьи дымномъ,
Не онъ привѣтствуетъ богиню звучнымъ гимномъ:
Другимъ, счастливѣйшимъ онъ уступаетъ честь
Ей дань угодную и гласную принесть.
И самъ, таясь въ тѣни, поклонникомъ смиреннымъ
Онъ вторитъ про себя моленьямъ вдохновеннымъ
И пѣснью внутренней, и жертвою нѣмой
Возноситъ душу онъ къ богинѣ молодой.

CCCLXXXIV.

ТРОПИНКА.

Когда разсѣянно брожу безъ цѣли,
Куда глаза глядятъ и не глядятъ,
И растилаются передо мной
На всѣ четыре стороны свободно:
Просторъ и даль и небосклонъ широкой,—
Какъ я люблю нечаянно набресть
На скрытую и узкую тропинку,
Пробитую средь жатвы колосистой!
Кругомъ меня волнами золотыми
Колышется колосьевъ зыбкихъ море
И свѣжею головкой васильки
Мнѣ свѣтятся въ его глубокомъ лонѣ,
Какъ яхонтомъ блистающія звѣзды.
Картиной миловидною любуясь,
Я въ тихое унынье погружаюсь
И на меня таинственно повѣетъ
Какой-то запахъ милой старины;
Подъятые невѣдомою силой
Съ глубокаго, таинственнаго дна,
Въ душѣ моей воспоминанья волны
Потокомъ свѣжимъ блещутъ и бѣгутъ;
И проблески минувшихъ свѣтлыхъ дней

По лону памяти моей уснувшей
Скользятъ — и въ ней видѣнья пробуждаютъ.
Такъ въ глубинѣ небесъ, порою лѣтней,
Когда потухнетъ ярко-знойный день,
Средь тьмы ночной зарница затрепещетъ
И вздрогнетъ тьма обрызганная блескомъ.
Таинственно во мнѣ и предо мной
Минувшее слилося съ настоящимъ:
И вижу ли, иль только вспоминаю,
И чувствомъ-ли, иль памятью живу,
Въ моемъ нѣмомъ и сладкомъ обаяньи
Отчета дать себѣ я не могу.
Мнѣ кажется, что по тропинкѣ этой
Не въ первый разъ брожу, что я когда-то
Игралъ на ней младенцемъ беззаботнымъ,
Что юношей, тревогъ сердечныхъ полнымъ,
Влачилъ по ней тоскующія думы,
Незрѣлыя и темныя желанья,
И радости, и слезы и мечты.
Передо мной не таже-ль жатва зрѣла?
Не также-ли волнами золотыми
Она кругомъ, какъ море, трепетала,
И яхонтомъ блистающіи звѣзды
Не тѣже-ли свѣтлѣли мнѣ цвѣты?
О, какъ любовь твоя неистощима,
Какъ неизмѣнно свѣжи, вѣчно новы
Дары твои, всещедрая природа!
Въ ихъ роскоши, въ ихъ нѣгѣ, въ изобильи
Нѣтъ бѣдственной отравы пресыщенья,
И на одномъ твоемъ цвѣтущемъ лонѣ
Не старится и чувствомъ не хладѣетъ
Съ днемъ каждымъ увядающій печально
Къ утратамъ присужденный человѣкъ.
Едва къ тебѣ съ любовью прикоснешься,
И свѣжесть первобытныхъ впечатлѣній
По чувствамъ очерствѣвшимъ разольется.

И мягкостью и теплотою прежней
Разнѣжится унылая душа.
Сердечныя преданья въ насъ не гаснутъ:
Какъ на небѣ примѣтно иль незримо
Неугасимою красою звѣзды
Равно горятъ и въ ведро и въ ненастье,
Такъ и въ душѣ преданья въ насъ не гаснутъ;
Но облака житейскихъ непогодъ
Отъ нашихъ чувствъ ихъ застилаютъ мракомъ,
И только въ ясныя минуты жизни,
Когда свѣтло и тихо на душѣ,
Знакомыя и милыя видѣнья
На днѣ ея отыскиваемъ мы.
И предо мной разодралась завѣса,
Скрывавшая минувшаго картину;
И все во мнѣ воскресло вмѣстѣ съ нею:
И все внезапно въ жизни и въ трудѣ
Знакомое значенье обрѣло.
И свѣтлый день, купающійся мирно
Въ прозрачной влагѣ воздуха и неба,
И съ тѣсною своей тропинкой жатва,
И въ сторонѣ младой сосновой рощей
Увѣнчаный пригорокъ—есть на все
Въ душѣ моей сочувствіе и отзывъ;
И радостно, въ избыткѣ чувствъ и жизни,
Я упиваюсь воздухомъ и солнцемъ,
И съ жадностью младенческой кидаюсь
На яркіе и пестрые цвѣты.
Но этими цвѣтами, какъ бывало,
Не стану я ужъ нынѣ украшать
Алтарь моихъ сердечныхъ поклоненій,
Изъ нихъ вѣнки не совлету кумирамъ
Моей мечты слѣпой и суевѣрной,
Не обовью роскошнымъ ихъ уборомъ
Веселой чаши дружескаго пира:
Мои пиры давно осиротѣли,

И недопитые бокалы грустно
Стоятъ и ждутъ гостей ужь безвозвратныхъ.
Нѣтъ, нынѣ я съ смиреннымъ умиленьемъ
Васъ принесу, любимые цвѣты,
На тихія могилы милыхъ ближнихъ,
Васъ посвящу съ признательною думой
Минувшему и памяти о немъ.
Вотъ рѣдкія и тайныя минуты,
Когда свѣтло и тихо на душѣ,
И милыя, желанныя видѣнья
Изъ сумраковъ вечернихъ возстаютъ.

CCCLXXXV.

СУМЕРКИ.

„Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?“
Державинъ.

Когда блѣднѣетъ день и сумракъ задымится,
И молча на поля за тѣнью тѣнь ложится,
Въ послѣднемъ заревѣ сгарающаго дня
Есть сладость тайная и прелесть для меня.
Люблю тогда одинъ, безъ цѣли, тихимъ шагомъ,
Бродить иль по полю, иль въ рощѣ за оврагомъ.
Кругомъ утихли жизнь и бой дневныхъ работъ;
Заботливому дню на смѣну ночь идетъ,
И словно къ таинству природа приступила,
И ждетъ, чтобы небесъ зажглись паникадила.
Брожу задумчиво, и съ сумракомъ полей
Сольются сумерки нѣмой мечты моей.
И только изрѣдка звукъ дальній, образъ смутный
По сонному уму прорѣжетъ слѣдъ минутный,
И міръ дѣйствительный напомнитъ мнѣ слегка.
Чу! пѣсня звонкая лихаго ямщика
Съ дороги столбовой несется. Парень бойкой
Поетъ и правитъ онъ своей задорной тройкой.
Вотъ тусклый огонекъ изъ-за окна мелькнулъ,
Тутъ голосовъ людскихъ прошелъ невнятный гулъ,

Тамъ жалобно завылъ собаки лай пестройной --
И все опять замретъ въ околицѣ спокойной.
А тутъ нежданный стихъ, невѣдомо съ чего,
На умъ мой налетитъ и вцѣпится въ него;
И слово къ слову льнетъ, и звукъ созвучья ищетъ,
И лѣшій звонкихъ рѣомъ юлитъ, поетъ и свищетъ.

CCCLXXXVI.

З И М А.

Въ дни лѣта природа роскошно,
Какъ дѣва младая, цвѣтетъ,
И радостно денно и нощно
Ликуетъ, пируетъ, поетъ.

Красуясь въ нарядѣ богатомъ,
Природа царицей глядитъ,
Сафиромъ, пурпуромъ и златомъ
Облитая, чудно горитъ.

И пышныя кудри и косы
Скользятъ съ-подъ златаго вѣнца,
И утромъ и вечеромъ росы
Лелѣютъ румянецъ лица.

И полныя плечи и груди —
Все въ ней красота и любовь;
И ею любуются люди,
И жарче струится въ нихъ кровь.

Съ приманки влечетъ на приманку!
Приманка приманки милѣй!

И день съ ней восторгъ спозаранку,
И ночь упоительна съ ней!

Но поздняя осень настанетъ:
Природа состарится вдругъ;
Съ днемъ каждымъ все вянетъ, все вянетъ,
И ноетъ въ ней тайный недугъ.

Морщина морщину пригонитъ,
Въ глазахъ потухающихъ тьма,
Ко сну горемычную клонитъ,
И вотъ къ ней приходитъ зима.

Изъ снѣжно-лебяжьяго пуха
Спѣшитъ пуховикъ ей послать,
И тихо уложитъ старуху,
И скажетъ ей: спи, наша мать!

И спитъ она дни и недѣли,
И полгода спитъ на пролетъ,
И сосны надъ нею и ели
Раскинули темный наметъ.

И вьюга ночная тоскуетъ
И воетъ надъ снѣжнымъ одромъ,
И мѣсяцъ морозный цѣлуетъ
Старушку убитую сномъ.

1849 г.

CCCLXXXVII.

ПѢСНЬ НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Въ этотъ день далъ Богъ намъ друга—
И намъ праздникъ этотъ день!
Пусть кругомъ снѣга и вьюга
И январьской ночи тѣнь;
Ты, Вьельгорскій, влагой юга
Кубокъ сѣверный напѣнь!
Всѣ мы выпьемъ, всѣ мы вскроемъ
Дно сердецъ и кубковъ дно,
Въ честь того, кого запоемъ
Полюбили мы давно!

Будь нашъ тостъ ему отраденъ
И отъ города Петра
Пусть отгрянетъ въ Баденъ-Баденъ
Наше Русское ура!

Онъ чудесный даръ имѣетъ
Всѣхъ насъ спаивать кругомъ:
Душу онъ душою грѣетъ,
Умъ чаруетъ онъ умомъ
И волшебно слухъ лелѣетъ
Упоительнымъ стихомъ.
И подъ старость духомъ юный,
Онъ все тотъ-же чародѣй!

Сладкой пѣснью дышатъ струны
И душа полна лучей.

Будь нашъ тостъ ему отраденъ
И отъ города Петра
Пусть отгрянетъ въ Баденъ-Баденъ
Наше Русское ура!

Насъ судьбы размежевали,
Брошенъ онъ въ чужой конецъ;
Но насъ чувства съ нимъ связали,
Но онъ сердцемъ намъ близнецъ;
Ни разлуки нѣтъ, ни дали
Для сочувственныхъ сердецъ.
Нѣжной дружбы тайной силой
И судьбѣ на переломъ,
Въ насъ заочно — другъ нашъ милый
И мы жизнью сердца — въ немъ.

Будь нашъ тостъ ему отраденъ
И отъ города Петра
Пусть отгрянетъ въ Баденъ-Баденъ
Наше Русское ура!

Тихо-радостной тоскою
Въ этотъ часъ объятый самъ,
Можетъ статься, онъ мечтою
Къ намъ прильнулъ и внемлетъ намъ,
И улыбкой и слезою
Откликается друзьямъ!
Радость въ немъ съ печалью споритъ,
Онъ и счастливъ и груститъ,
Нашимъ пѣснямъ молча вторитъ
И друзей благодаритъ.

Будь нашъ тостъ ему отраденъ
И отъ города Петра
Пусть отгрянетъ въ Баденъ-Баденъ
Наше Русское ура!

CCCLXXXVIII.

ПРИВѢТСТВІЕ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Не съ нами онъ, другъ милый, но заочной,
Нашъ славный другъ, виновникъ торжества,
Краса и честь поэзіи полночной,
Жрецовъ ея жрецъ старшій и глава!

Когда въ сей день на перепутьи славномъ,
Гдѣ онъ свершилъ полустолѣтній путь,
Хотѣли бъ мы, въ привѣтствіи заздравномъ,
Прижать къ груди сочувственную грудь,

Не съ нами онъ! Съ торжественнымъ обрядомъ
Намъ не вѣнчать достойнаго чела,
Ни рѣчью намъ не выразить, ни взглядомъ
Всего, что въ насъ любовь къ нему зажгла.

Далече онъ! глазамъ искать напрасно!
Но жизнь его, но жизни духъ и трудъ,
Но блескъ ея, но все, чѣмъ тамъ прекрасно
Въ немъ теплится души живой сосудъ,

Но все, чѣмъ онъ отъ Промысла призванье
Передъ лицемъ Россіи оправдалъ,

Все съ нами здѣсь, все наше достоянье—
И жизнь свою онъ съ нашей сочеталъ.

Высокихъ думъ и прелесть и согласность,
Любовь къ добру, смиренье съ правотой,
И тихая, безоблачная ясность
Души его младенчески-простой,

Все намъ слилось въ источникъ благородной
Примѣрныхъ дѣлъ, возвышенныхъ отрадъ,
И высоко стоитъ въ семьѣ народной
Нашъ лучшій другъ и нашъ почетный братъ.

Пѣвецъ царей и рати и народа,
Онъ вѣщій твой, о Русская земля,
Въ святую брань двѣнадцатаго года,
Предъ заревомъ пылавшаго Кремля!

На гулъ грозы откликнувшись душою,
Младой пѣвецъ, отчизны вѣрный сынъ,
Какъ подъ ружьемъ, онъ съ лирой боевою
Стоялъ въ рядахъ Тарутинскихъ дружинъ.

И пѣснь его, пророческое вѣче,
Зажгла восторгъ по радостнымъ полкамъ,
И грянула побѣдъ для нихъ предтечей
И мстительной предвѣстницей врагамъ.

И въ наши дни, когда въ полетѣ новомъ,
На Арарать орелъ нашъ возлетѣлъ,
Пѣвецъ побѣдъ молніеноснымъ словомъ
Царю побѣдъ пѣснь славы прогремѣлъ.

Еще предъ нимъ раскрылся жребій славной:
Святой залогъ пріявъ изъ царскихъ рукъ,
Онъ пробудилъ въ младой семьѣ державной
Благой разсвѣтъ познаній и наукъ.

И подвигомъ предъ совѣстью довольный,
Онъ оправдалъ высокій свой удѣлъ:
Любовь семьи и Первенецъ престольный
Предъ нимъ душой и благостью созрѣлъ.

На свѣтлый трудъ и царскій и сердечной
Онъ призванъ былъ Владыкой и Отцемъ
И не умретъ съ молвою скоротечной
Народное преданіе о немъ.

Такъ жизнь его была добромъ богата
И много намъ еще готовитъ въ даръ;
Вечерній лучъ прекраснаго заката
Хранитъ еще блескъ утренній и жаръ.

Какъ юноша отважный и могучій,
Съ Гомеромъ онъ вступаетъ смѣло въ бой
И древній міръ картинъ и сладкозвучій
Имъ обновленъ младою красотой.

И въ эти дни, когда страстей свирѣпость
Мрачитъ умы и проливаетъ кровь,
Онъ учитъ насъ, что обществъ связь и крѣпость
Есть—Божій страхъ, покорность и любовь.

Храни его, благое Провидѣнье!
Тебѣ о немъ въ насъ молятся сердца:
Съ небесъ Твоихъ пошли благословенье
На долгій вѣкъ супруга и отца!

Душа его по родинѣ тоскуетъ,
А сердце въ немъ за милую болитъ,
Ея недугъ—любовь его волнуетъ
И онъ сквозь слезъ на счастіе глядитъ.

И молимъ мы: да ангелъ исцѣленья
Прольетъ покой въ тоскующую грудь!

И вслѣдъ за нимъ, да ангелъ возвращенья
Подъ кровъ родной ему освѣтитъ путь!

Душою нашъ, нашъ славой и трудами,
Да будетъ онъ и собесѣдникъ нашъ!
И встрѣтимъ мы желаннаго цвѣтами
И пѣснями и возліяньемъ чашъ!

CCCLXXXIX.

СТЕПЬ.

Безконечная Россія
Словно вѣчность на землѣ!
Ѣдешь, ѣдешь, ѣдешь, ѣдешь,
Дни и версты ни по чемъ!
Тонутъ время и пространство
Въ необъятности твоей.

Степь широко на просторѣ
Поперегъ и вдоль лежитъ,
Словно огненное море
Зноемъ пышетъ и палитъ.

Цѣпенѣетъ воздухъ сжатый,
Не пахнетъ на душный день
Съ неба вѣтерокъ крылатый,
Ни прохладной тучки тѣнь.

Небеса какъ куполъ мѣдной,
Раскалились. Степь гола;
Кое-гдѣ предъ хатой бѣдной
Сохнетъ бѣдная ветла.

Съ кровли аистъ долгоногой
Смотритъ, вѣрный домосѣдъ;
Добрый другъ семьи убогой,
Онъ хранитъ ее отъ бѣдъ.

Шагомъ, съ важностью спокойной
Тащутъ тяжести волы;
Пыль мететъ метелью знойной,
Вьюгой огненной золы.

Какъ разбитыя палатки
На распутіи племенъ,—
Вотъ курганы, вотъ загадки
Неразгаданныхъ временъ.

Пусто все, однообразно,
Словно замеръ жизни духъ;
Мысль и чувство дремлютъ праздно,
Голодаютъ взоръ и слухъ.

Грустно! Но ты грусти этой
Не порочь и не злословь:
Отъ нея въ душѣ согрѣтой
Свято теплится любовь.

Степи голыя, нѣмыя,
Все же вамъ и пѣснь, и честь!
Все вы—матушка Россія,
Какова она ни есть!

CCCXC.

СТЕПЬЮ.

Какъ брошенный погостъ, селомъ давно забытый,
Гдѣ стерлись надписи, гдѣ памятники сбиты,
Гдѣ время погребло въ молчаньи вѣковомъ
Былую жизнь, а съ ней и память о быломъ,—
Такъ грустно смотритъ степь кладбищемъ запустѣвшимъ.
Безплодно на нее легла столѣтій пыль
И ни однимъ, до насъ обломкомъ уцѣлѣвшимъ,
Не скажется на ней вѣковъ минувшихъ быль.
А не всегда же сномъ глубокимъ, безпробуднымъ
Спала заглохшая забвеньемъ сторона;
По степи нѣкогда, потокомъ многолюднымъ,
Перебѣгали племена.

Здѣсь удалью, отвагой бойкой
Кипѣла жизнь въ глуши степной,
Не разъ кровавою попойкой
Здѣсь упивался дикій бой.

По степи вздрогнувшей не вьюга
Въ день зимній съ воемъ поднялась:
Двѣ рати вышли другъ на друга
И степь подъ ними затряслась.

Не съ снѣжныхъ тучь валятся хлопья,
А градомъ стрѣлъ слѣпитъ глаза;
Стучатъ булаты, гнутся копья
И все сильнѣй кипитъ гроза.

Ударъ сшибается съ ударомъ,
Волну живую претъ волна,
Дымится степь багровымъ паромъ
И грудой тѣлъ завалена.

Кто побѣдилъ? кто обезсиленъ?
Кого спросить? не скажетъ степь.
Полетъ молвы здѣсь обезкрыленъ
И порвалась преданій цѣпь.

Степей наѣздники и гости
Съ отцами нашими дрались
И безымянныя ихъ кости,
Смѣшавшись, молча улеглись.

Средь дикихъ буйствъ кровопролитья—
И честной славы чистый свѣтъ,
Быть можетъ, озарялъ событья,
Которымъ отголоска нѣтъ.

Въ прахъ обратились битвъ трофеи;
Блескъ доблестей, погасъ и ты!
Быть можетъ, дивной эпопеи
Здѣсь непочатые листы.

Но ни скрижаль, ни пѣснь Баяна
Тѣхъ дней для насъ не сберегла
И безъ вѣсти во мглѣ тумана
Сокрылись лица и дѣла.

Среди глубокаго молчанья,
Помимо тлѣющихъ вѣковъ
Проходитъ путникъ безъ сознанья
По этой почвѣ безъ слѣдовъ.

CCCXCI.

ПОЛТАВА.

Вотъ они--поля Полтавы!
Здѣсь, воспитанный Петромъ,
Обновилъ орелъ двуглавый
Сокрушительный свой громъ.

Здѣсь былъ смѣлый жребій кинутъ,
Здѣсь рѣшенъ вѣковъ вопросъ
И въ составъ Европы вдвинутъ
Новый Сѣверный колоссъ.

Здѣсь разсадникъ Русской славы;
Степь одѣлась въ вертоградъ—
И, добравшись до Полтавы,
Утомленный путникъ радъ.

Былью славной для народа
Городъ, Русскимъ всѣмъ родной!
И преданья, и природа
Облекли его красой.

Опоясанный садами,
Какъ онъ свѣжъ и моложавъ!

Какъ увѣнчанъ онъ цвѣтами
И вѣнкомъ пахучихъ травъ!

Воздухъ сладостно-струистой
Благовоньемъ напоенъ;
Здѣсь съ акаціей душистой
Стройный тополь, темный кленъ

Разрослись красою чудной—
И блестятъ изъ за садовъ,
Какъ изъ рамы изумрудной,
Стѣны бѣлыя домовъ.

Бросивъ посохъ свой дорожной,
Хорошо бы здѣсь въ тѣни
Утишить, тоской тревожной
Волновавшіеся дни;

Отдохнуть хоть на закатѣ
Отъ житейскихъ непогодъ
И развесть при скромной хатѣ
Темный садъ и огородъ.

Но и радость смотритъ горемъ:
И въ Аркадіи моей
Городъ смотритъ грязнымъ моремъ,
Какъ придетъ пора дождей.

Здѣсь стоитъ по цѣлымъ суткамъ
И по мѣсяцамъ вода,
И по улицамъ лишь уткамъ
Безпрепятственна ѣзда.

Такъ! Но трудъ переупрямитъ
Это зло. Колдунъ и вождь,
Онъ и топь *амакадамитъ*
И проучитъ наглый дождь.

Русской удали дорогу
Петръ очистилъ здѣсь штыкомъ
И съ тѣхъ поръ мы, слава Богу,
Кое-какъ себѣ идемъ.

Между тѣмъ, какъ будто Шведы,
Чтобъ воздать Полтавѣ зломъ, --
Мы ее, ковчегъ побѣды,
Потопленью предаемъ.

Братья! не грѣшно ли вчужѣ
Видѣть, Господи спаси!
Какъ барахтается въ лужѣ
Городъ, славный на Руси?

Поспѣшимъ же безъ оглядки!
Ради ближнихъ и добра,
Отъ Тавриды до Камчатки,
Отъ Онеги до Днѣстра,

Отовсюду, гдѣ богато
Слово Русское гремитъ,
Гдѣ о горѣ братьевъ свято
Сердце Русское болитъ,—

Всѣ и каждый, общей силой,
На поминкѣ о Петрѣ,
Всѣ поможемъ нашей милой
Утопающей сестрѣ.

Что же? нѣтъ бѣды въ попыткѣ!
Стихъ мой брошу на авось:
Съ міра просимъ —не по ниткѣ,
А по камешку намъ брось!

Пусть откроется подписка—
И Полтава спасена;
Ей не нужно обелиска,
Мостовая ей нужна!

Приписка 1853 г.

Не напрасно Русь младая,
Крѣпнетъ славой и добромъ,
Исполински выступая
За Царемъ-богатыремъ.

Онъ умѣетъ мысль и дѣло
Подъ одинъ итогъ подвесть,
Съ нимъ задуманное смѣло—
Завтра будь! И завтра есть.

Надъ потокомъ и надъ бездной
Чудо смѣлой красоты,
Здѣсь и тамъ, какъ змій желѣзный
Извиваются мосты.

Блатамъ, тундрамъ и порогамъ
Вѣкъ нашъ знать себя даетъ,
Онъ раскинулъ по дорогамъ
Чудный коврикъ—самолетъ.

Вотъ юнѣетъ съ юнымъ градомъ
Старость матушки Москвы;
Вотъ Иванъ-Великій рядомъ
Съ мѣднымъ всадникомъ Невы.

Любознательно и жадно
Петръ на міръ глядитъ съ небесъ:
Дѣду въ радость, и досадно
Видѣть новый рядъ чудесъ.

За Россію и за Внука
Торжествуетъ радость въ немъ,
Но груститъ онъ, что наука
Опоздала торжествомъ.

Онъ грустилъ, что чуткимъ смысломъ
Власть паровъ онъ не проникъ,
Дымъ пустилъ бы коромысломъ
Сжалъ бы Русь онъ въ паровикъ.

Не скорби, родной державы
Охранительная тѣнь!
Ты зажгла намъ утро славы
И нашъ полдень твой же день.

CCCXCII.

НОЧЬ НА БОСФОРѢ.

На луну не разъ любовался я,
На жемчужный дождь свѣтлыхъ струй ея,
Но другой луны, но другихъ небесъ
Чудный блескъ раскрылъ—новый міръ чудесъ;
Не луну я зналъ—развѣ тѣнь луны,
Красотамъ ночей я не зналъ цѣны.

Я ихъ здѣсь узналъ; здѣсь сказалось мнѣ
Все, что снится намъ въ баснословномъ снѣ;
Смотришь—ночь не ночь, смотришь—день не день;
Голубой зарей блещетъ ночи тѣнь.
Разглядѣть нельзя въ голубой дали:
Гдѣ конецъ небесъ, гдѣ рубежъ земли?

Вспыхнулъ сводъ небесъ подъ огнемъ лампадъ;
Всѣхъ красавицъ звѣздъ не обхватитъ взглядъ
И одна другой веселѣй горитъ,
И на насъ милѣй и нѣжнѣй глядитъ.
Вотъ одна звѣзда изъ среды подругъ
Покатилась къ намъ и погасла вдругъ.

Чешуей огня засверкалъ Босфоръ,
Пробѣжалъ по немъ золотой узоръ.

Средь блестящихъ скалъ великанъ утесъ
Выше всѣхъ чело и свѣтлѣй вознесъ;
Кипарисъ въ тѣни серебромъ расцвѣлъ
И блестятъ верхи минаретныхъ стрѣлъ.

Скорлупой рѣзной чуть струю задѣвъ,
Промелькнулъ каикъ. Перлъ восточныхъ дѣвъ
Невидимкой въ немъ по волнамъ скользитъ;
Съ головы до ногъ тканью станъ обвитъ;
И дремотой чувствъ услаждая лѣнь,
Пронеслась она, какъ нѣмая тѣнь.

Золотые сны, голубые сны
Сходятъ къ намъ съ небесъ на лучахъ луны.
Нѣгой дышетъ ночь! что за роскошь въ ней!
Нѣтъ, нигдѣ такихъ не видать ночей!
И молчитъ она, и поетъ она,
И душѣ одной ночи пѣснь слышна.

CCCXCIII.

15 ІЮЛЯ 1849 г.

(Владимиру Павловичу Титову).

Предъ минаретами Пророка,
Здѣсь, гдѣ объятый цѣпью горъ,
Подъ небомъ голубымъ востока
Свѣтлѣетъ голубой Босфоръ,—
Мы, дѣти Руси православной,
Единодушною семьей
Тебѣ поемъ припѣвъ заздравной,
Нашъ именинникъ дорогой.

Въ дому твоемъ для насъ Россія.
Здѣсь все, чѣмъ намъ она мила:
Креста преданія святыя
И слава Русскаго орла.
И языка родного звуки,
Чтобъ сердцу сердца вѣсть подать,
И Русскія сердца и руки,
Чтобъ брата съ нѣжностью обнять.

CCCXCIV.

БОСФОРЪ.

У меня подъ окномъ, темной ночью и днемъ,
Вѣчно возишься ты, безпокойное море;
Не уляжешься ты и съ собою въ борьбѣ,
Словно тѣсно тебѣ на свободномъ просторѣ.

О, шуми и бушуй, пой и плачь, и тоскуй,
Своенравный сосѣдъ, безумолкное море!
Наглядѣться мнѣ дай, мнѣ наслушаться дай,
Какъ играешь волной, какъ ты мыкаешь горе.

Все въ тебѣ я люблю. Жаднымъ слухомъ ловлю
Твой протяжный распѣвъ, волнъ дробящихся грохотъ
И подводный твой гулъ, и твой плескъ, и твой ревъ,
И твой жалобный стонъ, и твой бѣшеный хохотъ.

Глазъ съ тебя не свожу, за волнами слѣжу;
Тишь лежитъ ли на нихъ, нѣжно вѣетъ ли съ юга,—
Всѣ слились въ бирюзу; но, почуя грозу,
Что съ полночи летитъ,—почернѣютъ съ испуга.

Все сильнѣй ихъ испугъ и запрыгаютъ вдругъ,
Какъ стада дикихъ козъ по горамъ и стремнинамъ;
Вѣтеръ роетъ волну, вѣтеръ мечетъ волну
И бѣснуется онъ по кипящимъ пучинамъ.

Но вотъ буйный уснулъ; волнъ смирился разгулъ,
Только шаткая зыбь все еще бродитъ, бродитъ;
Море вздрогнетъ порой—какъ усталый больной,
Облегчившись отъ мукъ, духъ съ трудомъ переводитъ.

Каждый день, каждый часъ новымъ зрѣлищемъ насъ
Манитъ въ чудную даль голубая равнина:
Тамъ, въ пространствѣ пустомъ, въ углубленьи морскомъ,
Все—приманка глазамъ, каждый образъ—картина.

Паруса распустивъ, какъ легóкъ и красивъ,
Двухъ стихій властелинъ, величавый и гибкой,
Бригъ несется—орломъ средь воздушныхъ равнинъ,
Змій морской—онъ скользитъ по поверхности зыбкой.

Закоптѣвъ неба сводъ, вотъ валитъ пароходъ;
По покорнымъ волнамъ онъ стучитъ и колотитъ;
Огнедышущій китъ, море онъ кипятитъ,
Бой огромныхъ колесъ волны въ брызги молотитъ.

Не подъ тѣнью густой,—надъ прозрачной волной
Собирается птицъ сребропера́я стая;
Все кружатъ на лету; то махнутъ въ высоту,
То, спустившись, нырнутъ, грустный крикъ испуская.

Отъ прилива судовъ со всемірныхъ концовъ,
Площадь моря кипитъ многолюднымъ базаромъ;
Здѣсь и сѣверъ, и югъ, западъ здѣсь и востокъ—
Всѣ приносятъ оброкъ разнородпымъ товаромъ.

Вотъ снуютъ здѣсь и тамъ—противъ волнъ, по волнамъ,
Челноки, какиѝ вереницей проворной;
Лицъ, одеждъ пестрота; всѣхъ отродій цвѣта,
Кожъ людскихъ образцы: бѣлой, смуглой и черной.

Но на лоно земли сонъ и мракъ ужъ сошли;
Только море не спитъ и рыбакъ съ нимъ не праздной:
Тамъ на лодкахъ въ тѣни, загорѣлись огни;
Опоясалась ночь словно нитью злмазной.

Нѣтъ пространству границъ! Мыслью падаешь ницъ—
И мила эта даль и страшна безконечность!
И въ единый символъ, и въ единый глаголъ
Совмѣщаются намъ—скоротечность и вѣчность.

Море, съ перваго дня ты плѣнило меня!
Какъ полюбишь тебя—разлюбить нѣтъ ужь силы;
Опостылитъ земля—и лѣса, и поля,
Прежде милыя намъ, послѣ намъ ужь не милы;

Нужны намъ: звучный плескъ, разноцвѣтный твой блескъ,
Твой прибой и отбой, твой просторъ и свобода;
Ты природы душа! Какъ ни будь хороша,—
Гдѣ нѣтъ жизни твоей—тамъ бездушна природа!

CCCXCV.

ОЧАРОВАНІЕ.

Тамъ, предъ Эюбомъ живописнымъ,
Вѣнчаясь лѣсомъ кипарисным,
Картина чудной красоты
Свои раскинула узоры:
Тдмъ въ нѣгѣ утопаютъ взоры
И сходятъ на душу мечты.
Тамъ, какъ ваянья гробовыя,
Одѣвшись въ бѣлый свой покровъ,
И неподвижно, и безъ словъ
Сидятъ Турчанки молодыя
На камняхъ имъ родныхъ гробовъ.
Волшебный край! Шехеразады
Живая сказочная ночь!
Души дремоты и услады
Тамъ умъ не въ силахъ превозмочь;
Тамъ вѣчно свѣжи сновидѣнья;
Живешь безъ цѣли, наобумъ
И засыпаютъ сномъ забвенья
Дней прежнихъ суетность и шумъ.

CCCXCVI.

17 СЕНТЯБРЯ 1849.

(Княгинѣ Вѣрѣ Аркадьевнѣ Голицыной).

Да здравствуетъ Княгиня Вѣра!
Будь жизнь ей—свѣтлая струя!
Стамбулъ, Буюкдерѐ и Пера
У ногъ ея.
Босфоръ плѣнилъ ее красою
Своихъ картинъ, своихъ зыбей;
Нева съ завистливой тоскою
Груститъ по ней.
Все прелесть въ ней! даровъ природныхъ
Не заглушилъ лукавый свѣтъ
И не завялъ въ ней чувствъ свободныхъ
Душистый цвѣтъ.
Въ ней дѣтскихъ лѣтъ простосердечность
И не по лѣтамъ зрѣлый умъ;
Суетъ ей чужды—скоротечность
И блескъ, и шумъ.
Но что красой она владѣетъ,
Но что мила, но что умна,
О томъ понятья не имѣетъ—
Она одна.

1850 г.

CCCXCVII.

ВЪ ПОХОДЪ!

(Княгинѣ Вѣрѣ Аркадьевнѣ Голицыной).

Побѣдоносная княгиня!
Стамбула, Перы—мало вамъ;
Вамъ нужны горы и пустыня,
Вамъ нужно все прибрать къ рукамъ.

Опасность, даль, труды, преграды
Воспламеняютъ вашу страсть
И непреступныхъ скалъ громады
Должны, какъ мы, предъ вами пасть.

Къ Балканамъ гордымъ васъ уноситъ
Нетерпѣливая мечта,
А лозунгъ вашъ,—когда кто спроситъ:
„Святая Русь и красота!“

Вамъ только показаться стóитъ
И врагъ не побѣжитъ назадъ;
Нѣтъ, Турковъ всѣхъ себѣ присвоитъ
Одинъ вашъ огнѣстрѣльный взглядъ.

Вы амазонкою Славянской
Садитесь храбро на коня
И васъ *Княгиней Забалканской*
Провозглашаетъ пѣснь моя.

CCCXCVIII.

МОЛИТВА.

(Княгинѣ Вѣрѣ Аркадьевнѣ Голицыной).

И каждый день, и каждый часъ,
За вами слѣдуя душою,
Молю съ надеждой и тоскою,
Чтобъ вашъ Хранитель-ангелъ спасъ
Васъ отъ болѣзни и отъ скуки—
Сидѣть и ждать, поджавши руки,
Сегодня, такъ же какъ вчера:
Когда помогутъ доктора?
Молюсь, чтобъ съ свѣтлою весною
Опять Босфорской красотою
Къ здоровью, къ радостямъ земли
Вы благодатно расцвѣли.
Молюсь, чтобъ къ *Золотому рогу*
Вамъ Промыслъ вновь открылъ дорогу,
Чтобъ любоваться вы могли
Небесъ прозрачныхъ яркимъ блескомъ
И улыбающимся днемъ,
Тамъ, гдѣ въ сіяньи голубомъ
Пестрѣютъ чуднымъ арабескомъ
Горъ разноцвѣтныя чалмы,
Султановъ пышныя жилища,
Сады, кіоски и кладбища
И все—чѣмъ любовались мы.

CCCXCIX.

ІЕРУСАЛИМЪ.

Куда ни обращаешь взоры,
Повсюду грустныя мѣста:
Нагая степь, нагія горы
И дикихъ дебрей пустота.

И посреди сей мертвой нивы
И скорбью освященныхъ мѣстъ
Печально городъ молчаливый
Стоитъ — какъ на кладбищѣ крестъ.

Но эта бѣдная картина
Превыше кисти и пера:
Здѣсь Геѳсиманская долина,
Тамъ Элеонская гора!

CCCC.

15 ІЮЛЯ 1850.

(В. П. Титовъ).

Мы годомъ старше! съ быстротою
Промчались суетные дни;
Ихъ не воротишь—и съ собою
Какъ много унесли они!
Но въ чувствахъ и любви сердечной
Отъ времени убытка нѣтъ
И Промыслъ благодати вѣчной
Не истощается отъ лѣтъ.

Въ него мы вѣримъ, уповаемъ!
И не старѣющей душой
Мы снова праздникъ твой встрѣчаемъ
Благодареньемъ и мольбой.
Все такъ же радостны и пышны
Картины творческихъ чудесъ
И такъ же всюду сердцу слышны—
И пѣснь земли, и пѣснь небесъ.

Все такъ же прежней красотою
Свѣтлѣетъ голубой Босфоръ,

Лобзая ласковой волною
Подошву разноцвѣтныхъ горъ.
Все такъ же сборъ родной дружины,
Обычай старины любя,
Радушно на брегу чужбины
По Русски празднуетъ тебя.

CCCCI.

17-го СЕНТЯБРЯ 1850 г.

(Княгинѣ Вѣрѣ Аркадьевнѣ Голицыной).

„Да здравствуетъ княгиня Вѣра!“
Какъ грустно вспомнятъ сей припѣвъ
Стамбулъ, Буюкдере и Пера
Осиротѣвъ.
Припѣвъ родной, единовѣрный,
Веселый окликъ прежнихъ дней!
Въ немъ слышанъ былъ—нелицемѣрный
Привѣтъ друзей!
Не разъ, средь дружескихъ пирушекъ
Имъ оглашаемъ былъ Босфоръ,
Съ горъ Европейскихъ до верхушекъ
Азійскихъ горъ.
При немъ и Скутари, и Пера
И поэтическій Стамбулъ
Вамъ дѣлали, княгиня Вѣра,
На караулъ.
Теперь красавицей царицей
Ужь не любуются они;
Теперь она въ другой столицѣ
Проводитъ дни.

Молчитъ Буюкдере въ печали
И отцвѣла *Долина розъ*,
И въ память вамъ ей имя дали:
Долина слезъ.
И мнѣ до пѣсни ли веселой?
Разрознена семья друзей
И каждый въ путь пошелъ съ тяжелой
Тоской своей.
При васъ поется,—какъ въ дни Мая
Легко поется соловью;
Душа поетъ при васъ, встрѣчая
Весну свою.
Но, если намъ въ тоскѣ разлуки
Веселость не пойдетъ на умъ
И чужды громкихъ пѣсней звуки
И пиршествъ шумъ,—
Могу, забывъ про гулъ потѣшной,
Вашъ оглашавшій каждый шагъ,
Молить за васъ молитвой грѣшной
Творца всѣхъ благъ:
Да отвратитъ болѣзнь и горе
Отъ вашей милой головы,
И бѣдъ и бурь въ житейскомъ морѣ
Не знали бъ вы;
Да жизнь безоблачной красою
Цвѣтетъ всегда на радость вамъ,
Какъ вы безоблачной душою
На радость намъ!

CCCCII.

МОЛИТВА АНГЕЛУ ХРАНИТЕЛЮ.

Научи меня молиться,
Добрый Ангелъ научи!
Устъ твоихъ благоуханьемъ
Чувства черствыя смягчи;
Да во глубь души проникнутъ
Солнца вѣчнаго лучи,
Да въ груди моей забьются
Благодатныхъ слезъ ключи!

Дай моей молитвѣ крылья!
Дай полетъ мнѣ въ высоту!
Дай мнѣ вѣры безусловной
Высоту и теплоту!
Неповинныхъ, безотвѣтныхъ
Дай младенцевъ чистоту
И высокую, святую
Нищихъ духомъ простоту!

Дай, стряхнувъ земныя узы,
Съ прахомъ страннических ногъ,
Дай во мнѣ угаснуть шуму
Битвъ житейскихъ и тревогъ;
Да откроется тобою
Мнѣ молитвенный чертогъ,
Да въ одну сольются думу:
Смерть, безсмертіе и Богъ!

1851 г.

CCCCIII.

ПѢСНЬ ВЪ ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ ГРАФА Д. Н. БЛУДОВА.

Нашъ бойкій вѣкъ парúтъ и пúритъ
Парами гонитъ онъ и жжетъ,
Онъ жизнь торопитъ, время старитъ
И все кричитъ: впередъ, впередъ!

Что день—то новое начало,
Что день—съ вчерашнимъ днемъ разрывъ
И что всѣхъ утромъ волновало,
То къ вечеру сдано въ архивъ.

Дѣламъ и людямъ срокъ данъ малый.
Вчерашній геній, поглядишь,
Ужъ нынче олухъ запоздалый
И вѣкъ любимцу кажетъ шишъ!

Преданій связь давно забыта,
Съ прошедшимъ справиться смѣшно
И память на глухо забита,
Какъ въ домѣ лишнее окно.

Одно въ умѣ нашъ вѣкъ имѣетъ,
Принявъ пословицу въ законъ:
Что кто о старомъ вспомнить смѣетъ,
Тому глазъ должно вырвать вонъ.

Ты не таковъ, и слава Богу!
Глаза не выколешь ты намъ,
Когда на старую дорогу
Свернули къ старымъ мы друзьямъ.

Твой разумъ чуждъ предубѣжденья,
Не врагъ онъ доброй новизнѣ:
Въ благихъ успѣхахъ просвѣщенья
Идешь ты съ вѣкомъ наравнѣ.

Но старинѣ ты не измѣнникъ,
Не прилѣпляясь къ новизнамъ,
Ты не минутѣ современникъ,
Но современникъ всѣмъ вѣкамъ.

Ты въ памяти своей обширной
Хранишь преданья всѣхъ вѣковъ,
Любуясь выставкой всемірной
Всѣхъ дарованій и умовъ.

Фонъ-Визина ты шутки любишь
И Озерова звучный стихъ
Ты нынѣ лаской приголубишь,
Какъ сонъ и радость дней младыхъ.

Въ сей день, друзьямъ твоимъ любезный,
Когда во цвѣтѣ бодрыхъ силъ,
Ты жизни чистой и полезной
Полвѣка съ честью совершилъ,

Друзья сошлись въ твой кругъ семейный,
Чтобъ, безъ торжественныхъ затѣй,
Украсить пиръ твой юбилейный
Живой картиной прежнихъ дней.

Сложи трудовъ высокихъ бремя
И освѣжившись стариной,

Ты обочти скупое время
И сбрось полвѣка съ плечъ долой!

Сей вечеръ—радости и дружбѣ,
Сей вечеръ—съ нами отдохни!
А завтра, труженникъ на службѣ,
Полвѣка новые начни!

CCCCIV.

ПОСЛАНІЕ КЪ ГРАФУ Д. Н. БЛУДОВУ.

Тому полвѣка началъ ты
Служенье обществу и благу.
Имъ сердца свѣтлыя мечты,
Имъ смѣлаго ума отвагу
Отъ раннихъ дней ты посвятилъ
И лѣтъ тебя не тронулъ холодъ:
Еще ты нынѣ сердцемъ молодъ
И бодрый умъ твой не остылъ.

Полвѣка—и сказать такъ сграхъ!
А пережить—куда какъ трудно!
Жизнь сѣетъ щедро въ юныхъ дняхъ,
Но часто осенью жнетъ скудно.
Съ началомъ ссорится конецъ
И вечеръ—утра выводъ ложный;
Ты былъ и сѣятель надежный,
И много выручившій жнецъ.

Ты честью почести стяжалъ
Безъ посторонняго участья;
Ты, запыхавшись, не бѣжалъ
За прыткой колесницей счастья,
Чтобъ за подножку, на авось,
Рукою жадной уцѣпиться;

Ты счастья не искалъ добиться,—
Оно въ тебѣ за умъ взялось.

И все прекрасное въ тебѣ
Отъ искушенья уцѣлѣло:
Друзьямъ ли, съ недругомъ въ борьбѣ,—
Въ глаза смотрѣть ты можешь смѣло;
Друзьямъ сберегъ ты цвѣтъ любви,
Не опаленный знойнымъ счастьемъ;
Предъ непріязненнымъ пристрастьемъ
Въ поруку совѣсть призови.

Глупцамъ—глупцы есть и у насъ—
Бываетъ солонъ умъ твой ѣдкой
И мастерски не въ бровь, а въ глазъ
Ты попадаешь шуткой меткой;
И счету нѣтъ твоимъ стрѣламъ
Въ твоемъ запасливомъ колчанѣ:
Стрѣлялъ ты въ дѣдовъ—и заранѣ
Грозишь ты внучатнымъ глупцамъ.

Тебя не поглотилъ потокъ
Текущихъ дѣлъ, потокъ чернильной:
Въ себѣ отвелъ ты уголокъ
Для жизни, чувствами обильной.
И вся проникнута она
Святымъ огнемъ духовной силы:
Ты другъ и братъ пѣвцу *Людмилы*,
Ты другомъ былъ Карамзина.

CCCCV.

Кто скажетъ мнѣ мою судьбу?
Какъ прояснить души сомнѣнья
На бурю чувствъ, на ихъ борьбу
Сойдетъ-ли слово утѣшенья?

Письмо — признанье тайныхъ мукъ,
Невольный стонъ сердечной боли,
Письмо дошло до вашихъ рукъ,
Но ахъ! до сердца къ вамъ дошло-ли?

Путь письмамъ вѣрный и простой,
Я не страшусь за ихъ потерю:
Я вѣрю почтѣ городской,
Но счастью своему не вѣрю.

Письмо прочли; но какъ прочли
Съ раздумьемъ нѣжнымъ, иль со смѣхомъ?
Меня живаго погребли,
Иль къ небу подняли успѣхомъ?

Читая бредъ мой, грустный знакъ,
Любви страдальческой и страстной
Сказали-ль вы: какой дуракъ!
Сказали-ль вы: какой несчастный!

Быть можетъ — о, волшебный сонъ!
Въ письмѣ меня вы угадали,
Тайкомъ шепнули: это онъ,
И чувства въ васъ затрепетали.

Вы вспомнили и креселъ рядъ
И тотъ бинокль, который вѣчно
Преслѣдовалъ, ловилъ вашъ взглядъ,
Какъ милый лучъ звѣзды сердечной.

Но это все мечты одни,
Я къ смерти осужденъ заранѣ
Ужь выданы прогоны мнѣ
И подорожная въ карманѣ.

Но покажитесь у окна
Въ рукѣ съ камеліей пунцовой, —
И сердцу свѣтлая весна
Замѣнитъ мракъ зимы суровой.

Въ отставку тотчасъ я подамъ,
Начальство, службу, все покину,
И къ вашимъ брошу я ногамъ
Мои права къ кресту и чину.

Что Анну мнѣ въ петлицу вдѣть?
Не соблазнюсь чужимъ примѣромъ:
Клянусь и жить и умереть
Александринскимъ кавалеромъ.

CCCCVI.

ПРОѢЗДЪ ЧРЕЗЪ ФРАНЦІЮ ВЪ 1851 ГОДУ.

Когда желѣзныя дороги
Изборозднли цѣлый свѣтъ,
Иколымажныя берлоги
„Дѣла давно минувшихъ лѣтъ“,

Когда и лошадь почтовая
Какой-то миѳъ, какъ Буцефалъ,
И кучеръ, мумія живая,
Животнымъ допотопнымъ сталъ:

Тогда, хандрою и недугомъ
Страдая, прячась отъ людей,
Я по шоссе тащился цугомъ
Въ рыдванѣ прадѣдовскихъ дней.

И распростившись съ брегомъ Финскимъ,
Я отъ роднаго рубежа
Петромъ Иванычемъ Добчинскимъ
Достигъ мѣстечка Парижа́.

За то на станцію пріѣду—
Что́ за возня, за бѣготня?
Всѣ смотрятъ, всѣ ведутъ бесѣду
Про мой рыдванъ и про меня.

Я цѣль всеобщаго вопроса:
Что-за уродъ тутъ, что-за чортъ?
Жандармъ припелъ, глядитъ онъ косо
И строго требуетъ паспортъ.

Онъ весь встревоженъ: не везу ли
Въ каретѣ пушки я тайкомъ?
Не адскій ли снарядъ? и пули
Въ немъ не набиты ли биткомъ?

Не ѣду-ль я мутить Вандею?
Коню Троянскому подъ стать,
Въ каретѣ, можетъ быть, имѣю
Бивакирующую рать.

Изъ зависти къ Наполеону,
И, чтобъ потѣшить Англичанъ,
Ужь не Вандомскую-ль колонну
Укралъ и сунулъ я въ рыдванъ?

Жандармъ пугливыми глазами
Бурбономъ радъ признать меня:
Хоть носъ мой, знаете вы сами,
Совсѣмъ бурбонскимъ не родня.

Въ сараѣ затерялась сбруя,
Всѣ почтальоны на боку,
А кони, на травѣ пируя,
Давно въ безсрочномъ отпуску.

Все разбрелось, пришло въ упадокъ;
И часто я полсутокъ жду,
Пока не приведутъ въ порядокъ
Всю *дожелъзную* ѣзду.

Что́ шагъ, то новая помѣха,
И смѣхъ и горе! Вовсе нѣтъ:

Другимъ смѣшно, мнѣ-жь не до смѣха,
Я жертвой всѣхъ дорожныхъ бѣдъ.

Измучился Улиссъ несчастной:
Да, и теперь, какъ вспомню я
О вашей „Франціи прекрасной“,
Коробитъ и тошнитъ меня.

1852 г.

CCCCVII.

РУССКОЙ КРЫЛАТОЙ ДРУЖИНѢ.

Веселый кругъ счастливой молодежи,
Красавицы! Изъ свѣжихъ розъ пригожій,
Живой вѣнокъ! На праздникѣ весны
Младыя гостьи съ ясной и безпечной
Улыбкою, съ веселостью сердечной,
Порукою сердечной тишины!
Свободныхъ птицъ крылатая дружина,
Младая стая свѣтлыхъ, милыхъ сновъ,
Жизнь, радость, блескъ, поэзія, картина,
Волшебный міръ, міръ пѣсней, міръ цвѣтовъ!
Давно-ль вы здѣсь играли шумно, пѣли
И позабывъ, что ихъ прошла пора,
Давно-ль при васъ здѣсь старцы молодѣли
И нелюдимка, мрачная хандра,
Нечаянно и будто бы ошибкой,
Дружилась вновь съ забытою улыбкой
И любовалася сквозь сумракъ свой
На ваши игры, рѣзвости и пляски,
На блескъ лучей, на радужныя краски,
Которыми сіялъ вашъ легкій рой
И одѣвалъ дѣйствительность земную
Въ сонъ наяву, въ поэзію живую?

И васъ ужъ нѣтъ! Карлсбадъ осиротѣлъ;
Безъ васъ Карлсбадъ замолкнулъ, опустѣлъ.
Окрестныхъ горъ вершины и ущелья,
Луга, лѣсовъ нѣмыя глубины
Ужъ не звучатъ ни кликами веселья,
Ни пѣснями родимой стороны:
Про сѣверъ нашъ, про нашу Русь святую,
Про дѣвицу, зазнобу молодца,
Про колокольчикъ, тройку удалую,
Про все, что̀ въ насъ такъ шевелитъ сердца
И сладостью, и радостью унылой,
Когда вдали, на сторонѣ чужой,
Откликнется намъ отголосокъ милой,
Родная вѣсть изъ стороны родной.

Гдѣ вы теперь? Гдѣ празднуется младость,
Крылатыхъ дней одушевленный Май?
Гдѣ вамъ во слѣдъ благоухаетъ радость
И жизнь кипитъ и брызжетъ черезъ край?
Гдѣ хороводъ вашъ стройной цѣпью вьется?
Гдѣ ваша пѣснь струею звонкой льется,
Когда кругомъ ночь лунная нѣма
И стелется серебрянная тьма?
Кто вашею улыбкой молодѣетъ?
Гдѣ, на кого отъ вашихъ крыльевъ вѣетъ
И прелестью, и свѣжестью весны?

О, пользуйтесь порою мимолетной,
Пока вамъ снятся золотые сны,
Пока еще на жизни беззаботной
Не отразилась опытности тѣнь
И такъ еще безоблаченъ вашъ день;
Играйте жизнью, на лету ловите
Ее! Какъ вы, какъ радость—и она
Крылата! Въ даль съ волненьемъ не смотрите,
Любуйтесь тѣмъ, что̀ вашихъ дней весна
Роскошно вамъ даритъ съ такой любовью,

И, чуждая завѣтному условью:
За даръ судьбы, за легкокрылый сонъ,
Обдавшій душу сладкимъ упоеньемъ,
Платить тоской и позднимъ сожалѣньемъ
И счастья цвѣтъ сорвать, чтобъ тотчасъ онъ,
Утративъ запахъ свой и блескъ румяный,
Поблекъ въ рукѣ, коснувшейся къ нему.
Не знайте вы житейскіе обманы,
Знакомые и сердцу, и уму.
Будь молодость вамъ праздникъ ежедневный!
Вѣкъ золотой для васъ воскресни вновь
И внѣшній міръ, и міръ вамъ задушевный
Да охранитъ благихъ небесъ любовь!

А вашъ поэтъ и хилой, и угрюмой,
Вамъ поднося такой же хилой стихъ,
Привѣтствуетъ васъ благодарной думой,
За то, что вы въ порывѣ игръ младыхъ,
Когда васъ все влекло къ веселой цѣли,
Хандрѣ его сочувствовать умѣли
И угадать вамъ чуждую тоску,
И внять ея нѣмому языку.
Спасибо вамъ! средь шумнаго раздолья
Къ недугамъ сердца жалость въ васъ чутка.
Съ страдальцами вы—сестры сердоболья,
Съ счастливцами вы—розы изъ вѣнка!

А вашъ Карлсбадъ! при васъ живая сцена,
Гдѣ Петербургъ, Парижъ, Аѳины, Вѣна,
Берлинъ и Лондонъ, всѣ на Русскій ладъ
Вамъ вторили,—блестящій вашъ Карлсбадъ
Теперь безъ васъ вновь обращенъ въ больницу,
Гдѣ, съ грустью помня прежнее житье,
Шлосбрунна пьемъ соленую водицу
За здравіе и ваше, и свое.

Конецъ четвертаго тома.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1828.

CCLII. Первоначально было напечатано въ *Русск. Зрителѣ* 1828 № 12.

CCLIII. Въ рукописяхъ сохранился современный списокъ этого стихотворенія съ поправками автора, въ которомъ „Обитель совъ“ зачеркнуто и написано: *Пещера тьмы*; вмѣсто „испытанной рукой“—*волшебною рукой*; вмѣсто „Величье“,—*Искусство*; вмѣсто стиха: „Искусство, вкусъ, красивость, чистота, — *Красивость, вкусъ, отблески чистота*; вмѣсто „глаза“, — *умы*; вмѣсто „Враги нашлись“,—*Судей слѣпыхъ*; вмѣсто „съ отважнымъ“,—съ *смѣлымъ*. Было напечатано въ *Моск. Телеграфѣ* 1828 г. ч. XXIII, стр. 271).

CCLIV. *Альбомъ Сѣверн. Музъ* 1828 г., стр. 90.

CCLV. Тамъ же, стр. 118.

CCLVI. Тамъ же, стр. 340.

CCLVII. Тамъ же, стр. 346.

CCLVIII. Первоначально было напечатано въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* 1828 г., а потомъ въ *Дорогѣ и Дома* 1862 г.

CCLIX. Сѣверн. Цвѣты 1828 г.

CCLX. Памятн. Отеч. Музъ 1828 г., стр. 309.

CCLXI. *Невск. Альман.* 1828 г., стр. 306.

CCLXII. Тамъ же, стр. 311.

CCLXIII. Тамъ же, стр. 331.

CCLXIV. Напечатано въ *Сѣв. Цвѣщахъ* 1829 г., но написано въ 1828 году. Кн. П. А. Вяземскій въ письмѣ къ А. С. Пушкину отъ 26 іюня 1828 года: „Здѣсь есть милая бабочка Всеволожская, Пелагея Николаевна, и одинъ Вигель, который влюбленъ въ нее. Его въ Пензѣ прозвали: мосье Финмушъ отъ твонхъ стиховъ:

У Пелагеи Николаевны
Все тотъ же другъ мосье Финмушъ.

Въ провинціяхъ прелесть. Здѣсь только какъ въ древности или въ Китаѣ, поэтъ сохраняетъ свои первобытныя права и играетъ свою роль не хуже капитана исправника или дворянскаго засѣдателя. Въ столицахъ мы считаемся по арміи въ человѣческомъ родѣ. Вотъ портретъ Всеволожской, на дняхъ написанный:

Простоволосая головка,...

CCLXV. Напечатаны въ 1831 году, въ *Деннице*, изд. М. А. Максимовичемъ; но написаны въ 1823 году. Въ современномъ спискѣ съ помѣткою С. А. Соболевскаго, послѣ общаго заглавія, прибавлено въ скобкахъ: „Отрывки изъ Журнала Зимней Поѣздки въ степныхъ губерніяхъ 1828 года".

CCLXVI. Напечатано въ *Подснѣжникѣ* 1829 г. Хотя въ примѣчаніи сказано,—что эта „глава изъ путешествія въ стихахъ, писана въ 1825 году"; но въ современномъ спискѣ, рукою автора исправлено: „1828 года".

CCLXVII. Это стихотвореніе посвящено А. О. Смирновой. На эти стихи Пушкинъ отвѣтилъ князю П. А. Вяземскому извѣстнымъ стихотвореніемъ *Ея глаза*, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

Но самъ признайся, то-ли дѣло
Глаза Олениной моей!

(Соч. Пушкина, изд. 1859 г., I, стр. 378).

1829.

CCLXVIII. *Галатея* 1829 г. № 1, стр. 43.

CCLXIX. Тамъ же, № 27, стр. 37. Сохранился списокъ, просмотрѣнный авторомъ.

CCLXX. *Сѣв. Цвѣты* 1829 г., стр. 121.

CCLXXI. Тамъ же, стр. 164.

CCLXXII. Тамъ же, стр. 178.

CCLXXIII. Тамъ же, стр. 178.

CCLXXIV. Тамъ же, стр. 184.

CCLXXV. Тамъ же, стр. 191.

CCLXXVI. *Подснѣжникъ* 1829 г., стр. 86.

CCLXXVII. Тамъ же, стр. 142

CCLXXVIII. *Невск. Альм* 1829 г. Сохранился списокъ, просмотрѣнный авторомъ.

CCLXXIX. *Невск. Альм.* 1829 г, стр. 133. Замѣтка автора: „каждый куплетъ былъ пропѣтъ одною изъ дочерей Прасковьи Семеновны".

CCLXXX. Карманная книжка Олина на 1829 г., стр, 428.

1830.

CCLXXXI. I. Литтер. Газ. 1830 г. № 2, стр. 11. II. Денница 1830 г., стр. 140.

CCLXXXII. Литтер. Газета 1830 г. № 3, стр. 20.

CCLXXXIII. Сохранился автографъ, на которомъ *позднѣйшею рукою* князя П. А. Вяземскаго замѣчено: *Мои стихи вчерне съ замѣчаніями Пушкина*. Общее замѣчаніе Пушкина: „Ради Христа, очисти эти стихи—они стоятъ *Уныніе* *). Кромѣ того, Пушкинымъ сдѣланы слѣдующія замѣчанія: къ стиху: *Она* утѣшитъ васъ моею наготою.... Замѣчено: „Она (Истина)".

Къ стиху: Меня прожгла незримою стрѣлою.

Незримою стрѣлою—поставлены Пушкинымъ въ скобки и замѣчено: „лишнее".

И что же въ даръ мнѣ принесли судьбы?

Новорожденному даръ на зубокъ былъ нуженъ.

Въ первомъ стихѣ, Пушкинъ переставилъ слова, согласно съ напечатаннымъ; а ко второму сдѣлалъ замѣчаніе: „Княгиня права что морщится". Этотъ стихъ былъ потомъ выпущенъ авторомъ.

---

*) См. *Полн. Собр. Сочиненій кн. П. А. Вяземскаго.* Т. III, стр. 193.

Въ стихѣ: Ему подвластные онъ обрекаетъ дни.

Пушкинымъ подчеркнуты слова: „Ему подвластные“—и заключены въ скобкахъ; слово *дни* имъ же зачеркнуто, а съ боку имъ же написано: „наши дни“.

При стихахъ отъ:

Сей даръ для избранныхъ бываетъ мздой и казнью

и до конца стихотворенія, Пушкинымъ замѣчено: „прекрасно“.

Стихотвореніе это было въ первый разъ напечатано въ *Литературной Газетѣ* 1830 г. № 5, стр. 36. Въ автографѣ находятся слѣдующія отмѣны противъ напечатаннаго:

За что служу я вашей мести цѣлью?
Чему завидовать во мнѣ:
Какимъ честямъ? Какой казнѣ?
Какому изъ убранствъ фортуны ожерелью?
Что? двѣ, три мысли, два-три чувства, не изъ дюжинъ,
Отъ коихъ кормятся корыстные рабы

Въ печатномъ послѣдній стихъ замѣненъ:

Которыя въ ходу на торжищахъ земли,...

CCLXXXIV. *Литтературная Газета* 1830 г. № 14, стр. 110.

CCLXXXV. Тамъ же, № 34, стр. 272.

CCLXXXVI. Тамъ же, № 36, стр. 288. Это стихотвореніе приписывалось Пушкину и оно внесено было въ цензурную рукопись VII тома изданіе Анненкова, гдѣ зачеркнута княземъ П. А. Вяземскимъ съ надписью что это его стихотвореніе (Ефремовъ. *Сочин. А. С. Пушкина* изд. 3. Спб. 1888 I, стр. 550—551).

CCLXXXVII. Тамъ же, стр. 158.

CCLXXXVIII Тамъ же, Т. 2, стр. 282.

CCLXXXIX. *Денница*, 1830 г., стр. 99.

CCXC. Тамъ же, стр. 169.

CCXCI. *Радуга*, 1830 г., стр. 79.

CCXCII. Тамъ же, стр. 168.

CCXCIII. Тамъ же, стр. 241.

CCXCIV. Сѣв. цвѣты 1830 г., стр. 124.

CCXCV. *Славянинъ* 1830 г, ч. XIII, № 1, стр. 42. Издатель *Славянина* Воейковъ вмѣсто „Красовскаго“ напечаталъ *Ларобине* и къ этому сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Генералъ-полиціймейстеръ Парижскій Ларобине славный невѣжествомъ, но еще болѣе ханжествомъ“. На спискѣ этого стихотворенія князь П. А. Вяземскій собственноручно написалъ: „Это примѣчаніе и имя Ларобине рукодѣліе Воейкова. У меня были Красовскій и князь Голицынъ. Впрочемъ, стихи были напечатаны совершенно безъ моего вѣдома и просмотра“ (Межовъ, I, 222).

CCXCVI. *Сѣв. Цвѣты* 1831 г., стр. 68; по свидѣтельству автора, написанн въ 1830 году „во время холеры, въ Остафьевѣ“ (Межовъ, I, 73).

CCXCVII. Написано въ 1830 году въ день именинъ кн. Д. В. Голицына, бывшаго главнаго начальника Москвы. День этотъ праздновался въ подмосковномъ селѣ его Вяземахъ (*Въ Дорогѣ и Дома*, стр. 374).

1831.

CCXCVIII. *Сѣв. Цвѣты* 1832 г., стр. 105; но написаны по свидѣтельству автора: „въ Остафьевѣ января 12 1831 г.“.

CCXCIX. *Литтер. Газета* 1831 г., III, стр. 13.

CCC. *Сѣв. Цвѣты* 1831 г., стр. 92.

CCCI. Тамъ же, стр. 88.

CCCII. Тамъ же, стр. 94.

CCCIII. Тамъ же, стр. 111. Сохранился черновой автографъ этого стихотворенія, въ которомъ, между прочимъ, зачеркнуто слѣдующее:

И все, что̀ послѣ жизни краски
Одѣли яркой пестротой
Въ главахъ загадочной той сказки,
Что̀ развернулась предо мной

***

Пусть въ немъ и новый бытъ упроченъ
Движеньемъ чуждой новизны,
Пусть новый міръ сосредоточенъ
На пепелищѣ старины.
Какъ мнѣ сей памятникъ семейной
Потомку будетъ святъ
И безъ слезы благоговѣйной
Онъ мимо стѣнъ тѣхъ не пройдетъ.

CCCIV. *Сѣв. Цвѣты* 1831 г., стр. 119.

CCCV. Тамъ же.

CCCVI. *Денница* 1831 г., стр. 139.

CCCVII. *Спб. Вѣстникъ* 1831 г., № 25.

CCCVIII. *Сиротка* 1831 г, стр. 193.

CCCIX. Стихотвореніе это печатается со списка съ поправками автора. Первоначально было озаглавлено: *Не для нею?* Вездѣ рукою автора исправлено: *Не для меня*. Подъ стихотвореніемъ стоитъ 1831 годъ (*Рукоп. Сборн.* 1864 г., стр. 113).

CCCX. Печатается со списка. Подъ стихотвореніемъ означено имя автора и „30 августа 1831 года“.

1832.

CCCXI. *Сѣв. Цвѣты* 1832 г., стр. 88.

CCCXII. Тамъ же, стр. 90.

CCCXIII. Тамъ же, стр. 134.

CCCXIV. Тамъ же, стр. 152.

CCCXV. Тамъ же, стр. 182.

CCCXVI. *Альціона* 1832 г., стр. 83.

CCCXVII. Тамъ же, стр. 95.

CCCXVIII. Напечатано въ *Новосельѣ* 1833 г. На сохранившемся спискѣ этого стихотворенія, рукою С. А. Соболевскаго подъ заглавіемъ въ скобкахъ написано: „Графинѣ Е. М. Завадовской“.

CCCXIX. Стихотвореніе это сохранилось въ спискѣ, писанномъ рукою княгини В. Ѳ. Вяземской.

CCCXX. Первопачально было напечатано въ *Новосельѣ* 1833 г., а потомъ въ *Сочиненіяхъ Давыдова*. М. 1860 г., III, стр. 190. Въ послѣднемъ изданіи означено, что стихотвореніе писано въ 1832 году.

1833.

CCCXXI. Сохранилось въ спискѣ, писанномъ рукою Е. А. Тимашевой съ поправками автора. Изъ этой „Исповѣди“ было напечатано „Сновидѣніе“, „Бирюза“ въ *Новосельѣ* 1833 г., стр. 436 и 534.

CCCXXII. Стихотвореніе это сохранилось въ спискѣ подъ заглавіемъ *Пѣсня*, безъ обозначенія, кому оно писано и когда написано. Помѣщается оно подъ *1833* годомъ на основаніи слѣдующаго письма А. К. Карамзиной къ княгинѣ М. А. Вяземской (отъ 13 апрѣля 1880 г.). „J'ai gagné ces vers (que je ne méritais pas) á une partie, au billard chinois, trés en vogue dans ce tems, et que

je fis avec votre beau-pére à une soirée aux îles chez la comtesse Moussine-Pouschkin, depuis princesse Gortchakoff. Ce fut l'année 33 et quatre ans avant mon mariage avec Démidoff. Ce petit épisode vous prouve qui' ils aont bien à moi; gagnes au prix de mon adresse! C'est le comte Wielhorsky qui les mit en musique, et je vous autorise, avec fierté à les faire imprimer.

CCCXXIII. *Новоселье* 1833 г., стр. 555.

CCCXXIV. Стихотвореніе это князь П. А. Вяземскій отправилъ къ Жуковскому при письмѣ (отъ 26 марта 1833 года), въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Не поговорить ли о словесности т.-е. о поэзіи, напримѣръ о нашей съ Пушкинымъ и Мятлевымъ, который въ этомъ случаѣ былъ notre chef d'école". Стихи отъ: „Надо помянуть, непремѣнно помянуть надо" до „Бывшаго камергера Приклонскаго" включительно писаны княземъ Вяземскимъ. Стихи отъ: „г, Шафонскаго" до „Англичанина Warnta" включительно писаны А. С. Пушкинымъ и наконецъ стихи отъ: „Извѣстнаго механика Молдуано" и до конца писаны княземъ Вяземскимъ, который въ заключеніе писалъ Жуковскому: „Довольно ли съ тебя, а у насъ уже набрано около тысячи. Это вольное подражаніе твоему „Пѣвцу въ Русскомъ станѣ". Надѣюсь, что этотъ образецъ воспламенитъ твое вдохновеніе и ты не оставишь по части швейцарской составишь значительное пополненіе. Мы часто поминаемъ Василія Андреевича Жуковскаго и кума его Михаила Трофимовича Каченовскаго". Это стихотвореніе напечатано княземъ П. П. Вяземскимъ въ собраніи автографовъ Пушкина, а также въ сочиненіи: *А. С. Пушкинъ 1826—1837 по документамъ Остафьевскаго Архива и личнымъ воспоминаніямъ*, (*Берегъ* 1880 г., № 111, 113—115 и отдѣльно, стр. 58—62).

CCCXXV. Подъ такимъ заглавіемъ стихотвореніе это было напечатано въ *Дамскомъ Журналѣ* 1833 г., № 25, стр. 187. И. П. Новосильцовъ при письмѣ къ графу С. Д. Шереметеву (отъ 21 августа 1879 г.) сообщилъ копію съ этого стихотворенія, снятаго имъ съ памятника надъ могилою его матери Настасьи Павловны Новосильцовой, урожд. Мансуровой.

CCCXXVI. *Альціона* 1833.

CCCXXVII. Тамъ же.

CCCXXVIII. Тамъ же.

CCCXXIX. Тамъ же.

CCCXXX. Тамъ же.

CCCXXXI. Тамъ же. По поводу этого стихотворенія князь П. А. Вяземскій писалъ къ И. И. Дмитріеву (отъ 2 февраля 1833 г.): „Баронъ Розенъ, издатель *Альціоны*, просилъ меня представить альманахъ его патріарху нашей словесности, и я поспѣшаю исполнить порученіе его. Вы тутъ найдете мою стихотворную карикатуру ультра-романтическую, написанную для шутки и съ умысломъ поддѣлаться подъ нѣкоторыхъ Французскихъ поэтовъ новѣйшей школы Полевой не понялъ всего этого и критикуетъ его вправду. (*Русск. Арх.* 1868 г., стр. 627).

CCCXXXII. *Новоселье* 1834 года; но подъ стихотвореніемъ означено: „Дерптъ Сентябрь 1833 г.".

1834.

CCCXXXIII. *Новоселье* 1834 г. Сохранился современный списокъ съ поправками автора. Первоначально было:

Мнѣ улыбнулася балтійскихъ волнъ царица
И на сердце ея улыбка мнѣ легла,
Какъ въ утро майское румяная денница
Ложится на сафиръ струистаго стекла.

CCCXXXIV. Новоселье 1834 г., ч. II, стр. 46.

CCCXXXV. Тамъ же, стр. 175.

CCCXXXVI. Тамъ же, стр. 574. Сохранился списокъ этого стихотворенія, въ которомъ рукою автора внесены, пропущенные въ печати стихи:

На олтарѣ къ завѣтному сосуду
Не прикоснусь нечистою рукой
(*Сборн. Межова*, II, 170).

CCCXXXVII. Сохранилось въ спискѣ, на которомъ означено: „1834".

1835.

CCCXXXVIII. *Современникъ* 1836, I, 226; написано въ 1835.

1836.

CCCXXXIX. *Современникъ* 1836, III, стр. 91.

CCCXL. „Послѣ кн. Одоевскаго, пишетъ Соболевскій, нашлась четвертушка нотной бумаги, на которой близко знакомою мнѣ рукою Всеволожскаго написаны стихи, сложенные Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ въ честь Глинки; тутъ же, рукою кн. Одоевскаго, музыка на эти куплеты и собственноручная рукою Одоевскаго замѣтка о томъ, что все это происходило на обѣдѣ декабря 13-го 1836 года у Александра Всеволодовича Всеволожскаго" (*Русск. Старина*, 1870 г., II, стр. 312).

1837.

CCCXLI. *Современникъ* 1837 г., V, стр. 314.

1838.

CCCXLII. Спб. Вѣдом. 1838 г., 5-го февр. № 29.

CCCXLIII. Автографъ этого стихотворенія находится въ альбомѣ гр. А. А. Бобринскаго, который сообщилъ копію съ него при слѣдующемъ письмѣ кн. П. П. Вяземскому: „J'ai retrouvé encore un autographe de Votre Pére dans un album de ma Mère au des sous d'un dessin du général Kiel, représentant le pied de la Taglioni, sortant des nuages".

Четверостишіе это было первоначально напечатано въ *Современникѣ* 1838 г., IX, стр. 153.

CCCXLIV. *Альманахъ*, изд. Владиславлевымъ 1838 г., стр. 310.

CCCXLV. Тамъ же, стр. 322.

CCCXLVI. Тамъ же, стр. 342.

CCCXLVII. На современномъ спискѣ рукою автора отмѣчено: „Фарнгагенъ любилъ эти стихи и зналъ ихъ наизусть". Напечатано въ *Отечеств. Запискахъ* 1839 г., № 12; но подъ стихотвореніемъ стоитъ 1838 г.

1839.

CCCXLVIII. *Утренняя Заря* 1840 г. Подъ стихотвореніемъ означено: „Франкфуртъ 10 января 1839 г.".

CCCXLIX. *Въ Дорогѣ и Дома*, стр. 513. Сохранился автографъ этого стихотворенія, въ которомъ означено, что первая половина написана въ 1839 году, а вторая въ 1854 году. Первоначально это стихотвореніе было написано такъ:

— VII —

Икалось ли тебѣ, Давыдовъ,
Когда шампанское я пилъ
Различныхъ запаховъ и видовъ,
Различныхъ возрастовъ и силъ,

Когда въ подвалахъ у Моэта
Неистощимый мой бокалъ
За партизана и поэта
Я многократно осушалъ?

Да самъ Моэтъ поэтъ—и славный!
Онъ пишетъ прямо на бѣло
И стихъ его живой и плавный
Ложится на душу свѣтло.

Онъ заслужилъ свою извѣстность
И на текущую словесность
Своимъ вліяньемъ славенъ онъ.
Да здравствуетъ онъ всенародно!

Его творенья всѣмъ съ руки
И переводятся свободно
На всѣ живые языки.

На лонѣ пиршествъ и свободы,
Когда мы юностью цвѣли,
Какъ много ихъ въ былые годы
Съ тобою мы перевели.

Какъ много мы ночей безсонныхъ,
Ночей широкихъ на пролетъ...
За то весь трепетъ и веселье
Весь жажда, молча я проникъ

Въ сіе глухое подземелье
Въ сей поэтическій тайникъ.
Передо мной въ порядкѣ стройномъ
Лежитъ бутылокъ милліонъ...

За тѣмъ стихотвореніе это подверглось передѣлкѣ и въ этомъ послѣднемъ видѣ оно представляетъ слѣдующіе варіанты противъ напечатаннаго:

Я дружно поминалъ тебя,
Къ тому жь шампанское любя!
Моэтъ, скажу я всенародно,
Поэтъ великій! всѣмъ съ руки!
Предъ нимъ что твой Илліонъ?
Застольной книгой намъ была
Лихой земляк глазамъ и слуху.

1840.

CCCL. Отеч. Зап. т. X, стр. 291.
CCCLI. Одесск. Альман., стр. 448.
CCCLII. Тамъ же, стр. 573.
CCCLIII. Стихотвореніе это сохранилось въ спискѣ, подъ которымъ означенъ „1840 годъ“.

1841.

CCCLIV. Утрен. Заря, стр. 204.

CCCLV. Тамъ же, стр. 138.

CCCLVI. Сохранилось въ спискѣ. Подъ заглавіемъ рукою автора означено: „Графинѣ Сологубъ — нынѣ Свистунова“ и при стихѣ: *И благовонна-ль резеда?* замѣчено „я называлъ ее резедою“. Было напечатано въ *Москвитянинѣ* № 1.

CCCLVII. Сохранился автографъ, подъ которымъ означено: „23 сентября 1841 г. въ каретѣ. Переписалъ въ сельцѣ Михайловскомъ, въ домѣ Пушкина“: Напечатано въ *Утренней Зарѣ* 1842 г.

CCCLVIII. Въ черновомъ автографѣ озаглавлено: „Проселочная дорога“ и сдѣлана слѣдующая помѣта:
„25 сентября (1841) въ каретѣ (между Островомъ и Михайловскомъ). Напечатано въ *Москвитянинѣ* 1842. № 2.

CCCLIX. Стихотвореніе это имѣетъ двѣ редакціи. Первая писана рукою автора; а вторая сохранилась въ спискѣ. Писано въ сентябрѣ 1841, на пути автора въ сельцо Пушкина Михайловское.

CCCLX. Стихотвореніе это сохранилось въ двухъ спискахъ Подъ первымъ означенъ 1841 годъ; другой списокъ сдѣланъ рукою Н. Н. Пушкиной (Ланской) 31 декабря 1861 года (*Записная книжка кн. П. А. Вяземскаго*, XXX, стр. 64).

1842.

CCCLXI. Москвитянинъ № 10.

CCCLXII. Отпечатано на отдѣльномъ листкѣ съ цензорскою помѣтою: 3 мая 1842 года.

CCCLXIII. Написано 20 марта 1842 г., а напечатано въ *Молодикѣ* 1844 г.

1844.

CCCLXIV. Современникъ, т. XXXIV, стр. 76.

CCCLXV. Тамъ же, стр. 81.

CCCLXVI. 1 января 1845 г. Кн. П. А. Вяземскій писалъ Карамзинымъ „Смирнушка ужасно кашляетъ, и я на-дняхъ писалъ ей: „Что дѣлаетъ“ и пр. Эти стихи ее ужасно растрогали, и она просила продолженія. Но я отказался за неспособностью и обѣщалъ ей просить Омера Андреевича докончить начатое мною“ (кн. П. П. Вяземскаго. *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*. Спб. 1880, II, стр. 81).

CCCLXVII. Москвит. № 4.

1845.

CCCLXVIII. Вчера и Сегодня, I, стр. 164.

CCCLXIX. Печатается съ копіи, сообщенной П. И. Бартеневымъ и провѣренной имъ съ подлинникомъ. Написано: „30 августа 1845 г. Каменный Островъ“. 23 іюня графъ Ѳ. И. Толстой писалъ кн. П. А. Вяземскому: „Полинька сердечно тебя благодаритъ за обѣщаніе написать ей что-нибудь, но она тоскуетъ по своемъ альбомчикѣ“; а 5 сентября графъ писалъ: „Дочь была обрадована альбомомъ и восхищена твоими стихами“.

CCCLXX. Съ чернового автографа 1845.

CCCLXXI. Съ чернового автографа 1845.

CCCLXXII. Писано въ 1845 г., напечатано въ Москвск. Сборникѣ 1846.

CCCLXXIII. Тоже.
CCCLXXIV. Тоже.
CCCLXXV. Москв. № 2.
CCCLXXVI. Отеч. Зап. № 4. Эта эпиграмма вызвала слѣдующую замѣтку Булгарина въ Сѣверной Пчелѣ (№ 106): „Едва ли кромѣ двухъ-трехъ сценъ въ Мертвыхъ Душахъ появилось что-либо подобное въ печати, какъ стихотвореніе *Хавроньи*. Въ Русской Литературѣ никогда не появлялось картины отвратительнѣе. Хаврольи Отечеств. Записокъ входитъ въ театръ во всей нечистотѣ: съ грязною щетиною и запахомъ. Вѣдь у женщинъ могутъ случиться нервные припадки отъ такихъ благовонныхъ стиховъ. Хороша поэзія, въ которую нельзя заглянуть, не запасшись англійскою солью и одеколономъ".
CCCLXXVII. Печатается съ списка, исправленнаго авторомъ.
CCCLXXVIII. Печатается съ автографа.
CCCLXXIX. „ „ черноваго автографа.

1846.

CCCLXXX. Писано въ 1846 году, напечатано въ Моск. Сборникѣ 1847. Здѣсь же приложена и музыка Дорогомыжскаго.

1847.

CCCLXXXI. Москвит. 1848. № 1.

1848.

CCCLXXXII. Издано отдѣльною брошюрою. Спб. 1848, 8°, „въ пользу Второй Адмиралтейской Школы, состоящею подъ вѣдѣніемъ Женскаго Патріотическаго Общества".
CCCLXXXIII. Стихотвореніе это было напечатано въ первый разъ въ *Дорогѣ и Дома* (1862); а написано въ Альбомъ Великой Княгини Маріи Николаевны въ маѣ 1848, послѣ трехдневнаго пребыванія автора въ Сергіевкѣ близъ Петергофа. Списокъ изъ этого альбома, сдѣланный княгинею М. А. Вяземской, представляетъ слѣдующіе варіанты противъ напечатаннаго:

Когда бы не былъ я—ужъ отставный поэтъ,
Когда-бъ не выслужилъ узаконенныхъ лѣтъ,
Въ которыя даны намъ тайный даръ и сила,
Какъ приковать къ стиху всѣ радужные сны,
Рукою набожной не жжетъ ужъ ѳиміама,
Предъ *свѣтлымъ олтаремъ* богини красоты.

CCCLXXXIV. Печатается съ автографа, на которомъ означена „Лѣсная дача, августъ 1848".
CCCLXXXV. На спискахъ, просмотрѣнныхъ авторомъ, означено: „Лѣсная дача, сентябрь 1848". Кромѣ того, сохранился и черновой автографъ, который представляетъ слѣдующіе варіанты:

Когда потухнетъ день и сумракъ задымится
Въ послѣдней сей борьбѣ, въ сихъ замираньяхъ дня,
Люблю тогда одинъ я *въ полѣ опустѣвшемъ*
Бродить, или *въ лѣсу, дремотой окутавшемъ*
Съ дороги столбовой несется, *тройка скачетъ*,
А тѣсня, то *горемычко плачетъ*
Вдали людскихъ рѣчей раздался темный гулъ.

CCCLXXXVI Написано въ 1848 году, напечатано въ Москвит. 1849, ч. I, стр. 95.

1849.

CCCLXXXVII и CCCLXXXVIII. *Русск. Инв.* № 25 и Москвит. № 2.

29 января 1849 года, исполнилось пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Жуковскаго. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, юбилей этотъ не состоялся, по причинѣ не пріѣзда Жуковскаго въ Россію изъ чужихъ краевъ. „Но за невозможностью торжественнаго и оффиціальнаго празднества", пишетъ князь Вяземскій, „друзья и близкія лица къ Жуковскому отпраздновали сей день у меня домашнимъ образомъ. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, нынѣ благополучно царствующій Императоръ, почтилъ милостивымъ присутствіемъ Своимъ это семейное торжество, во изъявленіе сердечнаго сочувствія и уваженія къ бывшему Своему наставнику. На этомъ вечерѣ графъ Блудовъ прочиталъ стихи, мною написанные по поводу юбилея; графъ Михаилъ Вьелгорскій пѣлъ куплеты мои, на день рожденія Жуковскаго; Михаилъ Глинка, тогда только-что возвратившійся изъ-за границы, оживилъ музыкальную часть этого вечера (*Русск. Арх.* 1866 г. стр. 1065). Въ Остафьевскомъ Архивѣ князя П. П. Вяземскаго сохранилось письмо С А Юрьевича къ князю П. А. Вяземскому, отъ 25 января 1849 г., въ которомъ, между прочимъ читаемъ:

Письмо ваше, любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ, и ваше стихотвореніе на 29 число января: 67-й день рожденія В А. Жуковскаго, я представлялъ Государю Наслѣднику Цесаревичу. Его Высочество съ особеннымъ удовольствіемъ прочиталъ стихи ваши и у Него при чтеніи ихъ, отъ сердечнаго сочувствія съ поэтомъ, нѣсколько разъ вырывались слова: *прекрасно, мило, прелестно* Я конфиденціально передаю вамъ князь, эти невольныя восклицанія Его Высочества, а оффиціально долженъ сказать, что Государь Наслѣдникъ нашелъ стихи очень хорошими и по содержанію достойными и Жуковскаго и князя Вяземскаго, присовокупивъ, что для напечатанія ихъ Онъ съ своей стороны не находитъ никакого препятствія и что для того ихъ должно представить обыкновеннымъ порядкомъ въ цензуру. Съ моей стороны, считаю себя весьма счастливымъ, если хотя сколько-нибудь способствовалъ (какъ вы выражаетесь въ письмѣ вашемъ: внушеніемъ мысли о праздникѣ въ честь отсутствующаго Жуковскаго) къ рожденію на свѣтъ такого прекраснаго дѣтища вашего, каково это новое ваше твореніе—въ честь и достойную память незабвеннаго для всѣхъ насъ Василія Андреевича". Сохранившійся черновой автографъ этого стихотворенія представляетъ слѣдующіе варіанты противъ напечатаннаго:

Богъ сегодня далъ намъ друга
Нашъ привѣтъ ему отраденъ
Пусть *нагрянетъ* въ Баденъ-Баденъ.

CCCLXXXIX. Списокъ, сдѣланный княгинею В. А. Голицыной (рожд Столыпиной) и исправленный авторомъ, представляетъ слѣдующіе варіанты противъ напечатаннаго:

И какъ огненное море
Зноемъ пышетъ *и кипитъ*,
Цѣпенѣетъ воздухъ *плотной*
Не пахнётъ, *не заструитъ*,
Тучка тѣнью мимолетной
По землѣ не проснользнетъ.
Призрѣнъ онъ (аистъ) *семьей убогой*
И хранитъ ее отъ бѣдъ
Только съ важностью спокойной,
Да встаетъ мятелью знойной
Пыль степная родъ золы

Незапамятныхъ временъ
Въ ней роднымъ огнемъ согрѣта—
Все же вамъ любовь и честь...

На спискѣ означено: іюнь 1849. Напечатано въ *Дорогѣ и Дома*, стр. 64—65.

CCCXC. Въ Дорогѣ и Дома, стр. 65—67.

CCCXCI. Списокъ княгини Голицыной представляетъ слѣдующіе варіанты противъ напечатаннаго:

Свой побѣдоносный громъ
Въ степи Божій вертоградъ
Какъ усталый путникъ радъ
Здѣсь пахучими цвѣтами;
*Испар*ньемъ *сочныхъ травъ*
*Весь пропитанъ упо*нъ,
Но гдѣ радость тутъ и горе!
Говорятъ, что отъ дождей
Грязь скопляется какъ море
Средь Аркадіи моей,
Что стоитъ по цѣлымъ суткамъ
И по *лужимъ только* уткамъ
Жаль! но трудъ переупрямитъ
Это зло. *Онъ чародѣй,*
Онъ *вамъ* топь амакадамитъ
И спасетъ васъ отъ дождей.
Все впередъ себѣ идемъ.

Напечатано въ *Дорогѣ и Дома*, стр. 70—73.

Приписка 1853 печатается въ первый разъ. Въ *Записной Книжкѣ* автора: читаемъ: „Дорогою изъ Дрездена въ Карлсбадъ (13 мая 1853) додѣлалъ я куплеты, которые уже давно вертѣлись въ головѣ моей и должны быть вставлены въ мое стихотвореніе *Полтава*. (*Зап. Кн.* 1853, стр. 2 об.).

CCCXCII. Въ Дорогѣ и Дома, стр. 83—84. Списокъ княгини Голицыной, исправленный рукою автора, представляетъ слѣдующіе варіанты противъ напечатаннаго:

Я ихъ здѣсь узналъ *на восточный край*
И луна и ночь разливаютъ рай,
Голубой зарей *разсѣта*тъ *тьмы,*
Вспыхнулъ сводъ небесъ *отъ златыхъ лампадъ;*

На спискѣ означенъ 1849 годъ.

CCCXCIII. Москвит. V, Смѣсь, стр. 1.

CCCXCIV. Въ Дорогѣ и Дома, стр. 90—92. Въ черновомъ автографѣ стихотвореніе озаглавлено *Море*. Писано въ 1849 году.

CCCXCV. Въ Дорогѣ и Дома, стр. 84—85.

CCCXCVI. „ „ „ „ „ 85—86.

CCCXCVII. „ „ „ „ „ 355. На спискѣ княгини Голицыной означено февраль 1850.

CCCXCVIII. Въ Дорогѣ и Дома, стр. 356.

CCCXCIX. Печатается со списка, бывшаго въ рукахъ автора.

CCCC. Въ Дорогѣ и Дома, стр. 93

CCCCI. „ „ „ „ „ 88—89

Подъ автографомъ означено: „Жаркп“. (Калужской губ.).

Мы получили отъ Д. Ѳ. Кобеко переписку его отца Ѳомы Ѳомича съ княземъ П. А. Вяземскимъ во время путешествія послѣдняго по Востоку. Переписка эта дала намъ возможность распредѣлить въ хронологическомъ порядкѣ стихотворенія этого періода. Всѣхъ писемъ князя Вяземскаго 21. На каждомъ письмѣ означено годъ, мѣсяцъ, число и мѣсто, откуда писано:

1849	іюнь	. . . 5	Остафьево	
—	„	. . . 28	Одесса.	
—	іюль.	. . . 14	Константинополь	(Буюкдере).
—	-	. . . 24	„	„
—	августъ	. . 3	„	„
—	„	. . . 13	„	„
—	сентябрь	. . 3	„	„
—	октябрь	. . 1	„	„
—	ноябрь.	. . 13	Константинополь	(Пера).
—	декабрь	. . 19	„	„
—	„	. . . 29	„	„
1850	январь.	. . 16	„	„
—	„	. . . 30	„	„
—	февраль	. . 23	„	„
—	мартъ	. . . 16	„	
—	май .	. . . 15	Іерусалимъ.	
—	іюль	. . . 3	Константинополь	(Буюкдере).
—	августъ.	. . 7	Одесскій карантинъ.	
—	сентябрь	. . 25	Остафьево.	

CCCCII. Рауть II. Сушкова 1851. № 1.

1851.

CCCCIII. и
CCCCIV. Москвит. № 4.

CCCCV. Написано въ 1851 А. Ил Карамзиной (рожд. Дука). На спискѣ рукою автора сдѣлана слѣдующая помѣта: „Мистификація, посланная подъ именемъ неизвѣстнаго", (Межовъ III, стр. 236).

CCCCVI. Печатается, со списка бывшаго въ рукахъ автора.

1852.

CCCCVII. Въ Дорогѣ и Дома, стр. 124—127. Написано: въ Карлсбадѣ, въ сентябрѣ 1852 г. (Межовъ, III, стр. 320).

Николай Барсуковъ.

25 Ноября 1880 г.

С.-Петербургъ.

Цѣна 2 руб.